

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 5

ИСТОРИЯ

2023 – 3

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 5.2

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «История»:

И.К. Богомолов – главный редактор, канд. ист. наук (ИНИОН РАН); *Т.Б. Уварова* – зам. главного редактора, д-р ист. наук (ИНИОН РАН, профессор ЦСА РГГУ); *О.Л. Александри* – ответственный секретарь (ИНИОН РАН); *И.Е. Андронов* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *А.А. Анисимова* – канд. ист. наук (ИВИ РАН, доцент ГАУГН); *А.В. Апанасенок* – д-р ист. наук, (ИНИОН РАН); *В.Н. Бабенко* – д-р ист. наук (профессор ЦНИ ВГУЮ); *А.В. Белов*, д-р исторических наук (ИРИ РАН); *Д.М. Бондаренко* – чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (зам. директора по науке Института Африки РАН); *А.Ю. Ватлин* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *А.Г. Володин* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *Ф.А. Гайда* – д-р ист. наук (доцент МГУ); *Е.Н. Емельянова* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН, доцент ГСГУ); *В.Н. Захаров* – д-р исторических наук (ИРИ РАН); *А.В. Кузнецов* – чл.-корр. РАН, д-р экон. наук (директор ИНИОН РАН); *В.П. Любин* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *А.Е. Медовичев* – ведущ. редактор (ИНИОН РАН); *Т.М. Фадеева* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН); *С.М. Шамин* – д-р ист. наук (ИРИ РАН)

DOI: 10.31249/rhist/2023.03.00

ISSN 2219-875X

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-80873 от 21.04.2021

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 5: «История» = Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature». Series 5: «History». Входит в базы цитирования: РИНЦ, Google Scholar, East Europe & Central Europe Database компании ProQuest, Ulrichs Periodicals Directory, базы данных Российской государственной библиотеки, Russian Academy of Sciences Bibliographies, библиографические базы данных ИНИОН РАН. Полнотекстовая версия журнала с 2016 г. размещается в базах данных серии Ultimates компании EBSCO Publishing на платформе EBSCOhost.

© ИНИОН РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Давлетбаева В.Б. Служебная биография С.Т. Аксакова (1808–1839): историографический обзор	7
Комзолова А.А. Польский вопрос при Александре I в русской исторической публицистике 1860–1870-х годов	28
Пушкарева И.М., Хайлова Н.Б. Либеральный центризм в России начала XX в. (Историографический аспект). Часть 2	43
Братание в армиях Юго-Западного фронта в 1917 г. (автор-составитель С.В. Курицын). Часть 2	64
Дунаева Ю.В. Научное творчество Н.И. Кареева. Историографическая статья. Часть 2	116
Апанасенко А.В., Красильникова Е.И. История Союза воинствующих безбожников в зеркале отечественных и зарубежных исследований	136
Волкова И.В. Отечественная историография о проблеме военно-политического сотрудничества СССР с Гоминьданом в 1923–1942 гг.	153

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Евстюнин В.А. Причерноморье в эпоху глобальных катаклизмов (XIV в.)	168
Емельянова Е.Н. Европейский фашизм в 20–30-е годы XX в.: причины прихода к власти	176
Бабенко О.В. Фашизм в новых публикациях польских ученых (2019–2022)	194

АНТРОПОЛОГИЯ

Большакова О.В. Человек и природа в истории: современные зарубежные исследования. Комментарий к библиографии	206

Петрухина Д.В. Идентичность маори Новой Зеландии: история и современные проблемы	227
Гринько И.А.. Новое музейное мышление: антропологический подход	247

РЕЦЕНЗИИ

Минц М.М. <i>Рец. на кн.:</i> Голдман В.З., Филцер Д. Крепость мрачная и грозная: советский тыл в период Второй мировой войны	266
Уварова Т.Б. Рец. на кн.: Михалев М.С. Великий восточный лимитроф. Трансграничные народы в государственной политике Китая и России	274

ЖИЗНЬ НАУКИ

Всероссийская научно-практическая конференция «Краеведение: прошлое, настоящее, будущее» : Курск, 1–2 марта 2023 г.	279

CONTENTS

RUSSIAN HISTORY

Davletbaeva V.B. Official biography of S.T. Aksakov (1808–1839): historiographical review	7
Komzolova A.A. Russian historical journalism of 1860–1870s about the polish question under Alexander I	28
Pushkareva I.M., Hailova N.B. Liberal centrism in Russia in the early twentieth century (historiographical aspect). Part 2	43
Fratemization in the armies of the Southwestern front in 1917 (contributing author Kuritsyn S.V.). Part 2	64
Dunaeva Yu.V. Scientific creativity of N.I. Kareev. Historiographical article. Part 2.....	116
Apanasenok A.V., Krasilnikova E.I. The History of the League of Militant Atheists in mirror of domestic and foreign studies	136
Volkova I.V. National historiography on the problem of military and political cooperation of the USSR with the Kuomintan in 1923–1942	153

GENERAL HISTORY

Evstiunin V.A. Black sea region in the era of global cataclysms (XIV century), abstract review	168
Emelianova E.N. European fascism in the 20–30s of the XX century: reasons for coming to power.....	176
Babenko O.V. Fascism in new publications of Polish scholars (2019–2022)	194

ANTHROPOLOGY

Bolshakova O.V. Human being and nature in history: Recent foreign studies. Comment on the bibliography	206
Petrukhina D.V. New Zealand Maori identity: history and contemporary Challenges	227
Grinko A. New museum thinking: anthropological view	247

REVIEWS

Mintz M.M. <i>Rev. ad. op.</i> : Goldman W.Z., Filtzer D. Fortress dark and stern: the Soviet home front during World War II	266
Uvarova T.B. <i>Rev. ad. op.</i> : Mikhalev M.S. The Great eastern limitrophe. Transboundary peoples in the public policies of China and Russia	274

LIFE OF SCIENCE

All-Russian scientific and practical conference «Local history: past, present, future» : Kursk, 1–2 March 2023	279

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 303.446.4; 929; 94(47).072–073 DOI: 10.31249/hist/2023.03.01

ДАВЛЕТБАЕВА В.Б.* СЛУЖЕБНАЯ БИОГРАФИЯ С.Т. АКСАКОВА (1808–1839): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация. В статье на основе работ отечественных историков и литературоведов анализируется одна из малоизвестных страниц жизни известного писателя Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859) – его служебная биография. Значительная часть исследований посвящена периоду службы С.Т. Аксакова в Министерстве народного просвещения (1827–1832), его государственная служба в Комиссии составления законов (1808–1810) и Межевом ведомстве (1833–1839) осталась малоизученной в историографии. Это связано прежде всего с тем, что авторы работ основывались в основном на биографических сведениях, привлекая далеко не все архивные источники.

Ключевые слова: Служебная деятельность С.Т. Аксакова; Комиссия составления законов; Московский цензурный комитет; Константиновское землемерное училище; Константиновский межевой институт.

DAVLETBAEVA V.B. Official biography of S.T. Aksakov (1808–1839): historiographical review

Abstract. The article analyzes one of the little-known pages of the life of the famous writer Sergei Timofeevich Aksakov (1791–1859) –

* © Давлетбаева Варвара Борисовна – кандидат исторических наук, руководитель Культурно-исторического центра «Музей С.Т. Аксакова», доцент кафедры истории, философии и социальных наук Московского государственного университета геодезии и картографии (МИИГАиК), ведущий научный сотрудник Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля; aksakov@miigaik.ru

his official biography based on the works of Russian historians and literary critics. A significant part of the research is devoted to the period of S.T. Aksakov's service in the Ministry of Public Education (1827–1832), his public service in the Commission for Drafting Laws (1808–1810) and the Land Survey Department (1833–1839) remained little studied in historiography. This is primarily due to the fact that the authors of the works were based mainly on biographical information, attracting far from all archival sources.

Keywords: Official activity of S.T. Aksakov; the Commission for drafting laws; the Moscow Censorship Committee; the Konstantinovskiy Land Surveying School; the Konstantinovskiy Boundary Institute.

Для цитирования: Давлетбаева В.Б. Служебная биография С.Т. Аксакова (1808–1839): историографический обзор. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 3. – С. 7–27. – DOI: 10.31249/hist/2023.03.01

Отечественная историография насчитывает значительное количество работ, посвященных жизни Сергея Тимофеевича Аксакова, где упоминались или анализировались отдельные эпизоды его служебной биографии. Начав государственную службу в Комиссии составления законов в 1808 г. под руководством сначала Г.А. Розенкампа (1764–1832), затем М.М. Сперанского (1772–1839), Аксаков стал известен широкому кругу общественности в 1820-е годы как цензор, а потом как председатель Московского цензурного комитета. В 1830-е годы Сергей Тимофеевич – инспектор Константиновского землемерного училища, которое, благодаря его стараниям, было преобразовано в Константиновский межевой институт. Напряженная служба в Межевом ведомстве на протяжении шести лет сказалась на состоянии здоровья Аксакова, и в 1839 г. он, оставив государственную службу, вышел в отставку.

Большинство исследовательских работ основано на мемуарах Аксакова, где он подробно рассказывал о своем обучении в Казанской гимназии и Казанском университете, о своих служебных, литературных и театральных знакомствах. Привлекались труды его современников, которые освещали деятельность государственных учреждений, где Аксаков проходил службу. В исследовании М.А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» было уделено

внимание деятельности и обязанностям Аксакова как письмоводителя. Будучи директором Комиссии составления законов, Сперанский формировал «журналы совета» и докладывал об итогах работы императору [21, с. 158, 159]. По словам Сперанского, в Комиссии составления законов в течение двух лет были составлены и изданы две «труднейшие» части гражданского уложения [21, с. 166]. Таким образом, можно сделать предположение, что обязанности письмоводителя Комиссии Аксакова заключались в переписывании законов после внесенных правок директором Сперанским.

Одна из ранних дореволюционных работ, которая осветила деятельность Аксакова в Московском цензурном комитете – исследование П.К. Щербальского. Автор подробно проанализировал цензурный устав 1828 г., благодаря которому произошли «существенные облегчения», среди них – допуск публикации «тяжебных дел» и театральных рецензий, в период управления министерством князя К.А. Ливена разрешались к печати новые журналы и альманахи. В то же время участились случаи заключения цензоров на гауптвахту за пропуск «непозволительных» статей и сборников, некоторые журналы были закрыты [50, с. 40, 41].

В 1879 г., в год 100-летия Константиновского межевого института, благодаря директору А.Л. Апухтину, было опубликовано масштабное научное исследование, посвященное истории учебного заведения с 1779 по 1879 г. [3]. В своей монографии, основанной на архивном материале, Апухтин проанализировал деятельность и вклад Аксакова как директора Константиновского межевого института. Надо отметить, что служебная биография Сергея Тимофеевича с 1833 по 1835 г. как инспектора Константиновского землемерного училища в этой работе практически не освещалась, в основном анализировалась делопроизводственная документация учебного заведения. По словам Апухтина, вопрос преобразования Константиновского землемерного училища в институт назрел еще в 1820-х годах, за несколько лет до поступления Аксакова на службу инспектором [3, с. 47]. К моменту его прихода учебное заведение пребывало в «совершенном расстройстве», ситуацию помогло исправить лишь «примерное управление» Сергея Тимофеевича [3, с. 48].

Написание главного документа учебного заведения – Устава Константиновского межевого института Апухтин признавал важной заслугой Аксакова и попечителя И.У. Пейкера. Анализируя сохранившиеся документы института 1835–1839 гг., Апухтин очень подробно изложил содержание архивных дел Константиновского межевого института – кадровые перемещения, количество воспитанников, доходы и расходы учебного заведения; опубликовал списки выпускников института, начиная с 1837 г. Аксаков внес значительный вклад в совершенствование и «устройство» института, его управление Апухтин называл «мягким» и «чрезвычайно заботливым» [3, с. 67].

О деятельности Аксакова как цензора Московского цензурного комитета писал историк Н.П. Барсуков в научном исследовании «Жизнь и труды М.П. Погодина». Он рассказывал о сложной работе по цензуре «Московского вестника» и о шагах, которые предпринял Аксаков для сохранения за ним должности в Московском цензурном комитете после реформы 1828 г. Барсуков приводил тексты писем Погодина и современников, которые свидетельствовали об уважительном отношении с их стороны к Аксакову-цензору [6].

В 1891 г. был опубликован биографический очерк В.П. Острогорского, в котором автор охарактеризовал цензорские обязанности Аксакова как «щекотливые и трудные». Цензор в этот период должен был иметь служебную ловкость, такт и хорошее образование. Эти качества не были присущи «добродушнейшему Сергею Тимофеевичу», которому приходилось маневрировать между «своей совестью» и постоянным риском потери места службы [33, с. 86]. При написании очерка Острогорский основывался на мемуарах Аксакова, замечаниях его биографов, воспоминаниях его сына И.С. Аксакова.

А.М. Скабичевский в своем исследовании привел основные конфликтные ситуации цензурской политики начала 1830-х годов: запрещение журнала И.В. Киреевского «Европеец», который цензурировал Аксаков; конфискация альманаха М.А. Максимовича «Денница» и наказание цензора С.Н. Глинки – заключение на гауптвахте; столкновения с цензурой В.Г. Белинского [44, с. 226]. По мнению исследователя, все эти конфликты так или иначе были связаны с Июльской революцией 1830 г. Также Скабичевский

привел текст письма А.Х. Бенкендорфа от 10 марта 1831 г., в котором начальник Третьего отделения рекомендовал Аксакову не торопиться с «обнародованием» сочинения М.П. Погодина «Марфа Посадница», пока не переменятся «нынешние смутные обстоятельства». Фактически он запретил продажу уже отпечатанной в типографии книги в связи с польским восстанием 1830 г. [44, с. 228]. Скабичевский показал всю сложность издательской деятельности и работы цензоров, когда любые периодические издания и газеты могли выходить только с «высочайшего соизволения» [44, с. 231].

Н.М. Павлов, характеризуя личность Аксакова, подчеркнул его высокие профессиональные и нравственные качества [34]. Сергей Тимофеевич считал неправильным пропускать в печать тексты, «оскорбительные народу польскому». Очерк насыщен неопубликованными письмами Аксакова, из которых мы узнаем о сложностях работы цензора в 1830-е годы: «Устав позволяет – цензор запрещает; Устав напечатан – предписание министра – тайна». Сергей Тимофеевич просил московского обер-полицмейстера «ограждения» от толкований в дурную сторону проверяемых им изданий, приводя весомый довод, что даже некоторые выражения из Евангелия можно истолковать по-разному. По его мнению, для цензора в тот период необходима была защита правительства, иначе нельзя исполнять должность с «надлежащей твердостью» и уверенностью в завтрашнем дне [цит. по: 34, с. 88–90]. Такого же «ограждения» он просил у А.Х. Бенкендорфа. По поводу незаслуженного увольнения Аксакова с должности цензора как «чиновника, вовсе не имеющего нужных для звания сего способностей»¹, Павлов справедливо замечал, что цензор не может отвечать за «неизящность» литературы [цит. по: 34, с. 91].

Два тома энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, изданные в 1898 г., помогли выявить некоторые сведения по персоналиям из окружения Аксакова [51]. В исследовании В.Н. Лясковского «Братья Киреевские. Жизнь и труды их» кратко рассматриваются последние годы служебной деятельности Сергея Тимофеевича в Московском цензурном комитете, в частности – вынесение ему строгого выговора за пропуск статьи И.В. Киреев-

¹ РГАЛИ.Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об.

ского в журнале «Европеец». В то время на его страницах печатались такие «имена» как Е.А. Боратынский, Н.М. Языков, А.С. Хомяков, А.И. Тургенев, В.А. Жуковский. По мнению автора, закрытие журнала было результатом доноса литературных соперников Ивана Васильевича. «Успех Киреевского, – отмечал В.Н. Лясковский, – значил успех нового направления современной печати и гибель старого». Ф.В. Булгарин не мог допустить появление нового журнала, но и «открытый бой» был бы ему «не под силу», поэтому в ход пошли клевета и донос [27, с. 36–37].

В 1902 г. в памятной книжке Константиновского межевого института за 1901–1902 гг. была опубликована статья Н. Волкова о В.Г. Белинском [12], в которой отражена роль Аксакова как основного инициатора устройства преподавателем русского языка в Константиновский межевой институт будущего известного литературного критика. К статье прилагалась копия письма Белинского Аксакову о согласии «преподавать русский язык в двух старших классах Константиновского межевого института» [12, с. 123].

В сборнике статей «Из истории русской интеллигенции» П.Н. Милоков привел известные биографические сведения об Аксакове, обозначив важный факт, что в 1811 г. С.Т. Аксаков покинул Петербург и уехал в деревню [31, с. 63]. Данное уточнение послужило причиной проведения источниковедческого анализа делопроизводственной документации, официальных сборников с росписью штата Экспедиции о государственных доходах, что позволило сделать предположение о формальном, исключительно «на бумаге», прохождении службы С.Т. Аксаковым с 1810–1819 гг.

В.И. Шенрок, ориентируясь на мемуары писателя, связывал начальный период служебной биографии Аксакова с литературно-театральными знакомствами: с актером Я.Е. Шушериным и главой литературного общества «Беседы любителей русского слова» А.С. Шишковым [48, № 10, с. 379]. Автор уделил особое внимание взаимоотношениям Аксакова-цензора и издателей, отмечая, что только с Полевым случались конфликтные ситуации, по отношению к остальным литераторам он был чиновником, который стремился избежать «бездушного формализма» [48, № 10, с. 391–392]. Случалось, что С.Т. Аксакова обвиняли в «личных пристрастиях». Показательно, что цензор И.М. Снегирев жаловался своему петербургскому коллеге В.Г. Анастасевичу на Аксакова, который раз-

решил к печати «клеветническую брань» на речь, одобренную Московским университетом [цит. по: 48, № 10, с. 397]. В период цензурской деятельности Аксакова значительную роль сыграла начавшаяся дружба, а затем литературное сотрудничество с Погодиным. По словам Шенрока, сходились они больше всего на «почве патриотической» [48, № 10, с. 394].

Н.В. Дризен в работе «Драматическая цензура двух эпох, 1825–1881» дал оценку периоду царствования Николая I, как «счастливого в литературном отношении». Автор упомянул об инциденте с трагедией «Атилла», которую цензуровал Л.А. Цветаев, а Аксаков выразил «особое мнение», не согласившись с большинством голосов представителей Московского цензурного комитета. Он заступился за четвертый акт трагедии Вернера Захария, где воспроизводилась церковная процессия римского епископа Льва, не только потому, что, по его мнению, подобные описания «никогда не воспрещались» [17а, с. 101–102], но, видимо, еще и потому, что переводчиком этой трагедии и представителем был его хороший знакомый, родственник адмирала А.С. Шишкова – Александр Ардалионович Шишков. В итоге пьеса, по словам Н.В. Дризена, была разрешена к печати [17а, с. 102].

В советской историографии служебная деятельность Аксакова в Московском цензурном комитете была проанализирована в 1928 г. в работе В.В. Данилова [17]. Автор установил, что Аксаков 9 сентября 1828 г. сам подал прошение в Главное управление цензуры с просьбой оставить его «особым цензором при имеющем учредиться новом цензурном комитете в Москве». Из этого источника мы узнаем, что в течение 11 месяцев из общего количества 500 «одобренных к напечатанию» сочинений, Сергеем Тимофеевичем было рассмотрено 248 [17, с. 509]. Анализируя документацию цензурного комитета, Данилов доказал, что Аксаков проделал большой объем работ, за ноябрь 1828 г. им было «рассмотрено 52 произведения к печати», в то время как С.Н. Глинкой – 22, В.В. Измайловым – шесть. Но именно последним двум Главное управление цензуры отдало предпочтение, ссылаясь на недостаточность их материального состояния и «многочисленность семейств».

Увольнение Аксакова из комитета обосновывалось тем, что он, по мнению Главного управления цензуры, вполне мог «свои способности и дарования <...> употребить в другом месте, требующем от занимающего оное лица более деятельности». В итоге спустя месяц после увольнения (8 декабря 1828 г.) он был причислен к Департаменту народного просвещения [цит. по: 17, с. 510]. Благодаря исследованию В.В. Данилова, мы узнаем, что в 1830 г. на должность умершего В.В. Измайлова помимо Аксакова претендовали также секретарь Московского цензурного комитета И.А. Шедритский, титулярный советник второго Департамента Московской палаты гражданского суда А.А. Волков и издатель В.С. Кряжев. Однако по представлению К.А. Ливена сторонним цензором был назначен именно Аксаков [17, с. 511]. В историографии назывались разные даты его назначения. К примеру, С.И. Машинский считал, что оно состоялось 2 мая 1830 г.¹ Однако в документах Главного управления цензуры указано, что высочайшее утверждение Аксакова по представлению Ливена состоялось 22 мая 1830 г., а указ Его Императорского Величества вышел 31 мая 1830 г.² В аттестате Аксакова была указана дата с погрешностью в 21 день – 10 мая 1830 г.³

Небольшая статья хранителя Аксаковской комнаты в Самаре в 1928 г. В.В. Зенкевича помогла выяснить историю поступления эпистолярного наследия Аксакова в Рукописный отдел Пушкинского Дома АН СССР. Сохраненная Зенкевичем частная переписка Сергея Тимофеевича из сформировавшегося фонда 3 («Аксаковы...») РО ИРЛИ РАН стала важным источником для последующих исследователей [19].

В.В. Баранов разобрал некоторые правки Аксакова к стихотворениям А.И. Полежаева⁴. Автор отметил, что Аксаков-цензор «отнесся сурово» к сочинениям «разжалованного солдата-студента». Руководствуясь цензурными циркулярами и уставом, он не пропустил антикрепостнические словосочетания, например: «и

¹ РГАЛИ.Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об.; см. также: [30, с. 243].

² РГИА.Ф. 772. Оп. 1. Д. 211. Л. 14, 17.

³ РГАЛИ.Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об.

⁴ Полежаев Александр Иванович (1804–1838) – поэт, отправленный в 1826 г. унтер-офицером в армию за поэму «Сашка» (1825).

угнетен ярмом бесславным <...> мои оковы раздробить» [5, с. 223–224]. В.И. Безъязычный в 1955 г. обвинял Аксакова в том, что тот «вымарал» из poem Полежаева «опасные мысли» [7, с. 61]. Автор отметил, что взаимоотношения с Московским цензурным комитетом имел не сам Полежаев, который в то время принимал участие в военных операциях на Кавказе, а его друг А.П. Лозовский. Аксаков же значительно корректировал рукопись, пропуская ее к напечатанию в типографии, в то время как цензоры М.Т. Каченовский и В.П. Флеров налагали запреты на выход в свет сборников произведений Полежаева [7, с. 63].

Н.С. Ашукин, как и дореволюционный исследователь В.Н. Ляковский, отметил, что увольнение Аксакова с должности цензора в 1832 г. произошло по доносу писателя и литературного критика Ф.В. Булгарина, как своеобразная месть со стороны издателя за то, что в пропущенном Аксаковым произведении «Двенадцать спящих будочников» упомянут один из его романов, а герой баллады «носит его имя». Когда С.Т. Аксаков был уволен, «запрещенная книжечка», по словам Н.С. Ашукина, исчезла из продажи [4, с. 407].

М.Я. Поляков в исследовании о студенческом периоде жизни Белинского упомянул о присутствии Аксакова на рассмотрении Московским цензурным комитетом драмы «Дмитрий Калинин» (30 января 1831 г.). Печать рукописи была запрещена как содержащая отрывки, которые были «противны религии», нравственности и законам [42, с. 370–372]. К сожалению, материалы по участию Аксакова в цензуровании сочинения Белинского пока обнаружить не удалось.

С.И. Машинский установил дату первого заседания Московского цензурного комитета и его состав: «22 сентября в присутствии попечителя Московского учебного округа генерала А.А. Писарева произошло первое заседание комитета. Весь комитет состоял пока из трех человек: председателя Мещерского, Аксакова и секретаря Новикова. Вскоре к ним присоединились С.Н. Глинка и В.В. Измайлов» [30, с. 241]. Автор уделил внимание инциденту, произошедшему в мае 1828 г., когда Аксаков отказался выполнить указание московского обер-полицмейстера о запрете печатания книги, заявив, что цензурный комитет подчинялся «только своему начальству» [30, с. 241–242]. Машинский доказал, что для Аксако-

ва при просмотре рукописей был важен высокий уровень профессионально-литературных способностей автора [30а, с. 133]. «Непрерывной цепью огорчений и неприятностей» назвал Машинский период цензорской службы Сергея Тимофеевича, в течение которого он зарекомендовал себя как «прямой, честный, принципиальный человек», стремившийся отстоять свое мнение по поводу той или иной рукописи [30а, с. 165, 168]. Как отмечал Машинский, Аксаков-чиновник ни перед кем не заискивал, всегда умел держать себя с достоинством и независимостью [30а, с. 136]. В одном из семейных альбомов Аксаковых содержится запись главы семейства, что отставка для него была «торжеством», а общественное мнение осталось на его стороне [цит. по: 30а, с. 174].

После утверждения нового цензурного устава 1828 г. и реорганизации Московского цензурного комитета, над Аксаковым «нависла угроза остаться за бортом», потому что членами комитета могли отныне быть только профессора университетов [30а, с. 137–138]. Хотя за Сергея Тимофеевича хлопотали известные московские литераторы и попечитель Московского учебного округа А.А. Писарев, он был переведен в Министерство народного просвещения как чиновник особых поручений. По мнению Машинского, эта служба носила скорее «фиктивный характер», как моральная и материальная компенсация за увольнение [30, с. 243]. Впоследствии, в 1830-е годы, цензором «Московского телеграфа» стал профессор Московского университета Л.А. Цветаев [30, с. 248]. Аксакову была поручена цензура журналов «Атеней», «Галатея», «Русский зритель» и «Телескоп»¹.

Служба в Экспедиции о государственных доходах была для Аксакова «скучной канцелярской работой», которая его «раздражала и огорчала» [30а, с. 174]. Рассказывая о раннем периоде его службы, Машинский основывался на мемуарах, лишь один раз привлекая архивный источник, а именно формулярный список С.Т. Аксакова из фонда 459 («Канцелярия попечителя Московского учебного округа») ЦГА Москвы [30а, с. 28]. Автор приводит свидетельства, что в 1811 г. С.Т. Аксаков «оставил» свою службу и переехал жить из Петербурга в Москву, а в 1816 г. после женитьбы решил на несколько лет поселиться «в деревне» [30а, с. 36, 37].

¹ РГИА.Ф. 772. Оп. 1. Д. 270. Л. 6.

Сергей Тимофеевич действительно часто посещал Москву и оренбургское имение, иногда возвращаясь в Петербург. По формулярному списку официальная служба его в столице продолжалась вплоть до 1819 г.¹ Благодаря углубленному анализу сохранившихся источников, Машинский сделал предположение о фиктивном характере его службы в Экспедиции о государственных доходах с 1810 по 1819 г. Руководствуясь фактами из «Очерка...» А.Л. Апухтина, сведениями из официальных документов и личной переписки Аксакова с сыновьями, автор монографии отметил его вклад в преобразование учебного заведения, его заслуги как директора и педагога.

Таким образом, Машинский внес неоценимый вклад в изучение личности Аксакова, его деятельности как государственного чиновника, особенно как цензора Московского цензурного комитета. Но автор исследования не ставил перед собой задачи всестороннего изучения эпистолярного наследия его семьи, архивных документов по служебной деятельности в Комиссии составления законов, Экспедиции о государственных доходах, Константиновском землемерном училище и Константиновском межевом институте.

Углубиться в нюансы литературной жизни начала 1830-х годов позволило исследование С.В. Березкиной [10]. Одоблив к печати сатирический роман А.А. Орлова «Бегство Петра Ивановича Выжигина в Польшу», Аксаков как цензор помогал «антибулгаринской борьбе», заключавшейся в обличении литераторов, у которых на первое место ставились материальные, а не литературные интересы.

В 1987 г. вышла в свет биография Аксакова в популярной серии «ЖЗЛ» [25]. В этом исследовании М.П. Лобанова приведены факты, опубликованные ранее в биографических работах В.И. Шенрока, В.П. Острогорского и С.И. Машинского.

В 1992 г. Ю.В. Манн опубликовал историко-литературный очерк, где были приведены общеизвестные факты о служебной деятельности Аксакова. Привлекались к исследованию и материалы конференции, проводимой в 1983 г. в музее-заповеднике «Абрамцево» [29, с. 398]. Задача, которая стояла перед автором и из-

¹ РГАЛИ.Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

дательством «Детская литература», заключалась не в научном изложении материала, с использованием архивных источников, а в популяризации имени и литературного наследия Аксакова и его сыновей среди широкой читательской аудитории. В более поздней монографии Манн отразил перипетии литературной жизни Москвы и роль семьи Аксаковых в культуре XIX столетия. Подробно останавливаясь на цензурском периоде службы Аксакова, он отмечал, что в то время все его интересы были сосредоточены в семье, дружеском кругу, театральных увлечениях и литературной жизни. Служба, по словам Манна, давала Сергею Тимофеевичу заработок для содержания семьи, была «средством, а не целью» [28, с. 373].

История комплектования архива Аксаковых в Самаре изложена М.Н. Тихомировым [45]. С 1921 по 1923 г. Тихомиров, проживая в Самаре, был не только хранителем Аксаковского наследия, но и экскурсоводом по «Аксаковской комнате». Многие письма из этого архива, используемые в качестве источника в данном исследовании, хранятся сегодня в РО ИРЛИ РАН.

Общезвестные факты служебной биографии Аксакова приведены Е.И. Анненковой в монографии «Аксаковы». Лишь несколько предложений автор исследования посвятила истории служебной деятельности Аксакова, сделав основной акцент в монографии на «погружении» его в жизнь театра и литературы [2, с. 25].

Монография В.А. Любартовича [26] об истории здания, которое было куплено при участии Сергея Тимофеевича для учебного заведения, повествует о службе Аксакова в Межевом ведомстве. Автор исследования основывался на монографии С.И. Машинского и «Очерке...» А.Л. Апухтина.

Научные исследования Н.А. Гринченко и Н.Г. Патрушевой посвящены структуре и деятельности цензурных учреждений Российской империи, а в аннотированном списке «Цензоры Москвы: 1804–1917» кратко приведена информация об Аксакове как цензоре и его коллегах-цензорах [15; 14; 35; 36; 38; 16].

Свидетелем романтического периода биографии Аксакова во время его службы «на бумаге» в Экспедиции о государственных доходах стал «Зеленый альбом» посланий своей невесте О.С. Заплатиной, который хранился изначально в семье, потом у книгопродавца А. Карцева с правом на его издание, а затем попал к кол-

лекционеру А. Миронову, продавшему альбом Музею-заповеднику «Абрамцево». Подробное описание и анализ содержимого этого альбома сделала научный сотрудник музея-заповедника «Абрамцево» и многолетний хранитель коллекции Аксаковых А.Г. Кузнецова [22]. Никаких новых сведений к истории служебной деятельности Аксакова в этой статье не содержится, но содержимое альбома лишний раз подтвердило, что служебные вопросы в 1816 г. мало занимали Сергея Тимофеевича, на первом месте была предстоящая женитьба и создание семьи.

О.О. Ботова проанализировала методику цензурской работы Аксакова, а также С.Н. Глинки и В.В. Измайлова [11]. Негласный союз трех цензоров автор назвала «совещательной цензурой». Главной целью для них стал поиск ресурсов поддержки московской литературы. По словам автора, тремя цензорами «была апробирована система не столько контроля, сколько защиты литературы». Благодаря этой «атмосфере благоприятствования», за короткий период начали издаваться шесть новых журналов, среди которых «Атеней» М.Г. Павлова, «Русский зритель» П.Д. Ознобишина и «Московский вестник» М.П. Погодина. Москва в этот период заняла «лидирующие позиции в отечественной периодической литературе» [11, с. 19, 20]. Оценивая деятельность Аксакова как цензора, Ботова не привлекала эпистолярное наследие семьи Аксаковых и опиралась в основном на мемуары Сергея Тимофеевича и официальную документацию Московского цензурного комитета. Важным достоинством исследовательской работы стал подробный анализ и составление схем взаимоотношений Московского цензурного комитета с вышестоящими инстанциями [11, с. 299–301]. Анализируя процесс отстранения Аксакова от должности председателя Московского цензурного комитета, исследователь ошибочно указала, что А.С. Шишков на тот момент входил в состав Главного управления цензуры, поэтому и заступился за Сергея Тимофеевича [11, с. 82–83]. Группой историков из Российской национальной библиотеки доказано, что в Главное управление цензуры входили С.С. Уваров, А.Я. Дашков, В.И. Филатьев и А.Н. Оленин. Председателем Главного управления цензуры на тот момент был министр народного просвещения К.А. Ливен. Именно он заступился за кандидатуру Аксакова, получив письмо-рекомендацию от А.С. Шишкова.

С.В. Березкина продолжила тему литературной борьбы начала 1830-х годов, опубликовав исследование «Вокруг запрещения журнала «Европеец» [9]. Собрав доказательную базу, автор статьи придерживалась того мнения, что статьей «Девятнадцатый век» «лишь прикрывались перед государем», запрещая деятельность журнала «Европеец». По словам исследователя, «гром грянул» из-за статьи «Горе от ума – на московской сцене», которая содержала «острейший сатирический выпад» против представителей немецкой партии на русской службе, а к ним можно было отнести такие известные фамилии, как «Бенкендорфы, Ливены, Нессельроды, Канкрины». В качестве доказательства С.В. Березкина привела, в том числе, выдержку из письма А.Х. Бенкендорфа к К.А. Ливену, написанного 7 февраля 1832 г.: «...Государь император изволил заметить в статье “Горе от ума” самую неприличную и непристойную выходку на счет находящихся в России иностранцев...» [9, с. 231–232]. Благодаря этим нюансам стали более понятны общественные настроения и события, в которые был вовлечен Аксаков как цензор.

Монография В.С. Кусова об истории создания и становления Московского государственного университета геодезии и картографии (МИИГАиК) (бывшего Константиновского межевого института) подробно рассматривает период управления Аксаковым этого учебного заведения. В основу исследования легла неопубликованная документация Константиновского межевого института из фондов ЦГА Москвы и РГАДА [23].

Разобраться с чинопроизводством Аксакова помогла работа Л.Е. Шепелёва. Переименование чина Аксакова в титулярные советники в 1828 г. произошло по указу императора Александра I, данному Сенату от 6 августа 1809 г. Шепелёв объяснил детали данного документа, которые позволили сделать вывод, что неоконченный курс наук в Казанском университете вызвал трудности при воспроизведении его в чин коллежского советника [49].

Исторический очерк Т.Г. Ивановой позволил восстановить историю поступления бесценной аксаковской коллекции, уникальных рукописей в Пушкинский Дом Академии наук СССР в 1929 г. и получить некоторую информацию о хранителе «Аксаковской комнаты» в Самаре – В.В. Зенкевиче [20].

В 1827 г. Аксаков стал цензором поэмы Торквато Тассо «Освобождённый Иерусалим», переведенной на русский язык поэтом С.Е. Раичем. Деятельность этого московского литератора, его авторитет как секретаря «Общества любителей российской словесности», изложен в статье А.Э. Полонского [41].

С помощью статьи Н.В. Тютюнова удалось установить размер пенсии Аксакова как результат его «двадцатилетней беспорочной службы» [46]. С самого начала поступления на государственную службу Аксаков уже задумывался о том, чтобы накапливалась выслуга лет, которая в итоге суммировалась и стала основанием для получения годового пенсионного содержания.

В делопроизводственных документах Московского цензурного комитета, где в 1828 г. Аксаков был исправляющим должность председателя, сохранились свидетельства о внесенной цензурной правке в произведения А.С. Пушкина. О роли А.Х. Бенкендорфа в судьбе сочинений А.С. Пушкина рассказано во вступительной статье М.В. Сидоровой к публикации «Воспоминаний. 1802–1837 гг.» А.Х. Бенкендорфа [8].

В 2014 г. отмечался 235-летний юбилей наследников Константиновского межевого института – Московского государственного университета геодезии и картографии (МИИГАиК) и Государственного университета по землеустройству (ГУЗ). Профессорско-преподавательский коллектив МИИГАиК отметил эту дату изданием книги «Сергей Тимофеевич Аксаков и Константиновский межевой институт» [43]. Отражена роль Аксакова в преобразовании Константиновского межевого института, опубликованы уставы учебного заведения. Третья глава издания посвящена месту института в системе образования при императоре Николае I. Автор исследования Е.Б. Емченко отметила заслуги Аксакова в подготовке и гуманном воспитании молодых специалистов.

Коллектив авторов ГУЗа в своем юбилейном издании отразил историю учебного заведения с 1779 по 2014 г. [14] Книга содержит общеизвестные факты о деятельности Аксакова в Константиновском межевом институте, об устройстве в учебное заведение Белинского, об инспекторе П.Д. Козловском, реконструкции усадьбы А.Б. Куракина под институт.

Повседневная жизнь Константиновского межевого института в период управления Аксаковым подробно рассмотрена в публикации Е.Б. Емченко [18]. Задача, которая стояла перед исследователем, заключалась в том, чтобы на основе неопубликованных документов РГАДА собрать воедино информацию о том, как жили и учились воспитанники института, проанализировать вклад Аксакова в создание как можно более комфортного их пребывания в период обучения.

Запрещение журнала «Европеец», к которому прямое отношение имел цензор Аксаков, стало поводом переписки Е.А. Боратынского и И.В. Киреевского в марте 1832 г. Эпистолярное наследие отразило пессимистичный настрой в литературных кругах, выдержки из писем приведены в исследовании В.Ф. Михайлова [32]. В 2018 г. Р.П. Поддубная включила в свое исследование информацию об истории «Аксаковской комнаты» в Дворянском доме г. Самары, в которой хранилась часть рукописей из архива семьи Аксаковых, и дальнейшей судьбе эпистолярного наследия С.Т. Аксакова [39; 40]. Значимым справочным изданием стало современное историко-генеалогическое исследование «Аксаковы: семейная энциклопедия», где по служебной биографии Сергея Тимофеевича были включены общеизвестные сведения из монографии С.И. Машинского и формулярного списка Аксакова, находящегося в РГАЛИ [1, с. 63–65, 242, 243]. В 2016 г., к 225-летней годовщине со дня рождения Аксакова, Государственным университетом по землеустройству было издано исследование «Первый директор Межевого института», где были частично опубликованы документы строительного комитета при учебном заведении и введены в научный оборот данные из формулярных списков и отчетов Константиновского межевого института [13]. Исследование Н.А. Личак посвящено роли Н.И. Седовой-Троцкой в сохранении памятников искусства и старины, в том числе в сохранении уникального архива Аксаковых [24].

В исследовании А.А. Чуркина на основе опубликованных источников и историографических материалов кратко рассмотрена служебная деятельность Аксакова в контексте его автобиографических произведений [47]. Анализируя своеобразие стилистики Сергея Тимофеевича в «Литературных и театральных воспоминаниях», Чуркин обратил внимание на его конфликт с председателем

Московского цензурного комитета князем В.П. Мещерским. Историю их взаимоотношений исследователь назвал «противостоянием» из-за возникшего инцидента с непониманием параграфов устава и цензурской деятельностью [47, с. 381–382]. Основным источником, который использовал автор при написании исследования, стали мемуары Аксакова.

Таким образом, несмотря на обширную историографию служебной деятельности Аксакова, отдельные аспекты этой темы остались незатронутыми исследователями до настоящего времени. Начальный период его государственной службы, пребывание Аксакова в Экспедиции о государственных доходах из-за небольшого количества сохранившихся источников не освещены в исследованиях. Значительная часть работ посвящена деятельности Аксакова в Московском цензурном комитете и Межевом ведомстве. Однако авторы исследований основывались в первую очередь на сведениях из его биографии, и привлечены были далеко не все неопубликованные архивные источники. Фрагментарность существующих исследований и их избирательность в используемых источниках поставила перед исследователями задачу – оценить в полной мере Аксакова как просвещенного чиновника.

Приведенный историографический обзор стал частью масштабного источниковедческого исследования, в котором удалось реконструировать службу С.Т. Аксакова в Комиссии составления законов, Экспедиции о государственных доходах, Московском цензурном комитете и Межевом ведомстве, в том числе на основе неопубликованных материалов 196 архивных дел из 21 фонда и девяти архивохранилищ страны. Изучение малоизвестной страницы биографии Аксакова позволило проследить формирование его личности как чиновника, писателя и общественного деятеля первой половины XIX столетия. Проведенное исследование имело не только научное, но и прикладное значение. На основе архивных материалов в 2016 г. был открыт Культурно-исторический центр «Музей С.Т. Аксакова» (МИИГАиК), который на сегодняшний день является единственным общедоступным музеем в Москве, посвященным личности Аксакова как писателя, государственного чиновника и отца знаменитых сыновей-славянофилов. В то же время в архивах продолжает сохраняться огромный пласт неопубликованного эпистолярного наследия С.Т. Аксакова, которое от-

ражает его роль в общественной жизни России первой половины XIX столетия, его взаимоотношения с современниками. Последующий анализ неопубликованных архивных источников с учетом имеющегося историографического опыта даст материал для развития таких направлений исторической науки, как социальная история, история повседневности и историческая антропология.

Список литературы

1. Аксаковы: семейная энциклопедия / редкол.: Каштанов С.М. (отв. ред.) и др. – Москва : РОССПЭН, 2015. – 536 с.
2. Анненкова Е.И. Аксаковы. – Санкт-Петербург : Наука, 1998. – 365 с.
3. Апухтин А.Л. Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. – Санкт-Петербург : Тип. В.С. Балашева, 1879. – 350 с.
4. Ашукин Н.С. Библиотека Некрасова // Литературное наследство / АН СССР Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) ; ред.: П.И. Лебедев-Полянский, И.С. Зильберштейн, С.А. Макашин. – Москва : Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 53/54. – С. 360–433 с.
5. Баранов В.В. Судьба литературного наследства А.И. Полежаева // Литературное наследство. – Москва : Жур. газ. объединение, 1934. – Т. 15. – С. 221–230.
6. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина : в 22 т. – Санкт-Петербург : Погодин и Стасюлевич. – Т. 2. – 1889. – VIII, 420 с. ; Т. 3. – 1890. – VII, 389 с. ; Т. 4. – 1891. – VIII, 450 с.
7. Безъязычный В.И. А.И. Полежаев и царская цензура (из истории изданий произведений Полежаева в 30-е годы XIX в.) // Московский заочный полиграфический институт. Научные труды. – Москва : 1955. – Вып. 3. – С. 59–73.
8. Бенкендорф А.Х. Воспоминания 1802–1837 / публ. М.В. Сидоровой, А.А. Литвина ; пер. с фр. О.В. Маринина. – Москва : Российский фонд культуры, 2012. – 759 с.
9. Березкина С.В. Вокруг запрещения журнала «Европеец» // Временник Пушкинской комиссии. – Санкт-Петербург : ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2004. – Вып. 29. – С. 227–248.
10. Березкина С.В. А.А. Орлов и антибулгаринская борьба 1830–1833 гг. // Временник Пушкинской комиссии. – Ленинград : ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 1987. – Вып. 21. – С. 181–185.
11. Ботова О.О. Московский цензурный комитет во второй четверти XIX века: (формирование, состав, деятельность) : диссертация ... канд. ист. наук / Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова. 07.00.02. – Москва, 2003. – 324 с.
12. Волков Н. Виссарион Григорьевич Белинский как преподаватель межевого института // Памятная книжка Константиновского межевого института за 1901–1902 год. – Москва, 1902. – С. 117–123.

**Служебная биография С.Т. Аксакова (1808–1839):
историографический обзор**

13. Волков С.Н., Широкоград И.И., Рыжкова Е.В. Первый директор Межевого института. – Москва : ГУЗ, 2016. – 256 с.
14. Государственный университет по землеустройству. История и современность. 1779–2014 : 235 лет со дня основания / [С.Н. Волков и др.]; под ред. С.Н. Волкова. – Изд. 2-е, доп. – Москва : ГУЗ, 2014. – 463 с.
15. Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г. Цензоры Москвы, 1804–1917: (аннот. список) // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 44(4). – С. 409–433.
16. Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г. Центральные учреждения цензурного ведомства (1804–1917) // Книжное дело в России в XIX – начале XX века : сб. научных трудов. – Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2008. – Вып. 14. – С. 185–302.
17. Данилов В.В. С.Т. Аксаков, С.Н. Глинка и В.В. Измайлов в Московском Цензурном Комитете // Известия по русскому языку и словесности Академии наук. – Ленинград : АН СССР, 1928. – Т. 1, кн. 2. – С. 507–524.
- 17 а. Дризен Н.В. Драматическая цензура двух эпох 1825–1881. – Петроград : Прометей, 1917. – 346 с.
18. Емченко Е.Б. «Роскошное помещение...»: культурно-бытовое пространство Константиновского межевого института // Давлетбаева В.Б., Емченко Е.Б. «Мой Институт...». К 240-летию Московского государственного университета геодезии и картографии. – Москва : Древлехранилище, 2019. – С. 183–265.
19. Зенкевич В.В. Аксаковская комната // Материалы по изучению Самарского края / Изд. Общества Археологии, Истории, Этнографии и Естествознания в Самаре. – Самара : Тип. Селькредсоюза, 1928. – Вып. 5. – С. 8–10.
20. Иванова Т.Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома. Исторический очерк. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. – 444 с.
21. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. – Санкт-Петербург : Изд. Императорской публ. библиотеки, 1861. – Т. 1. – 283 с.
22. Кузнецова А.Г. Зеленый альбом // Отчизна. – 2002. – № 1. – С. 8–9.
23. Кусов В.С. Московский государственный университет геодезии и картографии. История создания и развития: 1779–2004. – Москва : Русская история, 2004. – 357 с.
24. Личак Н.А. Н.И. Седова-Троцкая как организатор и руководитель сохранения памятников искусства и старины в губерниях Советской России в 1920-х годах // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль : Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2016. – № 1. – С. 287–291.
25. Лобанов М.П. С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. – Москва : Молодая гвардия, 1987. – 364 с.
26. Любартович В.А. Дворец Куракина на Старой Басманной и его культурное пространство. – Москва : МГУИЭ, 1999. – 240 с.
27. Ляковский В.Н. Братья Киреевские. Жизнь и труды их. – Санкт-Петербург : Тип. С.В. Балашев и К°, 1899. – 99 с.
28. Манн Ю.В. Гнезда русской культуры : кружок и семья. – Москва : НЛЮ, 2016. – 598 с.
29. Манн Ю.В. Семья Аксаковых. – Москва : Детская литература, 1992. – 399 с.

30. Машинский С.И. Из истории цензурской деятельности С.Т. Аксакова. // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Москва : Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 18, вып. 3. – С. 239–252.
- 30 а. Машинский С.И. С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. – Москва : Художественная литература, 1973. – 575 с.
31. Милоков П.Н. Из истории русской интеллигенции. – Санкт-Петербург : Знание, 1903. – 319 с.
32. Михайлов В.Ф. Боратынский. – Москва : Молодая гвардия, 2015. – 484 с.
33. Острогорский В.П. Сергей Тимофеевич Аксаков. – Санкт-Петербург : Н.Г. Мартынов, 1891. – 131 с.
34. Павлов Н.М. С.Т. Аксаков как цензор // Русский архив. – 1898. – № 5. – С. 81–96.
35. Патрушева Н.Г. Исследования по истории дореволюционной цензуры в России, опубликованные в 1999–2009 гг. : библиографический обзор // Цензура в России: история и современность : сб. науч. трудов. – Санкт-Петербург, 2011. – Вып. 5 / РНБ, С.-Петерб. фил. Ин-та истории естествознания и техники РАН. – С. 358–376.
36. Патрушева Н.Г. Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX в.). – Санкт-Петербург : Северная звезда, 2011. – 268 с.
37. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. : диссертация... доктора исторических наук : 07.00.02 / [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2014. – 404 с.
38. Патрушева Н.Г., Фут И.П. Циркуляры Цензурного ведомства Российской империи. – Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2017. – 721 с.
39. Поддубная Р.П. Ольга Григорьевна Аксакова. – Самара : Инсома-пресс, 2018. – 207 с.
40. Поддубная Р.П. Самарская хроника Аксаковых. – Самара : Офорт, 2015. – 212 с.
41. Полонский А.Э. С.Е. Раич – Дон-Кихот из Рай-Высокого // RELGA. – 2008. – № 8. – URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2189&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 31.12.2022).
42. Поляков М.Я. Студенческие годы Белинского // Литературное наследство. – Москва : Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 56. – С. 303–436.
43. Сергей Тимофеевич Аксаков и Константиновский межевой институт / [авт. Соломатин В.А. и др.] ; под ред. В.П. Савиных. – Москва : Изд-во МИИГАиК, 2014. – 180 с.
44. Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863). – Санкт-Петербург : Ф. Павленков, 1892. – 495 с.
45. Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни : (1919–1923 гг.) // История Самарского края в документах, материалах и воспоминаниях. – Самара : Самарский университет, 1994. – С. 70–84.

***Служебная биография С.Т. Аксакова (1808–1839):
историографический обзор***

46. Тютюнов Н.В. История формирования отечественной системы пенсионного обеспечения военнослужащих // Социально-политические науки. – 2012. – № 2. – С. 91–97.
47. Чуркин А.А. Служба как фигура умолчания в творчестве С.Т. Аксакова // Чины и музы : сборник статей. – Санкт-Петербург ; Тверь : ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2017. – С. 373–387.
48. Шенрок В.И. С.Т. Аксаков и его семья // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1904. – № 10. – С. 355–418 ; № 11. – С. 1–66 ; № 12. – С. 229–290.
49. Шепелёв Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. – Москва : Центрполиграф, 2005. – 423 с.
50. Щербальский П.К. Исторические сведения о цензуре в России. – Санкт-Петербург : Тип. Ф. Персона, 1862. – 107 с.
51. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона Т. XVA (30). Т. XXIVA (48). – Санкт-Петербург, 1898.

УДК: 94(438).071; 94(47).072

DOI: 10.31249/hist/2023.03.02

КОМЗОЛОВА А.А.* ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I
В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1860–1870-х
годов

Аннотация. В статье рассматриваются те оценки, которые давались в русской исторической публицистике в 1860–1870-х годах в отношении политики императора Александра I в польском вопросе, его попыток пойти на сближение и найти компромисс с польской шляхтой с помощью предоставления ей определенной автономии и привилегий.

Ключевые слова: польское восстание 1863 г.; польский вопрос при Александре I; А. Чарторыйский; историческая память.

KOMZOLOVA A.A. Russian historical journalism of 1860–1870 s about the polish question under Alexander I

Abstract. The article examines those assessments that were given in Russian historical journalism in 1860–1870 s regarding the policy of Emperor Alexander I in the Polish question, his attempts to find a rapprochement and a compromise with the Polish gentry by granting a certain autonomy and privileges.

Keywords: The Polish uprising of 1863; the Polish question under Alexander I; A. Czartoryski; historical memory.

Для цитирования: Комзолова А.А. Польский вопрос при Александре I в русской исторической публицистике 1860–1870-х годов (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература

* Комзолова Анна Альфредисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); lizeze@yandex.ru.

тура. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 28–42. – DOI: 10.31249/hist/2023.03.02

В XIX в. польский вопрос представлял собой запутанный клубок политических проблем, который современники зачастую считали «гордиевым узлом». В нем переплетались многие задачи, подчас противоречившие друг другу, от успешной интеграции западных окраин Российской империи и обеспечения безопасности европейских границ до различных конституционных проектов. При этом проблема вхождения бывших польских территорий в состав Российской империи в разное время приобретала разное значение и остроту. В 1860–1870-х годах, особенно после польского восстания 1863–1864 гг., на первый план вышел вопрос о статусе Западного края – литовских, белорусских и малороссийских земель, претензии на которые постоянно предъявляли поляки, требовавшие восстановления границ 1772 г. В связи с этим история вхождения земель бывшего Великого княжества Литовского в состав России, организация в 1815 г. Царства Польского, а также выдвигавшиеся в царствование Александра I проекты включения в состав Польши Западного края приобрели новую актуальность. Все эти вопросы оказались в центре внимания исторической публицистики того времени.

В октябре 1819 г. в Царском Селе император Александр I сообщил Н.М. Карамзину о том, что хочет восстановить Польшу в ее «древних границах». После этого разговора потрясенный Карамзин составил «Мнение русского гражданина» – одну из наиболее известных записок о польском вопросе [8], вновь опублик.: [6, с. 1–26], см. также: [15, с. 173–174]. В тот же вечер историк прочитал свою записку императору. «Я пил у него чай в кабинете, – отмечал Карамзин, – и мы были вместе, с глазу на глаз, пять часов» [11, с. 239].

Вплоть до 1862 г. «Мнение русского гражданина» Н.М. Карамзина не публиковалось, но с середины 1860-х годов эта записка приобрела новую актуальность. Часть текста «Мнения...» была воспроизведена М.П. Погодиным в его биографии Карамзина, опубликованной в 1866 г. [11, с. 236–239]. Погодин цитировал записку о Польше во время своих публичных лекций, посвященных Карамзину. Знаменательно, что эти публичные чтения проходили в Московском университете в марте 1863 г. – в период большого

общественного подъема, вызванного патриотической реакцией на польское восстание [11, с. 240]. Также Погодин был приглашен в Академию наук произнести 1 декабря 1866 г. речь в честь столетнего юбилея Карамзина. Его речь, наполненная пространными выдержками из «Мнения...» Карамзина о Польше, по свидетельству современника, вызвала «громкие рукоплескания» среди многочисленной аудитории, которая включала великих князей и почти всех министров [2, с. 173]. Как вспоминал внук Карамзина князь Н.П. Мещерский, на юбилее, при этом «умилительном и восторженном отклике новых поколений на заgrabное обращение к ним Карамзина», присутствовала и семья историка. «Большая зала Академии наук была переполнена слушателей. За последними рядами стульев стояли многие и многие, стояли и в соседнем зале», — вспоминал он. Речь М.П. Погодина была встречена «оглушительными взрывами рукоплесканий и восторженных кликов, долго, долго не умолкавших...» [6, с. 8].

Придавая большое значение карамзинской записке о Польше, М.П. Погодин называл ее «украшением русской истории, нашего времени», хотя и отмечал, что «по нашему общественному невежеству» она оставалась мало оцененной [11, с. 241]. Вместе с тем в публицистике 1860-х годов подчеркивалось, что «Мнение русского гражданина» Карамзина стало выражением общей позиции патриотически настроенной части русского образованного общества. Так, публицист «Русского вестника», сотрудник и единомышленник М.Н. Каткова, Е.М. Феокистов отмечал, что вокруг императора Александра Павловича «беспрерывно раздавались голоса», которые указывали ему на опасность плана по воскрешению Польши в границах 1772 г. По его словам, Карамзин, представивший свое мнение императору, «явился только красноречивым и талантливым органом многочисленного круга людей, убежденных в этой мысли» [14, с. 31]. По словам историка русской литературы А.Д. Галахова, «Мнение русского гражданина» Карамзина не содержало в себе «ничего такого, что не было бы высказано» другими современными ему критиками александровского курса в польском вопросе, но оно выделялось особым «патриотическим одушевлением, которое одно только способно внушать человеку гражданские подвиги» [3, с. 112].

Оригинальную версию появления «Мнение русского гражданина» представил военный историк М.И. Богданович. Он предположил, что Александр Павлович, высказывая в своем окружении идеи о восстановлении Польши в «древних границах», в действительности уже отказался от польского проекта – «мечты своей юности», и он озвучивал эти провокационные мысли «собственно для того, чтобы выслушать от Карамзина общественное мнение по такому крайне щекотливому вопросу». Для императора было важно услышать непредвзятое мнение: в своей записке Карамзин «высказал глас народа – глас Божий». По мнению Богдановича, в то время, когда Карамзин «решился изложить свое мнение против восстановления Польши, император Александр уже был приготовлен его выслушать последствиями конституции, им дарованной Польше» [1, с. 443, 444].

Несмотря на то, что «Мнение русского гражданина» до 1860-х годов не публиковалось, очевидно, что взгляд Карамзина на польский вопрос был хорошо известен в русском образованном обществе. В частности, как продемонстрировала публикация его архивов в 1870-х годах, о мнении Карамзина был прекрасно осведомлен М.Ф. Орлов. В примечаниях к своей записке «Капитуляция Парижа в 1814 году», составленной в 1835 г., Орлов, упоминая «Мнение...» Карамзина, одновременно представил и характеристику взглядов Александра Павловича на польский вопрос. По его мнению, император Александр попытался применить к случаю Польши «правило ненарушимости народностей», и с его стороны это было проявлением и неверно понятой «справедливости», и в целом «сентиментальной политики». Однако, как полагал Орлов, «в сущности не было ничего общего между неприкосновенностью народностей существующих – правилом миротворным и консервативным, и восстановлением национальности уничтоженной – принципом новым и с точки зрения дипломатической – революционным. Первое принимает основание истинное и действительное, на котором группируются все интересы и судьбы народов; второе вскрывает и раскапывает минувшее, чтобы вызвать из его недр все сожаления и все притязания...» [10, с. 662]. «Восстановление Польши, – отмечал он, – могло быть прекрасным движением души Александра; но в смысле политическом – это была огромная ошибка. Венский конгресс, созданный по желанию России, должен

был, по-видимому, быть могилой притязаний польских... Этого император Александр не сознавал; он увлекся ложным великодушием и долго в том раскаивался. Польша отплатила ему неблагодарностью, а Европа обвинила в честолюбивых замыслах. Он посеял ветры, а преемник его пожинал бурю» [10, с. 662].

В 1860–1870-х годах для современников были очевидны определенные исторические параллели между событиями польского восстания 1863–1864 гг. и историей царствования Александра I – эпохой Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Вступление русских войск в Париж олицетворяло победу не только над Францией, но и над объединенной Наполеоном I Европой. В контексте обострившегося польского вопроса и враждебной европейской дипломатии становились актуальными воспоминания о том, что значительный – фактически второй по численности после французского – контингент наполеоновской армии составляли польские войска. Так, согласно оценкам современных исследователей, в наполеоновской Великой армии состояло свыше 100 тыс. поляков [16, р. 176]. Историк Н.Ф. Дубровин подчеркивал, что Наполеон I, обращаясь к полякам в прокламации 22 июня 1812 г. и стремясь воодушевить их на новые жертвы, называл предстоящую кампанию в России «второй польской войной». Сами поляки надеялись, что французский император поможет им присоединить к Герцогству Варшавскому не только входившие в состав Российской империи «польские провинции», но и Смоленскую губернию, которую они называли «владением» своих предков [4, с. 72, 73]. М.И. Богданович отмечал короткую историческую память современных ему «западных европейцев», а также ангажированность их оценок роли императора Александра I в победе над Наполеоном. «Немцы и французы, столь обязанные императору Александру I, – писал он, – считают себя свободными от лежащего на них долга признательности – первые, уверяя, что и без нашей помощи они освободились бы от ферулы Наполеона, а последние, изображая Александра, спасшего Париж и отстоявшего Францию, в виде вождя северных варваров – московитов и казаков, едва не людоедов» [1, с. II].

На первый план в исторической публицистике 1860–1870-х годов вышел анализ проектов александровского времени по восстановлению польской государственности. Причем особое внима-

ние уделялось документам, посвященным критике этих проектов. В связи с этим можно выделить всеподданнейшие записки Поццо ди Борго и В.С. Ланского, опубликованные в 1860-х годах.

В 1814 г., в эпоху Венского конгресса, известный дипломат, корсиканец по происхождению Поццо ди Борго представил императору составленную по его распоряжению специальную записку, касавшуюся организации присоединенных к России польских земель, ранее входивших в состав герцогства Варшавского. Поццо ди Борго выступил против идеи создания из этих земель Королевства Польского, поскольку это противоречило интересам России и создавало постоянную угрозу ее безопасности. Дипломат представил ряд мер по решению польского вопроса, в том числе он предлагал свести его к «вопросу о границах». Он также считал необходимым воздержаться от принятия польской конституции, а в Варшаву напрямую назначать императорского наместника. Редакция «Русского вестника», на страницах которого в 1866 г. были опубликованы пространные выдержки из записки Поццо ди Борго, давала этому источнику весьма высокую оценку. Для 1860-х годов эта записка служила не столько «историческим материалом», сколько составляла «часть программы современной политики России». Как полагала редакция «Русского вестника», «достаточно было иметь взгляд, не помраченный туманом космополитических тенденций и личных пристрастий, чтобы оценить истинное отношение России к Польше» [5, с. 407, 408].

Получив поручение царя составить записку о Польше, Поццо ди Борго был прекрасно осведомлен о намерениях Александра I относительно Польши, поскольку свои мысли царь неоднократно высказывал в частных письмах и беседах с различными государственными деятелями, и прежде всего с князем Адамом Чарторытским.

Поццо ди Борго лишь кратко касался тех проблем, какие должно было встретить русское правительство во внешней политике в случае образования Царства Польского, основное внимание уделяя «внутренней стороне» польского вопроса, т.е. последствиям для России восстановления польской государственности. Он заключал рассмотрение международного аспекта польского вопроса афоризмом: «Создавать всеобщие и постоянные интересы против себя есть великая политическая ошибка» [5, с. 401–402]. Разъ-

ясняя суть польского вопроса, дипломат стремился высказать императору то, что, как он полагал, «так глубоко и сильно расходилось с интересами и русского правительства, и русского народа». «Действия России в отношении к Польше были всегда действиями правительства сильного и здорового против правительства слабого и болезненного», – писал Поццо ди Борго. «Разрушение Польши, как политической державы, – полагал он, – составляет почти всю новейшую историю России. Расширение России со стороны Турции было чисто территориальным и второстепенным сравнительно с расширением ее границ на запад. Покорение Польши совершено главнейшим образом с целью расширить отношения русского народа к другим нациям Европы, открыть ему поле более широкое и поприще более благородное и известное, где мог бы он упражнять свои силы и свои таланты и найти удовлетворение своей гордости, своим потребностям и интересам. Из этого плана, увенчанного самым полным успехом, возникли такие отношения и амальгамы, которые одной прокламацией уничтожить невозможно, не рискуя повредить самым существенным и чувствительным интересам государства, а именно единству государственного управления» [5, с. 402].

Возражая против создания Царства Польского, Поццо ди Борго указывал на то, что европейская идентичность русских связана с пространством завоеваний. «До тех пор, – отмечал он, – пока между Россией и остальной цивилизованной Европой будет находиться масса, организованная в отдельную национальность, – взаимное влияние и сношения, вытекающие из непосредственного соприкосновения России с Европой, будут мало по малу ослабевать. Русские, отодвинутые за их древнюю границу, будут не более как путешественники в завоеванной ими стране и останутся почти чужды для других наций. Россия получала бы от Европы все из вторых, так сказать, рук» [5, с. 404].

Вместе с тем, по мнению Поццо ди Борго, восстановление Польши на тех условиях, которые предлагали поляки, грозило неизбежной опасностью для самой будущей польской государственности. «Если б эта независимость, – рассуждал он об идее польской независимости, – была потребностью, основанной на прочном и просвещенном патриотизме, разве поляки могли бы так позорно торговать ею в продолжение двух веков?... Если б они, в

самом деле, были так хорошо приготовлены к форме правления, которой они домогаются, разве не могли бы они принять каких-нибудь мер в своих сношениях с Бонапартом для образования из себя нации, а не военного департамента Франции?» [5, с. 405]. В итоге, дипломат предвидел в будущем «жестокую необходимость вновь покорять» поляков в случае новых польских смут. Он призывал и императора, и поляков задуматься о возможных «бедствиях истребительной войны», которая неизбежно будет следствием «всего этого запаса великодушия и доброты» со стороны российского императора [5, с. 406].

Василий Сергеевич Ланской в 1803–1813 гг. был гродненским гражданским губернатором. С началом Отечественной войны 1812 г. он прибыл в главную квартиру армии, служил генерал-провиантмейстером всех армий. Затем, после вступления русских войск в Герцогство Варшавское, Ланской в качестве председателя временного управления герцогства управлял Польшей вплоть до принятия конституции. Письмо В.С. Ланского к Александру I, датированное 4 мая 1815 г., посвящено тому впечатлению, которое произвело на поляков известие о намерении создать Королевство Польское. Ланской сообщал царю, что вместо «признательности» к российскому императору, вместо «покорного благодарения» поляки выражали «холодность», поскольку ранее были уверены, что получат значительно большее – восстановление Польши в границах до разделов, т.е. включая западные губернии. Ланской не считал надежной лояльность поляков в отношении России и российского императора и, напротив, продолжал видеть в них верных сторонников Наполеона. «Я уверен в душе моей, – обращался Ланской к Александру Павловичу, – что приверженность некоторых, а особливо военных к врагу Европы не угаснет, и ничто не обратит к нам их расположение. Туда манят их: прелести грабежа, там господствует дерзкая вольность, там ни за какое бесчиние нет ответственности; здесь: порядок, чинопочитание, повиновение повелениям, точность в исполнении их» [9, стлб. 831]. Он также предупреждал, что Россия и российский император не должны были «ни в каком случае» рассчитывать на поляков. По словам Ланского, различные милости Александра I и все усилия российского правительства не смогут «сблизить к нам народ, и вообще войско Польское, коего прежнее буйное поведение и сообразные оному

наклонности противны священным нашим правилам, и потому... в формируемом войске питаем мы змия, готового всегда излить на нас яд свой» [9, стлб. 832].

Большой резонанс в России вызвал выход в свет в 1865 г. в Париже на французском языке воспоминаний и корреспонденции князя А. Чарторыйского. Вскоре, в 1871 г., в «Русском архиве» появилась публикация части этих мемуаров и переписки. Издатель «Русского архива» П.И. Бартенев, снабдивший публикацию своими комментариями, признавал, что эта книга, «по важности содержания», «должна быть усвоена нашей историографией» [7, стлб. 697]. Еще ранее, в 1865 г., Е.М. Феофтистов, основываясь на мемуарах Чарторыйского, представил свой очерк развития польского вопроса в царствование Александра I [14].

Вопрос о роли князя Адама Чарторыйского в «польской» политике Александра Павловича привлекал внимание многих историков и публицистов. Так, С.М. Соловьев отмечал двойственность положения Чарторыйского во главе российского ведомства иностранных дел. По мнению историка, на посту министра Чарторыйский стремился «удовлетворить прямым интересам России», например, разрешив восточный вопрос благодаря присоединению к Российской империи Молдавии и Валахии, поскольку его «тяготил упрек, что русское правительство заботится только об общем благе Европы». Подобные упреки были для него болезненны вследствие того, что он, «как человек не-русский, поляк», признавал «за собою вину относительно России – в исключительности помыслов о восстановлении Польши» [13, с. 117–118]. Вместе с тем Соловьев подчеркивал влияние Чарторыйского на «план» восстановления Польши, который после окончания Наполеоновских войн, пользуясь «своим первенствующим положением» среди европейских держав, Александр I стремился реализовать. Историк связывал проект восстановления Польши отнюдь не с «властолюбивыми замыслами», которые приписывали царю его недоброжелатели, а с первоначальной личной «привязанностью» Александра к Чарторыйскому. Кроме того, он называл этот проект «плодом неисторического взгляда на так называемые разделы Польши» [12, с. 397–398].

Хотя в целом С.М. Соловьев считал, что Александр I придерживался курса императрицы Екатерины II – «шествовал» по

«премудрым намерениям» своей бабки, но «одно царствование никогда не может быть сколком с другого» [12, с. 382]. По словам историка, Екатерина Великая была «собирательницей русских земель». Александр Павлович, задумывая восстановление Польши, напротив, отступил от политики екатерининского времени, забыл об ее «историческом народном взгляде» [12, с. 397]. «Время, в которое совершалось воспитание Александра I, – писал историк, – отличалось стремлениями к общему, отвлеченному; толкуя о человеке и человечестве, не обращали должного внимания на народ и его историю; и только французская революция, показавшая несостоятельность применения общих идей к живому, исторически образовавшемуся народному телу, да насилия первой Французской империи, произвели реакцию, повели к поднятию вопроса о народности и народностях, возбудили должное уважение к народной личности, к ее правам и к процессу ее образования посредством истории» [12, с. 382].

В целом С.М. Соловьев рассматривал Речь Посполитую как государство, созданное во многом искусственно и насильственно: в польском государстве «два народа, польский и западнорусский, насильно соединены были браком Ягайла литовского на Ядвиге польской» [12, с. 375]. Александр I, добившийся на Венском конгрессе 1815 г. международного признания для Королевства Польского, совершил серьезную ошибку и не разрешил, а лишь еще более усугубил польский вопрос, не приняв во внимание потребности и права «западнорусского народа». По мнению историка, на Венском конгрессе России следовало не добиваться восстановления Польши, а выступить с более «умеренным» требованием – о присоединении «последней русской области, Червонной Руси» [12, с. 397].

Анализируя воспоминания князя Чарторыйского, Феокистов и Бартенев, в свою очередь, подчеркивали то вредное влияние, какое оказал этот польский аристократ на юного наследника престола. По свидетельству самого Чарторыйского, уже во время их знакомства великий князь Александр Павлович признался ему, что «далеко не одобряет политики и образа действий своей бабки; что все его желания были за Польшу и за успех ее славной борьбы; что он оплакивал ее падение; Костюшко, в его глазах, был человеком великим по своим добродетелям и потому, что он защищал

дело правды и человечества» [7, стлб. 700]. Как полагал Бартенев, Чарторыйский, пользуясь «неосторожной откровенностью» молодого Александра, его полным «неведением польского внутреннего быта», смог «обвить прекрасную душу» императора [7, стлб. 870–871]. Бартенев даже сравнивал беседы 19-летнего, еще ничем не занятого великого князя Александра Павловича с Чарторыйским с тем значением, какое имели для его собственного поколения «запрещенные сношения с Герценом» [7, стлб. 700].

Одновременно Бартенев призывал современников и потомков, в отличие от предшествующих поколений, более беспристрастно и, может быть, более благожелательно и мягко судить о деятельности Александра I, в том числе и в польском вопросе. Он предлагал обращать внимание прежде всего на мотивы поступков российского императора, а не на их результаты. Историк считал, что более отдаленное потомство «по справедливости оценит высокие его побуждения», которыми «злоупотребили польские паны во вред себе и России». «Благодетельствуя полякам, – отмечал Бартенев, – Александр Павлович желал привязать их к России и чрез то отнять у Западной Европы лишнее орудие против нас; он желал (по позднейшему выражению Жуковского) на небе простертом над двумя подвластными ему народами поставить светлую радугу союза... Его благородные усилия дали нам возможность яснее сознать, что наша нравственная правда по отношению к Польше есть наша сила» [7, стлб. 945].

Е.М. Феоктистов на страницах «Русского вестника» попытался проследить эволюцию взглядов Александра I в польском вопросе. Он стремился выделить те моменты, когда Александр «освобождался постепенно от прежних своих увлечений касательно Польши». По мнению публициста, при Павле I «совершился резкий поворот в политике касательно русских областей, отобранных от Польши, и оставлен был путь, по которому следовала Екатерина Великая... Враги наши могли истолковать образ действий правительства таким образом, что земли, о которых идет речь, были польскими землями и как бы случайно подпали под русское владычество» [14, с. 15]. Первоначально юный Александр видел пред собою только «несчастья польской национальности», но он не задумывался о том, «где эта национальность, в каких она областях» [там же]. Указывая на огромный социальный и культурный

разрыв между польским дворянством Западного края и остальной, подавляющей частью местного населения – русским крестьянством – Феокистов отмечал: «Национальностью представлялось лишь то, что возвышало свой голос, что прикрито было лоском образования, что обладало обширною поземельною собственностью; при этом совершенно забываемо было о национальных потребностях огромного большинства населения» Западного края [14, с. 15].

Согласно Феокистову, уже в самом начале царствования Александра Павловича поляки вынашивали довольно смелые планы, которым во многом было суждено осуществиться. Фактически речь шла об укреплении и улучшении положения поляков в «Западной России», даже по сравнению с тем, что было до разделов Польши. «В прежнее время, – полагал публицист, – польские паны невольно трепетали при мысли, что вся эта масса негодующего населения может подняться против них и заставить их искупить тяжкою ценой свое чужеземное господство». Однако после вступления на престол Александра Павловича поляки могли успокоиться на этот счет и, более того, «под покровом русской администрации» они получили возможность еще более распространять «свое владычество над русским человеком» [14, с. 16].

Феокистов выделял две «партии» «в рядах» поляков, одну из которых он называл «французской», а вторую – «русской». По его мнению, «французская партия» возлагала все свои надежды на Францию и «на разгром, производимый в Европе Наполеоном I»: «видя, с какою быстротой разрушал и созидал он государства», поляки питали надежды на то, что «и Польша восстанет из мертвых по его могущему велению; на каждый его призыв отвечали они готовностью проливать за него свою кровь». «Русская партия», по мнению Феокистова, «рассчитывала достигнуть той же самой заветной цели без всяких жертв», лишь благодаря «платоническому содействию» России. Обе партии, несмотря на явные различия, были «согласны между собою касательно цели, и потому между ними были самые тесные симпатии» [там же]. «Одна из них, – рассуждал публицист, – дралась в рядах французского войска и старалась навлечь всякие бедствия на Россию, а другая группировалась около русского правительства, и многие из ее членов занимали в этом правительстве важные должности. Разница между

двумя партиями заключалась в том, что та из них, которая служила Франции, действительно сочувствовала этой стране, обольщалась ее успехами и славой; что же касается партии, искавшей себе опоры в России, то она ненавидела нас от глубины души... Разница заключалась также в том, что для Франции было выгодно восстановление независимой Польши, тогда как для нас могло это быть только уроном и пагубой. В том еще была разница, что Наполеон никогда не верил, чтобы поляки... были способны к самостоятельному политическому существованию, а мы... увлекались этою верой» [14, с. 16].

Феокистов указывал также на период колебаний в позиции Александра I после заключения Тильзитского мира 1807 г. По его мнению, к императору постепенно пришло понимание того, что «разорвать тесную связь между Россией» и Западным краем «значило бы нанести губительный удар государственным интересам». Полный сомнений, император «перебирал» различные проекты по устройству Западного края: «однажды он обращался к Чарторыйскому с вопросом, не удовольствуются ли поляки, если он дарует восьми губерниям, на которые была разделена Западная Россия, особое административное устройство? В другой раз он спрашивал его, не будет ли лучше, если он не станет противиться образованию Польского королевства из Варшавского герцогства и Галиции, и позволит полякам Западной России переселяться в это королевство и поступать там на службу?». В итоге, конечной задачей всех этих проектов было стремление императора «сохранить единство империи и не допустить мысли о том, что Западный край наш составляет будто бы часть Польши» [14, с. 25–26].

По мнению Феокистова, накануне Отечественной войны 1812 г. Александр I «был по-прежнему расположен к полякам». Однако все обещания, дававшиеся им в этот период полякам, были «с его стороны не более как уступкой грозным обстоятельствам». Уничтожить все надежды «польского элемента» означало, как думал император, «заставить его броситься в объятия врага» – французов. «Все это казалось слишком рискованным» Александру Павловичу, поэтому он считал «более благоразумным не отнимать надежд у польских патриотов» и стремился избежать еще больших бедствий для России. В то же время он уже был убежден «в невозможности принести им те жертвы, которые казались ему нестраш-

ными только в годы его ранней юности. Как ни слабо проявлялось у нас тогда общественное мнение, все-таки нельзя было сомневаться, что нарушить тесную связь между Россией и ее западными окраинами значило бы нанести страшный удар нашему отечеству» [14, с. 31, 32]. Тем не менее создав в 1815 г. на Венском конгрессе Царство Польское по своей собственной воле, а не на основании каких-либо обязательств перед Европой, Александр I совершил «великую ошибку, отозвавшуюся впоследствии для России целым рядом бедствий» [14, с. 42, 43].

Таким образом, в 1860–1870-х годах историки и публицисты сосредоточили свое внимание не только и не столько на анализе правительственной политики в польском вопросе, сколько на выявлении и изучении новых источников, относившихся к Александровской эпохе. Особое внимание привлекли именно те источники, которые свидетельствовали о существовании в правительственных кругах и ближайшем окружении императора Александра Павловича определенной оппозиции, настроенной негативно к проектам по восстановлению польской государственности и присоединению к Польше Западного края.

Список литературы

1. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. – Т. 5. – Санкт-Петербург : Типография Ф. Сушинского, 1871. – 530, 98 с.
2. Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел : в 2 тт. – Т. 2 : 1865–1876 гг. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1961. – 586 с.
3. Галахов А.Д. История русской словесности, древней и новой. – Т. 1/2. – Санкт-Петербург : Типография главного управления военно-учебных заведений, 1863. – 596 с.
4. Дубровин Н.Ф. Наполеон I-й и поляки в 1812 году : исторический эскиз // Отечественные записки. – 1865. – № 11. – С. 56–98.
5. Записка Поццо-ди-Борго о польском вопросе // Русский вестник. – 1866. – Т. 61, № 1. – С. 396–408.
6. Из бумаг Н.М. Карамзина, хранящихся в Государственном архиве / предисл. князя Н.П. Мещерского // Старина и новизна. — Санкт-Петербург : Типография М. Стасюлевича, 1898. – Кн. 2, отд. 2. – С. 1–26.
7. Император Александр Павлович и князь Адам Чарторыйжский / предисл. П. Бартенева // Русский архив. – 1871. – № 4/5. – Стлб. 697–945.

8. Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина // Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. – Санкт-Петербург : Типография Н. Тиблена, 1862. – Т. 1. – С. 3–8.
9. [Ланской В.С.] Всеподданнейшее письмо В.С. Ланского к Александру I-му // Русский архив. – 1863. – Т. 1. – Стлб. 830–832.
10. [Орлов М.Ф.] Примечания М.Ф. Орлова, написанные в 1835 г. // Русская старина. – 1877. – Т. 20, № 12. – С. 657–662.
11. Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. 2. – Москва : Типография А.И. Мамонтова, 1866. – 505, 23 с.
12. Соловьев С.М. Венский конгресс // Русский вестник. – 1865. – № 2. – С. 375–438.
13. Соловьев С.М. Россия и Европа в первой половине царствования Александра I // Вестник Европы. – 1877. – № 9. – С. 106–135.
14. Феоктистов Е.М. Польские интриги в первой четверти нынешнего столетия // Русский вестник. – 1865. – № 7. – С. 1–55.
15. Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. – Изд. 2-е. – Санкт-Петербург : А.С. Суворин, 1905. – Т. 4. – 450 с.
16. Czuby J. What Lies behind the Glory? A Balance Sheet of the Napoleonic Era in Poland // Napoleon's Empire: European Politics in Global Perspective / Ed. by U. Planert. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2016. – P. 173–186.

УДК: 303.446.4; 329.12; 94(47).083 DOI: 10.31249/hist/2023.03.03

ПУШКАРЕВА И.М.*, ХАЙЛОВА Н.Б.** ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТРИЗМ В РОССИИ НАЧАЛА XX в. (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ). Часть 2

Аннотация. В центре внимания авторов статьи – освещение проблемы российского либерального центризма начала XX в. в публикациях начала 1900–1980-х годов. Речь идет об осмыслении упомянутого явления современниками, а впоследствии – советскими и зарубежными исследователями. Отмечается особый интерес к таким политическим организациям либералов-центристов, как: Партия демократических реформ, Партия мирного обновления, фракция прогрессистов в III и IV Думе, а также одноименная партия, образованная в 1912 г. Подчеркивается, что несмотря на устойчивость ряда стереотипов и негативных оценочных коннотаций, к 1917 г. происходили позитивные перемены в восприятии либералов-центристов. Обоснован также вывод о том, что господство идеологического диктата в советский период не смогло остановить процесс приращения научного знания, особенно заметный в хрущевскую «оттепель». Проанализирована роль советских историков 1970–1980-х годов в подготовке историографического прорыва 1990-х годов в изучении российской многопартийности начала XX в. (в том числе проблемы центризма в российском либерализме). Оценен вклад англо-американской историографии в разработку темы.

* © Пушкарева Ирина Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

** © Хайлова Нина Борисовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Ключевые слова: центризм в российском либерализме начала XX в.; Партия демократических реформ; Партия мирного обновления; фракция прогрессистов в III и IV Думе; Партия прогрессистов; советская и зарубежная историография российского либерализма начала XX в.

PUSHKAREVA I.M., HAILOVA N.B. Liberal centrism in Russia in the early twentieth century (historiographical aspect). Part 2

Abstract. The focus of the authors is the coverage of the problem of Russian liberal centrism at the beginning of the XX th century in publications of the early 1900–1980s. The article is about the comprehension of the mentioned phenomenon by contemporaries, as well as by Soviet and foreign researchers. It is noted that special interest was shown in such political organizations of liberal-centrists as: the Party of Democratic Reforms, the Party of Peaceful Renewal, the faction of Progressives in the III and IV Duma, as well as the party of the same name, formed in 1912. It is emphasized that despite the stability of a number of stereotypes and negative evaluative connotations, by 1917 there were positive changes in the perception of liberal-centrists. The conclusion is also substantiated that the domination of the ideological dictate in the Soviet period could not stop the process of increment of scientific knowledge, especially noticeable during the Khrushchev «thaw». The role of Soviet historians of the 1970–1980s in preparation for the historiographical breakthrough of the 1990s in the study of the Russian multi-party system of the early XX th century (including the problem of centrism in Russian liberalism) is analyzed. The contribution of Anglo-American historiography to the development of the topic is evaluated.

Keywords: centrism in Russian liberalism of the early XX th century; the party of Democratic Reforms; the Party of Peaceful Renewal; the faction of progressives in the III and IV Duma; the Party of Progressives; Soviet and foreign historiography of Russian liberalism in the early XX th century.

Для цитирования: Пушкарёва И.М., Хайлова Н.Б. Либеральный центризм в России начала XX в. (историографический аспект). Ч. 2. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 3. – С. 43–63. – DOI: 10.31249/hist/2023.03.03

Новая страница в историографии российского либерализма (в том числе либерального центризма) была открыта в 1990-е годы. Активизация исследований стала откликом на трансформационные процессы в посткоммунистической России. Очередной поиск путей общественного переустройства актуализировал разработку адекватных подходов к пониманию «поворотных точек» в истории страны, вызвал интерес к вариантам модернизации, представленным в прошлом.

Прорыв в изучении политической истории России начала XX в. стал возможным благодаря масштабным инициативам по изучению российской многопартийности. Среди проектов, возглавленных д-ром ист. наук, профессором В.В. Шелохаевым, особое место занимает многотомный проект «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Документальное наследие», реализация которого продолжается с 1991 г. К настоящему времени в широко известной так называемой «желтой» (по цвету обложки) книжной серии представлен беспрецедентный по научной значимости массив документов, в том числе организаций российских либералов.

В начале 1990-х годов тема либерального центризма обрела статус самостоятельной проблемы. Это стало закономерным итогом коллективных усилий российских историков, нашедшим отражение в серии публикаций в журнале «ПОЛИС» (рубрика «Партии и парламентаризм в досоветской России») [34; 60; 72; 65; 70], а также монографии «Политическая история России в партиях и лицах» [33; 64; 71; 59]. Представление об отечественном либерализме было существенно расширено и скорректировано в первой энциклопедии, посвященной истории политических партий в России [36]. В издании представлена богатая и разносторонняя информация, в том числе о персоналиях либералов-центристов и их политических объединениях. Особый вклад в изучение общественно-политической роли прогрессивных московских предпринимателей внес Ю.А. Петров. По мнению ученого, модель общественного переустройства, предложенная прогрессистами, была реалистичной, а период 1907–1916 гг. стал для российской буржуазии «политической школой, которая подготовила ее лидеров к роли политиков всероссийского масштаба и министров Временного правительства» [12; 32, с. 337].

Противоположный взгляд отражен в работах американского историка Дж. Уэста. Он характеризует взгляды П.П. Рябушинского на будущее России как «утопический капитализм», а роль его «кружка» в организации либеральных сил – как деструктивную [52; 53]. Начальному периоду политического самоопределения московской буржуазии (1855–1905) посвящено исследование Т. Оуэна. Наиболее либеральной из буржуазных партий, возникших к концу 1905 г., он считает Умеренно-прогрессивную партию [78; 22, с. 135]. В зарубежной историографии 1990–2000-х годов, отразившей тему либерального центризма, выделим работы польского профессора Эд. Вишневецки 6; 5. В них прогрессисты представлены как передовой отряд российских либералов в борьбе за назревшие реформы.

Начиная с 1990-х годов, наблюдается рост интереса к биографиям лидеров либерального центризма [21; 19; 20; 66; 13; 2]. Ведущая роль личного фактора в становлении и развитии российского либерализма и центристского течения в нем подчеркнута в обобщающих трудах В.В. Шелохаева, С.С. Секиринского и Т.А. Филипповой. Обращаясь к личностям, они представили качественно новую (в сравнении с советской историографией) картину упомянутого процесса на протяжении XIX – начала XX в. [45; 46; 69].

Характерно особое внимание авторов к личности основателя и многолетнего редактора «Вестника Европы» М.М. Стасюлевича, подчеркивание его огромного нравственного и политического вклада в укоренение либеральной идеи в России, обеспечение преемственности освободительной традиции. Факты, приводимые в книгах С.С. Секиринского, Т.А. Филипповой, В.В. Шелохаева, свидетельствуют о том, что этот вывод применим и к другим представителям либералов, через судьбы которых также прошли драматические коллизии пред- и пореформенного развития страны. В их числе – лидеры либерального центризма Д.В. Стасов, К.К. Арсеньев, А.С. Посников, М.М. Ковалевский и др. Причастность некоторых из них уже с конца 1840-х – начала 1850-х годов к организации и деятельности различных кружков, объединявших умеренных интеллектуалов и прогрессивных чиновников, объясняет настрой либералов-центристов (не покидавший их и в начале XX в.) на взаимодействие с властью, сглаживание остроты идейных разногласий между сторонниками «мирного обновления» России.

Исследователи, обращаясь к судьбам патриархов «срединного» течения в российском либерализме, отразили и другие их характерные черты. Это – умение, при устремленности к новым идеалам, не терять под ногами «жесткой почвы российской действительности», предпочитая словам конкретные дела. Это – еще и ставка на общественную самодеятельность. Они были уверены в том, что локомотивами прогресса в России начала XX в. должны стать земства, городские думы, общественные организации, а не массовые политические партии западного типа. Убедителен и вывод о главной причине умеренности политической линии «Вестника Европы». Это – готовность и способность редакции к самоограничению «не только во спасение журнала от карательной цензуры, но и во имя идейного многоцветья, политического плюрализма, общественного диалога» [46, с. 94].

В книге С.С. Секиринского и В.В. Шелохаева отмечен приоритет деятелей круга «Вестника Европы» в формировании еще в пореформенные годы «нового политического сознания, в рамках которого стали возможны впоследствии заметное углубление политических требований российского либерализма и выдвижение им программы социальных реформ» [46, с. 95]. Тем самым была подтверждена мысль К.Ф. Шацилло о ведущей роли журнала М.М. Стасюлевича в выработке идейных основ «нового либерализма».

Констатируя ускорение поляризации сил в российском либерализме с весны 1905 г., Секиринский и Шелохаев акцентировали внимание на аморфном характере либеральной среды, существовании в ней разных течений. По мнению ученых, этим объясняется тот факт, что после издания Манифеста 17 октября 1905 г. «вместо планируемой одной либеральной партии возникло несколько: кадеты, демократических реформ, свободомыслящих, мирнообновленцев, октябристов и, наконец, в 1912 г. – прогрессистов» [46, с. 167]. В книге проанализированы причины, помешавшие лидерам прогрессистов превратить свою организацию, учрежденную в ноябре 1912 г., в общероссийскую, а главное – осуществить под своими лозунгами политическое объединение торгово-промышленных кругов. Одним из основных факторов признан проигрыш прогрессистов в конкуренции с кадетами, которые, по мнению ав-

торов, и взяли на себя интегрирующие функции в либеральном лагере [46, с. 170].

«Прокадетский» подход (имеющий под собой объективные основания), характерен и для книги В.В. Шелохаева о либеральной модели переустройства России, где впервые был представлен системный анализ комплекса структурных звеньев упомянутой модели (общая система идей, политическая, экономическая, социальная и внешнеполитическая доктрины), а также рассмотрены пути и механизмы ее реализации. Шелохаев оценивает кадетский проект преобразований как «первый опыт синтеза всего ценного, что было накоплено различными направлениями общественной мысли» [69, с. 6–8]. Вместе с тем в книге «красной нитью» проходит ранее высказанная ученым мысль о российском либерализме начала XX в. как сложносоставном и, в целом, аморфном явлении. В рамках общетеоретической либеральной модели общественного переустройства автор выделил несколько субмоделей, в том числе прогрессистскую, подчеркнув тем самым самостоятельную ценность последней. В новейшем труде Шелохаева, посвященном российскому либерализму начала XX в., охарактеризовано место Партии прогрессистов в общей системе либеральных партий [68, с. 108–110].

Последовательное утверждение в российской историографии концепции, разработанной В.В. Шелохаевым, привело к тому, что уже на рубеже 1990–2000-х годов был общепризнан факт существования не одной либеральной модели переустройства России в начале XX в., а, по крайней мере, трех (включая, наряду с кадетской и октябристской моделями, еще и прогрессистский вариант ответа на вызовы времени) [73; 68]. Прижилось и понятие «либералы-центристы».

Со второй половины 1990-х годов, когда наметился тренд на изучение региональной специфики либеральных партий, в поле зрения исследователей попал и актив политических организаций либералов-центристов в провинции [37; 31; 4; 1, с. 92–93]. Был сделан вывод об укорененности «срединного» течения в российском либерализме как своего рода элемента национальной традиции.

Развивая мысль о конкурентоспособности и потенциале развития либеральных идей и практик в России начала XX в., А.А. Кара-Мурза пришел к выводу, что российское общество уже

тогда могло перейти к реализации либерального проекта через победу приверженцев центризма в регионах. Ученый связал это с высокими, по его мнению, шансами продвижения на самый верх российской государственности особого человеческого типа («строителя с серьезным стратегическим, проектным мышлением»), ставшего заметным явлением к концу XIX в., в результате александровских реформ 1860-х годов: «Земская и судебная реформы дали плоды в виде появления и развития “либеральной субкультуры” во многих регионах России». Кара-Мурза обратил внимание фактически на либералов-центристов, подчеркнув, что именно они «наладили дело у себя в регионах», а в связи с зарождением многопартийности и парламентаризма выдвинулись на авансцену истории, последовательно превращаясь в реальную политическую силу на общегосударственном уровне [14].

Что же касается объяснения проигрыша либералов всех «оттенков» в политической конкуренции начала XX в., то в новейшей историографии присутствует не только традиционный (имеющий под собой основания) мотив «обреченности» отечественных либералов. Предлагается и не столь фатальный взгляд – трактовка их поражения как временной неудачи [58; 68, с. 494–498].

К настоящему времени деятели либерального центризма и их политические объединения представлены в учебниках и энциклопедиях (универсальных, региональных и специальных) [35; 3; 25; 23; 44; 77; 26; 7; 8; 39; 30; 42; 40; 41]. От выпуска к выпуску обогащалась новыми текстами о либералах-центристах книга «Российский либерализм: идеи и люди», адресованная широкой читательской аудитории [38]. А вышедший в 2012 г. справочник включает в себя около 90 персоналий, причастных к «срединному» течению в российском либерализме начала XX в. [11].

Продвижению в осмыслении истоков и сущности «срединного» течения в российском либерализме, парламентской деятельности его лидеров в 1906–1916 гг. способствуют новые публикации Шелохая, Соловьева [48; 49; 67; 68; 74; 75; 76]. Постоянно расширяется круг ученых, обращающихся к научно-публицистическому наследию и общественно-политическому опыту идеологов либерального центра. Проблематика либерального центризма стала неотъемлемой частью историографического ландшафта. Она неизменно присутствует в сборниках материалов ежегодных (с

2009 г.) научных конференций в Орле – «Муромцевских чтений», посвященных изучению российского либерального наследия. Однако до сих пор центризм (применительно к партийной системе России начала XX в.) чаще всего ассоциируется с наиболее известными либеральными партиями – кадетами и октябристами [24, с. 134].

Трудность исследования либерального центризма связана с отсутствием в архивохранилищах компактных коллекций, отражающих историю партий и иных политических организаций либералов-центристов в начале XX в. Наряду с «распыленностью» информации, следует учесть также малочисленность документов и крайне неравномерное освещение в них разносторонней активности представителей соответствующей группы деятелей. Это объясняется отсутствием учета и контроля (во всяком случае – строгого и регулярного) за состоянием дел в объединениях либералов-центристов (фиксация численности членов, ведение протоколов и иной внутренней документации), непродолжительным сроком существования ПДР, ПМО и ряда других «родственных» сообществ. Кроме того, организационная рыхлость и промежуточное положение между главными участниками политических баталий долгое время были причиной отсутствия серьезного внимания к ним со стороны властей. Несколько больше «повезло» в этом смысле прогрессистам. Соответствующий массив документов в официальном делопроизводстве (прежде всего, Министерства внутренних дел), ставший впоследствии доступным исследователям, увеличился после революции 1905–1907 гг., по мере упрочения позиций прогрессистов.

Несмотря на упомянутые проблемы, источниковая база исследования весьма обширна и включает в себя все виды исторических документов. Знакомство с фондами государственных архивохранилищ в Москве и Петербурге свидетельствует об их значительном потенциале для разработки темы либерального центризма. Среди опубликованных документов политических организаций либералов-центристов особое место занимают материалы сборника, вышедшего в серии «Политические партии России. Конец XIX – начала XX века. Документальное наследие» [27]. Он был сформирован в результате поисковой работы в архивах и просмотра периодической печати. К основным источникам исследо-

вания относятся и стенографические отчеты заседаний I – IV Государственной думы. Самостоятельную ценность имеют опубликованные материалы – собственные издания ПДР, ПМО и фракции прогрессистов III – IV Государственной думы [28; 29; 54; 55; 56; 57; 43]. Весьма внушителен список источников личного происхождения (мемуарная литература, дневники, эпистолярное наследие), где отражена тема либерального центризма. Кроме того, неисчерпаемым кладом информации является периодическая печать, в том числе местная. Речь идет, прежде всего, об изданиях, близких к «срединному» течению в российском либерализме начала XX в. («Вестник Европы», «Страна», «Московский еженедельник», «Слово», «Русские ведомости», «Утро России», «Русская молва» и др.). Проследить истоки и выделить инвариантное ядро взглядов последователей упомянутого течения позволяют, наряду с публицистикой, научные труды идеологов либерального центризма. Среди последних – избранные сочинения М.М. Ковалевского и Е.Н. Трубецкого, вышедшие в серии «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX в.» [15; 51], а также работы М.М. Ковалевского, характеризующие его вклад в развитие социологии [16; 17].

Интерес к теме либерального центризма обусловлен не только научной востребованностью комплексного изучения соответствующего сегмента общественно-политической жизни. Дело в том, что опыт либералов-центристов существенно корректирует распространенное (в значительной степени мифологизированное) представление об отечественном либерализме как явлении «без корней». Кроме того, историческое значение их деятельности не сводится к категоричному вердикту – «потерпели поражение». Предложенные ими подходы к преобразованиям, основанные на ценностях «здорового смысла» (гуманизм, разум, солидарность), и в наши дни сохраняют значимость в постановке задач и выборе средств политической деятельности, актуализируя самооценку либерального центризма.

Что касается ключевого понятия темы – «центризм» («политический центризм»), то его четкая дефиниция вряд ли возможна ввиду ускользающего содержания, различного в зависимости от историко-политического контекста. Кроме того, в нашем случае речь идет об историческом явлении, которое обозначало «центр

центра», т.е. было органически связано с либеральным движением, занимавшим «по определению» срединную позицию между консервативным и социалистическим направлениями общественной мысли и практики. В этой ситуации целесообразно идти по пути выявления «смыслового ядра» либерального центризма, задействуя «человеческое измерение» изучаемых процессов, акцентируя мировоззренческие и психологические установки, а также поведенческие модели изучаемой группы деятелей. Представляется оптимальным использование термина «центризм» в распространенной трактовке, подразумевающей дистанцирование от крайностей, признание ценности плюрализма мнений и установку на конструктивный диалог. В настоящем контексте ключевую роль играет стремление либералов-центристов к установлению общественного согласия, расширению сферы доверия. «Если мы не будем систематически изучать структуры доверия и социальную солидарность, то рискуем не заметить важные характеристики общества и совершить серьезные ошибки в подходах к нему», – замечает английский историк Дж. Хоскинг, актуализировавший изучение исторического «измерения» феномена доверия [63, с. 226; 62].

Наиболее адекватной задачам исследования является методологическая парадигма, связанная с развитием концепта «срединной культуры». Продолжателем этой философской традиции, заложенной в начале XX в. Н.А. Бердяевым и другими авторами «веховского» направления (близкими к либеральному центризму), спустя несколько десятилетий стал А.С. Ахиезер. В известном трехтомнике «Россия: критика исторического опыта» (1991) он предложил новую концепцию социокультурной динамики, в основе которой представление о культуре как ключе к пониманию общества, а также мысль об особой ценности поиска «середины» в принятии решений. Ученый ввел в научный оборот два важнейших для понимания отечественной культуры (в том числе политической) понятия. Это – «инверсия» и «медиация» как смысловые выразители двух принципиально различных способов движения мысли между полюсами дуальной оппозиции. По Ахиезеру, инверсия соответствует «монологичному, черно-белому мышлению по формуле “свой-чужой”, “друг-враг”, “либо-либо”» (определяющему преобладающий исторический тренд российской полити-

ческой жизни). В отличие от этой логики метания между крайностями, медиация (от лат. *media* – середина) предполагает «продуктивный диалог с исторически сложившимися смыслами», нацеленный на поиск новых, альтернативных смыслов в пространстве между полюсами. Медиация трактуется как способность человека «отпадать от абсолютизации любого сложившегося стереотипа», осознать себя Личностью¹. С оговоркой о том, что это не является гарантией порядочности, оправданием жестокости и преступных действий, в научном сообществе признается востребованность процесса медиации как «значимого фактора не только духовно-культурной, но и социально-политической жизни общества» [47, с. 47, 49].

Попыткой новейшей трактовки истории «срединного» течения в российском либерализме начала XX в. является монография Н.Б. Хайловой [61]. Основные выводы исследования сводятся к следующему:

1. Центризм, проявившийся в идеологии и практике российского либерализма в начале XX в., стал результатом развития либеральной мысли в России на протяжении XIX столетия. Он определил характерные черты отечественного либерализма, в частности яркую социальную направленность последнего. Значимую роль в формировании «нового либерализма» сыграли руководители старейших либеральных органов печати – журнала «Вестник Европы» и газеты «Русские ведомости». Они внесли весомый вклад в объединение сторонников обеспечения преемственности курса Великих реформ Александра II, развитие земско-либерального движения, создание разнообразных протопартийных структур, приобретение российским либерализмом, начиная с 1890-х годов, нового качества в связи с переходом в сферу публичной политики.

2. Консолидация сторонников «средней» линии в либеральной среде, ускорившаяся на земских съездах 1902–1905 гг., проявилась в период революции 1905–1907 гг. в разнообразных организационных формах. Практически повсеместная активизация деятелей упомянутого сегмента освободительного движения стала

¹ Ученик и последователь А.С. Ахиезера – философ, культуролог А.П. Давыдов. См.: [9; 10; 50].

проявлением «инстинкта самосохранения» социума в условиях революционной Смуты. Либералы-центристы предложили власти и обществу собственную модель преобразований, основанную на ценностях гуманизма. Поставив в центр новой реформаторской «повестки» Человека, его жизнь и достоинство, свободы и права, лидеры либерального центризма надеялись, что это может стать лозунгом широкого общественного движения. Предполагалось, что идеи гуманизации общества, переложенные на политический язык, со временем будут утверждаться в массовом сознании. Их оптимизм имел под собой реальную основу, отражая процесс глубоких трансформаций в России в пореформенные десятилетия и в начале XX в.

Борьба за власть не была исключительным приоритетом для лидеров «срединного» течения в российском либерализме начала XX в. Стремление *влиять* на решения власти, *взаимодействуя* с ней, а также утверждать в общественном сознании ценности «мирного обновления», избирая путь *просвещения*, а не партийной пропаганды, – таковы были цели либералов-центристов. Сверхзадачей преобразований они считали превращение россиянина из «обывателя, живущего милостью начальства», в гражданина с сознанием «гражданских обязанностей, долга и ответственности» [18].

Русло идейно-организационного самоопределения деятелей, занявших промежуточное положение между кадетами и октябристами, обозначили Партия демократических реформ и Партия мирного обновления. Либералы-центристы объединялись на основе не столько определенной программы, сколько общеполитической ориентации (последовательные сторонники реализации идей Манифеста 17 октября 1905 г.) и категорического неприятия внеправового принуждения и насилия, партийного диктата. Отсюда – их настрой на создание коалиции политических сил поверх идеологических барьеров, новаторский подход к партийному строительству. Они предложили поисковую модель массовой партии – разновидность «сетевой» структуры, близкой к типу «универсальной партии», ориентированной на объединение большинства социально активных граждан из числа «мирной оппозиции». Деятелей «срединного» течения в российском либерализме отличала тактическая гибкость (в пределах, определяемых требованиями морали), а также прагматизм, т.е. акцент не на «слова» (теорию и програм-

матику), а на дела под лозунгом «социально-политического реализма». В своих реформаторских проектах они стремились исходить из конкретных условий места и времени. Единственно надежным способом социальных преобразований они признавали путь «органического роста», возведение здания реформ «с земли», вытесывание его из того материала, который имеется в данный момент под руками. Особенности либерального центризма были во многом определены личностными характеристиками лидеров. Акцент на ценности культуры в развитии общества позволяет характеризовать их политические объединения как «партию культуры».

Избирательные кампании в I и II Думу показали востребованность идей либералов-центристов в стране, а их представители в нижней палате, несмотря на малочисленность, внесли заметный вклад в формирование российского парламента. Вместе с тем тогда же в среде демреформаторов и сподвижников П.А. Гейдена выявились разногласия по организационным, программным и тактическим вопросам, ставшие камнем преткновения на пути к их сближению, а также в деле реализации курса на объединение сторонников «мирного обновления» в общероссийском масштабе.

3. В сложной общественно-политической ситуации после роспуска II Думы либералы-центристы не просто продемонстрировали запас прочности, но и составили политическую конкуренцию кадетам под лозунгами прогрессизма. Во многом такой результат был обеспечен благодаря поддержке идей либерального центризма в регионах в период избирательных кампаний в III и IV Думу. Росту авторитета и влияния прогрессистов способствовала также многообразная и успешная деятельность лидеров в периодических изданиях, общественных организациях, сфере народного образования, кооперации и т.д.

При поддержке части московских промышленников, возглавивших внедумскую мобилизацию либералов-центристов, наметилось превращение прогрессизма в российский вариант национал-либерализма, а в 1912 г. была учреждена Партия прогрессистов. Однако широкому распространению ее низовых ячеек препятствовал ряд обстоятельств. В их числе: 1) ограниченность организаторских кадров; 2) отсутствие в программе партии конкретных ответов на ряд ключевых вопросов, в том числе аграрно-крестьянский;

3) установка на приоритет парламентской деятельности, обусловленная низким уровнем общей и политической культуры в стране.

Вплоть до 1917 г. наиболее заметным организационным воплощением прогрессизма оставалась думская фракция во главе с И.Н. Ефремовым. Впервые выйдя на политическую сцену в III Думе, эта группа тогда же превратилась в серьезный фактор российской политической жизни. Ее образование было вызвано насущной потребностью в создании «конституционного центра», поскольку ни в одной из Дум (всех четырех созывов) ни одна из либеральных партий не имела абсолютного большинства.

4. Упрочению положения прогрессизма в годы Первой мировой войны способствовали авторитетные позиции его лидеров в общероссийских организациях, обеспечивавших нужды фронта и тыла, а также весомая роль прогрессистов в образовании Прогрессивного блока. Рост оппозиционных настроений в стране, фактический отказ власти от диалога с общественностью обусловили устойчивую тенденцию радикализации тактики прогрессистов в IV Думе. Несмотря на это либералы-центристы вплоть до Февраля 1917 г. не оставляли надежд на компромисс власти и общества. Неустойчивость политической ситуации предполагала многовариантность развития событий. Возможность сотрудничества с властью не перечеркивалась самыми радикальными выступлениями И.Н. Ефремова, А.И. Коновалова, П.П. Рябушинского и их соратников.

Февральская революция 1917 г. стала для прогрессистов очередным мобилизующим фактором. В условиях переформатирования партийного пространства думские соратники Ефремова нашли свое место в составе Российской радикально-демократической партии. Поддержав А.Ф. Керенского, это политическое объединение обеспечило себе влиятельные позиции с лета 1917 г. Близкие радикал-демократам настроения отмечались в столице и регионах. Заняв «срединное» положение между кадетами и социалистами, РРДП демонстрировала преемственность с коренными убеждениями либералов-центристов. Это дает основания характеризовать ее как конечный пункт в эволюции «срединного» течения в российском либерализме начала XX в., а позицию партии по решению проблем общественного переустройства – как еще один альтернативный вариант модернизации России.

5. Организационные особенности партий либерального центра (прежде всего отсутствие документального учета членства) выводят эти политические группировки за пределы статистического анализа. Однако факты (общероссийский авторитет и влияние их лидеров; обширная география местных отделений ПДР и ПМО, обусловленная попаданием идей либералов-центристов в резонанс с определенной нишей в провинциальной политической ментальности периода Первой российской революции; распространение тогда и впоследствии такого явления, как «беспартийный прогрессизм», а в 1917 г. – активизация радикал-демократов в регионах) позволяют признать «срединное» течение в отечественном либерализме заметным фактором политической истории России начала XX в. Преимущественный отклик на призывы либералов-центристов в образованных слоях городского населения не только обеспечил этому течению запас жизненных сил, но и способствовал упрочению его позиций вплоть до 1917 г. Очевидно, что характерные ярлыки, закрепившиеся за либералами-центристами («генералы без армии» и т.п.), не отражают значимости, а тем более потенциала этого исторического явления.

6. Прогрессистская альтернатива реформирования России объективно выражала национально-государственные интересы. Идеи «умеренно-прогрессивных» преобразований на рубеже XIX–XX вв. могли стать основой для диалога власти и общества, обеспечив стране наименее болезненное преодоление очередного исторического перевала. Однако в силу ряда причин (преимущественно – субъективных) путь, предложенный либералами-центристами, был отторгнут властью. Его не приняло и большинство лидеров оппозиции, одержимых желанием не только ускорить процесс общественного саморазвития, но и удовлетворить собственные политические амбиции. Стремление найти некую равнодействующую («золотую середину») оказалось обреченным на маргинальность и осталось уделом меньшинства в расколотом обществе, характеризовавшемся в начале XX столетия стремительной поляризацией. В конечном итоге, идея «умеренно-прогрессивных» преобразований в единении власти и общества была сметена большевиками и народной стихией.

7. Одним из факторов, определивших судьбу либералов-центристов как проигравших, были их идейно-организационные

особенности – «невписываемость» в рамки традиционных идейных направлений, отсутствие строгих организационных принципов. Неприятие идеологами либерального центризма партийных барьеров не только облегчало, но и нередко затрудняло поиск общего языка с потенциальными соратниками. Ко времени вступления России в Первую мировую войну в прогрессистских кругах обострились внутренние противоречия, связанные с изначальным расхождением во взглядах на пути аграрной реформы. К этому добавилось разномыслие по вопросу о «национализации» российского либерализма, способах решения национального вопроса. К 1917 г. эти «точки напряжения» стали еще более заметными.

В обстановке, сложившейся после крушения самодержавия и вызвавшей разрастание всеобщего хаоса, среди либералов (в том числе прогрессистов) не нашлось лидера, равновеликого большевистскому вождю по своей харизме, который смог бы взять ситуацию под контроль, обеспечив баланс между популистской риторикой и реальными реформаторскими действиями в русле либерального центризма.

8. В истории не бывает окончательных побед и поражений. Интеллектуальное наследие наиболее известных идеологов и предшественников либерального центризма (Вл.С. Соловьев, М.М. Ковалевский, И.Н. Ефремов) – важная часть общемирового процесса интенсивного поиска путей общественного переустройства на рубеже XIX–XX вв. Как двигаться вперед, учитывая интересы личности и государства? Предложенные деятелями «срединного» течения в российском либерализме начала XX в. подходы к пониманию «мирного обновления» по-прежнему актуальны.

9. Дальнейшее постижение сущности и потенциала либерального центризма связано как с использованием новых методологических подходов, так и расширением диапазона научного поиска, привлечением новых источников. Перспективными представляются, в частности, следующие направления: продолжение изучения регионального аспекта темы; пополнение персональной базы данных представителей «срединного» течения в российском либерализме начала XX в. с целью воссоздания адекватной картины их многообразного вклада в разные сферы российской жизни и реакции современников на их труды; исследование механизмов трансляции и восприятия массовым сознанием взглядов прогрессистов;

анализ опыта либералов-центристов в области заимствования достижений зарубежной науки и практики.

Список литературы

1. Антошин А.В. Феномен либерально-центристской провинциальной прессы в дореволюционной России: костромская газета «Поволжский вестник» в период избирательной кампании во II Государственную думу // Историк, документ, цenzура. Источниковедческие и историографические аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики : сб. ст. к 60-летию со дня рождения д-ра ист. наук Валерия Федоровича Блохина / отв. ред. С.Г. Кашенко. – Санкт-Петербург, 2015. – С. 92–98.
2. Аронов Д.В. Михаил Стахович и Сергей Муромцев. Российский либерализм – единство в разнообразии // Орловский мудрец, опередивший время : сб. науч. ст. – Орел : Орлик, 2011. – С. 86–91.
3. Большая российская энциклопедия : в 35 т. / пред. Науч.-ред. совета Ю.С. Осипов ; отв. ред. С.Л. Кравец. – Москва : БСЭ, 2004–2017.
4. Братолобова М.В. Проблема либерального центризма начала XX в.: региональный аспект // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. – 2010. – № 2. – С. 65–69.
5. Вишневский Эд. Капитал и власть в России: политическая деятельность прогрессивных предпринимателей в начале XX в. – Москва : Старый сад, 2000. – 269 с. – [2-е изд., доп. – Москва : Изд-во МГУ, 2006. – 318 с.].
6. Вишневский Эд. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. – Москва : Россия молодая, 1994. – 189 с.
7. Государственная дума России : энциклопедия : в 2-х т. – Москва : РОССПЭН, 2006. – Т. 1 : Государственная дума Российской империи (1906–1917) / отв. ред. В.В. Шелохаев. – 768 с.
8. Государственный совет Российской империи, 1906–1917 : энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 343 с.
9. Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. – Москва : Мысль, 2012. – 644 с.
10. Давыдов А.П., Розин В.М. Спор о медиации. Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления. – Москва : URSS, 2017. – 280 с.;
11. Деятели либерального движения в России. Середина XVIII в. – 1917 г. Справочник и электронная база данных / отв. ред. Н.В. Макаров. – Москва : Памятники исторической мысли, 2012. – 775 с.
12. Династия Рябушинских : [Кн.-альбом] / Авт. текста и сост. Ю.А. Петров. – Москва : Русская книга, 1997. – 196 с.;
13. Кара-Мурза А.А. Михаил Стахович: русский либерал между реакцией и революцией // Орловский мудрец, опередивший время : сб. науч. ст. – Орел : Орлик, 2011. – С. 51–72;
14. Кара-Мурза А.А. Региональная традиция либерализма в России // Общая тетрадь. – 2007. – № 4(43). – С. 25–31.

15. Ковалевский М.М. Избранные труды : в 2-х ч. / сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.Б. Хайлова. – Москва : РОССПЭН, 2010. – Ч. 1. – 576 с. ; ч. 2. – 448 с. – (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX в.).
16. Ковалевский М.М. Сочинения : в 2-х т. / отв. ред. и автор вступ. ст. А.О. Бороноев. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. – Т. 1 : Социология. – 288 с. ; Т. 2 : Современные социологи. – 416 с.
17. Ковалевский М.М. Социология: теоретико-методологические и историко-социологические работы / отв. ред. и автор предисл. А.О. Бороноев. – Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христ. гум. академии, 2011. – 687 с.
18. Кузьмин-Караваев В.Д. Из общественной хроники // Вестник Европы. – 1906. – Т. 4, № 11. – С. 462–480.
19. Легкий Д.М. Д.В. Стасов в эпоху русских революций начала XX века // Россия в XX веке. Реформы и революции : в 2-х т. – Москва : Наука, 2002. – Т. 1 / под общ. ред. Г.Н. Севостьянова ; сост. С.М. Исхаков. – С. 229–232;
20. Легкий Д.М. Дмитрий Васильевич Стасов: судебная реформа 1864 г. и формирование присяжной адвокатуры в Российской империи : к 150-летию судебной реформы 1864 г. в России. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2011. – 422 с.
21. Легкий Д.М. Дмитрий Васильевич Стасов – юрист и общественный деятель (1828–1918) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1991. – 18 с.
22. Макаров Н.В. Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии. – Москва : Памятники исторической мысли, 2015. – 392 с.
23. Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 2 / гл. ред. С.О. Шмидт. – Москва : Москвоведение, 2009. – 623 с.;
24. Мурашева Е.В. Центризм как общественно-политическое явление. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 311 с.
25. Новая российская энциклопедия : [в 12 т.] / гл. ред. А.Д. Некипелов. – Москва : Энциклопедия, 2003.
26. Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев. – Москва : РОССПЭН, 2005. – 640 с.
27. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы / отв. ред. В.В. Шелохаев ; сост., автор предисл., введ. и комм. Н.Б. Хайлова. – Москва : РОССПЭН, 2002. – 528 с.
28. Партия демократических реформ. Речи членов партии в Первой Государственной думе. – Санкт-Петербург : Русская скоропечатня, 1907. – 187 с.
29. Партия мирного обновления. Ее образование и деятельность в первой Государственной думе. – Санкт-Петербург : Типо-лит. п/ф «Эл.-тип. Н.Я. Стойковой», 1907. – 194 с.
30. Петр Аркадьевич Столыпин : энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 735 с.
31. Петров С.Г. Прогрессисты Псковской губернии накануне и во время Первой мировой войны // Псков. – 2007. – № 26. – С. 133–136.

32. Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. – Москва : Мосгорархив, 2002. – 440 с. – (Московская монография).
33. Петров Ю.А. Партии промышленников и предпринимателей // Политическая история России в партиях и лицах / [сост.: В.В. Шелохаев (рук.), Н.Д. Ерофеев, И.Е. Задорожнюк и др.]. – Москва : Терра, 1994. – С. 7–24.
34. Петров Ю.А. «Третье сословие»: вхождение в политику // ПОЛИС (Политические исследования). – 1993. – № 3. – С. 176–180.
35. Политические партии России: история и современность : учеб. для ист. и гуманитар. фак. вузов / под ред. А.И. Зевелева, Ю.П. Свириденко, В.В. Шелохаева. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 630 с.
36. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века : энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – Москва : РОССПЭН, 1996. – 875 с.
37. Потемкина Л.И. Пермская конституционно-либеральная партия 1905–1907 гг. // Вестник Пермского ун-та. Сер. Лингвистика. – 1998. – № 2. – С. 134–141.
38. Российский либерализм: идеи и люди : [сб. ст.] / отв. ред. и сост. А.А. Карамурза. – Москва : Новое изд-во, 2004. – 613 с. – [2-е изд., испр. и доп. – Москва : Новое изд-во, 2007. – 900 с. ; 3-е изд., испр. и доп. : в 2-х т. – Москва : Новое изд-во, 2018].
39. Российский либерализм середины XVIII – начала XX в. : энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 1087 с.
40. Россия в 1905–1907 гг. : энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев. – Москва : РОССПЭН, 2016. – 1196 с.
41. Россия в 1917 году : энциклопедия / отв. ред. А.К. Сорокин. – Москва : РОССПЭН, 2017. – 1095 с.
42. Россия в Первой мировой войне, 1914–1918 : энциклопедия : в 3 т. / Российский гос. архив социально-политической истории, Ин-т российской истории РАН ; редкол.: А.К. Сорокин (отв. ред.) [и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2014. – Т. 1 : А–Й. – 818, [4] с. ; Т. 2 : К–П. – 901, [2] с. ; Т. 3 : Р–Я. – 710, [5] с.
43. Россия. Государственная дума. Созыв 4-й. Прогрессивная группа. Отчет Прогрессивной группы членов Государственной думы и Центрального комитета общества «Мирного обновления» за 1912 г. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1913.
44. Санкт-Петербург : энциклопедия / науч. ред. Б.Ю. Иванов. – Санкт-Петербург ; Москва : РОССПЭН, 2004. – 1021 с. – [2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург ; Москва : РОССПЭН, 2006. – 1021 с.].
45. Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. – Москва : Высшая школа, 1993. – 253 с.
46. Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX – начало XX в.) : уч. пособие для вузов. – Москва : Памятники ист. мысли, 1995. – 286 с.
47. Сиземская И.Н. Приглашение к размышлению // Философские науки. – 2013. – № 3. – С. 49–52.
48. Соловьев К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности. 1899–1905 / отв. ред. В.В. Шелохаев. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 287 с.

49. Соловьев К.А. Союз освобождения: либеральная оппозиция в России начала XX в. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 328 с.
50. Теория медиации Александра Ахизера. Воспоминания. Библиография / отв. ред. А.П. Давыдов. – Москва : Новый хронограф, 2019. – 175 с.
51. Трубецкой С.Н., Трубецкой Е.Н. Избранное / сост., авторы вступ. ст. и коммент. О.В. Волобуев, А.Ю. Морозов. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 733 с.
52. Уэст Дж.Л. Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии (1909–1914) // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период : антология / сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара : Самар. ун-т, 2000. – С. 299–329.
53. Уэст Дж.Л. Старообрядческое видение будущего России: утопический капитализм Павла Рябушинского // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) : сб. науч. трудов. – Москва : Языки славянской культуры, 2010. – Вып. 4 / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. – С. 674–687.
54. Фракция прогрессистов в 4-й Государственной думе. Сессия I. 1912–1913 год. [Обзор деятельности]. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1913. – Вып. 1. – 62 с.
55. Фракция прогрессистов в 4-й Государственной думе. Сессия I. 1912–1913 г. [Обзор деятельности]. – Санкт-Петербург : Типография И.В. Леонтьева, 1913. – Вып. 2 : Гос. строй. Гражданские свободы. Суд. Самоуправление. Вопросы веры и церкви. Народное образование. Список членов фракции. – 131 с.
56. Фракция прогрессистов в 4-й Государственной думе. Сессия I. 1912–1913 г. [Обзор деятельности]. – Санкт-Петербург : Типография И.В. Леонтьева, 1913. – Вып. 3 : Народное хозяйство. – 94 с.
57. Фракция прогрессистов в 4-й Государственной думе. Сессия II. 1913–1914 год. [Обзор деятельности]. – Санкт-Петербург : Типография Бр. В. и И. Линник, 1914. – Вып. 4. – 107 с.
58. Хайлова Н.Б. «Лики» либерального центризма: к вопросу о неоднородности русского либерализма начала XX в. // Проблемы отечественной истории нового и новейшего времени : сб. науч. статей в честь Валерия Васильевича Журавлёва / отв. ред. В.Э. Багдасарян ; ред и сост. Л.Н. Лазарева, О.А. Шашкова ; библи. Ю.А. Степанова. – Москва : МГОУ, 2018. – С. 158–161.
59. Хайлова Н.Б. Партия демократических реформ // Политическая история России в партиях и лицах / [сост.: В.В. Шелохаев (рук.), Н.Д. Ерофеев, И.Е. Задорожнюк и др.]. – Москва : Терра, 1994. – С. 60–73.
60. Хайлова Н.Б. ПДР, «партия здравого смысла» // ПОЛИС (Политические исследования). – 1993. – № 3. – С. 181–184.
61. Хайлова Н.Б. Центризм в российском либерализме начала XX в. / ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив. – Москва, 2022. – 640 с.
62. Хоскинг Дж. Доверие: история : пер. с англ. – Москва : Политическая энциклопедия, 2016. – 294 с.
63. Хоскинг Дж. Почему нам нужна история доверия // Вестник Европы. – 2003. – Т. 7/8. – С. 225–236.

64. Шевырин В.М. Мирнообновленцы // Политическая история России в партиях и лицах / [сост.: В.В. Шелохаев (рук.), Н.Д. Ерофеев, И.Е. Задорожнюк и др.]. – Москва : Терра, 1994. – С. 25–38.
65. Шевырин В.М. Мирнообновленцы: в поисках «третьей силы» // ПОЛИС (Политические исследования). – 1993. – № 4. – С. 165–168.
66. Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов: личность и общественно-политическая деятельность. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 398 с.
67. Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. – Москва : Политическая энциклопедия, 2015. – 863 с.
68. Шелохаев В.В. Либерализм в России в начале XX в. – Москва : Политическая энциклопедия, 2019. – 503 с.
69. Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. – Москва : РОССПЭН, 1996. – 277 с.
70. Шелохаев В.В. Многопартийность, «висевшая в воздухе» // ПОЛИС (Политические исследования). – 1993. – № 6. – С. 166–171.
71. Шелохаев В.В. Прогрессисты // Политическая история России в партиях и лицах / [сост.: В.В. Шелохаев (рук.), Н.Д. Ерофеев, И.Е. Задорожнюк и др.]. – Москва : Терра, 1994. – С. 39–59.
72. Шелохаев В.В. Прогрессисты – партия предпринимателей и интеллектуалов // ПОЛИС (Политические исследования). – 1993. – № 4. – С. 159–164.
73. Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Шелохаев В.В. На разные темы. – Москва : РОССПЭН, 2016. – С. 5–29.
74. Шелохаев В.В., Соловьев К.А. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций творчества. – Москва : Гос. дума, 2013. – 239 с.
75. Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Общественное движение в России (методологические и историографические проблемы) // Россия XXI. – 2018. – № 4. – С. 144–169.
76. Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Политические партии России начала XX в. Особенности явления и перспективы изучения // Россия XXI. – 2019. – № 5. – С. 84–101.
77. Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. : энциклопедия : в 2-х т. / отв. ред. Ю.А. Петров ; Науч. совет по проблемам рос. и мировой экон. Истории. – Москва : РОССПЭН, 2008–2009. – XL, 1469, [1] с.
78. Owen Th.C. Capitalism and politics in Russia: A social history of the Moscow merchants, 1855–1905. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – XI, 295 p.

УДК 930.253; 94(4)"1914/19"

DOI: 10.31249/hist/2023.03.04

**БРАТАНИЕ В АРМИЯХ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В 1917 г.
(автор-составитель С.В. КУРИЦЫН*). Часть 2**

Аннотация. В настоящей публикации собраны документы разных типов, позволяющие оценить уровень развития братания в армиях Юго-Западного фронта в переломном для истории России 1917 г. Данные источники, выявленные в ходе подготовки автором-составителем кандидатской диссертации, ранее не вводились в научный оборот. Основная их масса хранится в фондах РГВИА. Представленные материалы позволяют не только оценить масштабы распространения братания на всем Юго-Западном фронте, но и в отдельных армиях, входивших в его состав, а также рассмотреть меры, направленные на пресечение данного вида антивоенных выступлений. Кроме того, приводимые документы указывают на обозначившуюся в 1917 г. тенденцию эволюции братания из стихийного явления, каковым оно являлось, начиная с конца 1914 по конец 1916 г. в организованное, когда главными силами, стимулировавшими его развитие стало австро-германское командование и партия большевиков.

Ключевые слова: Первая мировая война; Юго-Западный фронт; братание; документальные материалы; разведка.

Fraternization in the armies of the Southwestern front in 1917 (contributing author KURITSYN S.V.). Part 2

Abstract. This publication contains documents of various types that allow us to assess the level of development of fraternization in the

* © Курицын Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН, член Российской ассоциации историков Первой мировой войны; sergejj-88@yandex.ru

armies of the Southwestern Front in the turning point for the history of Russia in 1917. These sources, identified during the preparation of the author-compiler of the candidate's dissertation, have not previously been introduced into scientific circulation. The bulk of them are stored in the funds of the RGVIA. The presented materials make it possible not only to assess the extent of the spread of fraternization on the entire Southwestern Front, but also in individual armies that were part of it, as well as to consider measures aimed at suppressing this type of anti-war speeches. In addition, the documents cited indicate the trend of the evolution of fraternization in 1917 from a spontaneous phenomenon, which it was, starting from the end of 1914 to the end of 1916, into an organized one, when the main forces that stimulated its development were the Austro-German command and the Bolshevik Party.

Keywords: World War I; Southwestern Front; fraternization; documentary materials; intelligence.

Для цитирования: Братание в армиях Юго-Западного фронта в 1917 г. (автор-составитель С.В. Курицын). Часть 2. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 3. – С. 64–115. – DOI: 10.31249/hist/2023.03.04

В данной публикации мы продолжим начатую во вступительной части к предшествующей подборке документов о развитии братания на Юго-Западном фронте характеристику источников, выявленных нами в фондах РГВИА в процессе подготовки кандидатской диссертации¹.

В первую очередь необходимо рассмотреть особенности разведывательных сводок штабов армий и штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Среди достоинств данного типа документов следует назвать большую, в сравнении с оперативными сводками, детализацию информации, которая позволяет в некоторых случаях не просто локализовать факты братания географически и хронологически, но и установить подробности произошедшего. Разведывательные сводки часто содержат показания, полученные в результате допроса пленных и перебеж-

¹ Курицын С.В. Феномен братания на Юго-Западном фронте в 1917 г. (по материалам российских архивов) / Дисс. ... канд. ист. наук. – Москва, 2021. – 468 с.

чиков с указанием их национальности и принадлежности к тому или иному полку. Это в ряде случаев позволяет выяснить подробности организации братания с австро-германской стороны, а также отношение военнослужащих противника к русским солдатам, участвующим в братании. Важным является и указание на национальность допрашиваемого, поскольку в составе вооруженных сил Австро-Венгрии, как известно, не все комбатанты одинаково относились к России. Поэтому большего доверия заслуживают показания тех военнопленных и перебежчиков, которые принадлежали к народам, симпатизировавшим нашей стране, как то: православные сербы, чехи, словаки, словенцы, а также часть румын и итальянцев, тяготевших к своим странам, воюющим с Двуетидной монархией. Меньше доверия вызывают показания австрийских немцев, а также мотивированных на войну с Россией сербов-мусульман, венгров, части населения Галиции, ассоциировавших себя с украинским этносом.

Однако разведывательные сводки имеют и ряд недостатков. К ним в первую очередь относится особенность их составления: при локализации мест, где отмечено братание, географическая привязка зачастую делалась к месту дислокации того или иного соединения противника, что в значительной степени затрудняет установление того, на участке какого русского полка произошло братание. Кроме того, разведывательные сводки штаба фронта значительно менее подробны, чем аналогичные документы, составленные в штабах армий. Это, как и в случае с оперативными сводками, объясняется неизбежным при составлении сводок в масштабе фронта сокращением детализации и переносом акцента на обозначение тенденций, нежели описания эпизодов непосредственно. Однако несмотря на перечисленные недостатки, разведывательные сводки позволяют получить массовый и довольно подробный материал, позволяющий существенно дополнить данные, полученные из оперативных сводок.

Обратимся к рассмотрению еще одного типа источников – приказам командования. Их появление чаще всего было обусловлено фактом произошедшего братания на том или ином участке, вверенном начальствующему лицу, издавшему приказ, реже – опасностью возникновения контактов. В данном типе документов

содержатся указания на конкретные факты братания, не получившие отражение в других типах источников.

Безусловным достоинством этого типа материалов является хронологическая близость их появления и факта произошедшего братания, что позволяет по «горячим следам» зафиксировать обстановку на участке фронта, где имели место контакты с военнослужащими противника, а также ее возможное изменение в течение непродолжительного после братания времени. Приказы позволяют в первую очередь охарактеризовать те меры, которые предписывалось предпринять для предупреждения братания или его прекращения. А поскольку в условиях, сложившихся в армии в 1917 г. командование старалось избегать того, чтобы давать предписания, которые явно не будут выполнены солдатами, указанные в приказах меры в целом могли быть воплощены в жизнь. Это позволяет оценить степень строгости преследования братания.

Вместе с тем среди недостатков рассматриваемого типа документов необходимо указать следующий: предписываемые приказами меры по борьбе с братанием в условиях 1917 г. зачастую воплощались в реальность далеко не в полном объеме. Поэтому здесь мы имеем дело с некой идеальной моделью того, что должно быть сделано, а насколько требования командования воплощались в жизнь приказы оценить не позволяют. Для этого необходимо привлекать другие типы источников. Кроме того, приказы командования дают возможность оценить зачастую только отношение высшего и старшего офицерского состава к братанию и в гораздо меньшей степени, часто опосредованно, отношение к нему солдат на том или ином участке фронта. Тем не менее приказы командования дают важные сведения при исследовании различных аспектов братания.

Важным источником, позволяющим оценить уровень распространения братания в той или иной части или соединении являются протоколы заседаний солдатских комитетов и их воззвания, обращенные к солдатам. Возникнув весной 1917 г., солдатские комитеты фактом своего появления нарушали принцип единоначалия в армии. Однако в вопросах противодействия братанию вплоть до осени солдатские выборные организации были солидарны с командным составом и со своей стороны предпринимали усилия для борьбы с развитием данного вида антивоенных выступлений.

В сентябре-октябре ситуация несколько изменилась вследствие того, что после подавления Корниловского выступления наметилась тенденция к «полевению» как Советов в тылу, так и солдатских комитетов на фронте. Кроме того, в условиях подготовки выборов в Учредительное собрание большую свободу для агитации получили представители радикальных партий социалистического толка, в частности большевики, что также обусловило увеличение их числа в составе солдатских комитетов. Однако и в осенние месяцы, несмотря на то, что часть постановлений комитетов стала носить антивоенный характер, в целом бóльшая часть солдатских выборных организаций Юго-Западного фронта продолжала противодействовать братанию.

Относительно достоинства рассматриваемого типа источников необходимо отметить, что весной и летом 1917 г. авторитет комитетов среди солдат был весьма высок. Их члены в массе своей были более грамотны, в том числе в смысле ориентирования в политической ситуации. Подавляющая часть солдатской массы разделяла идеи пользовавшихся наибольшей популярностью партий эсеров и меньшевиков, которые воспринимались как выразители ее интересов. Поэтому к постановлениям комитетов прислушивались. После подавления выступления генерала Л.Г. Корнилова авторитет солдатских комитетов, принимавших активное участие в противодействии бывшему Верховному главнокомандующему и его сторонникам, а также в выявлении их среди командного состава, еще более укрепился. Однако в осенние месяцы он начал стремительно утрачиваться и вскоре к постановлениям комитетов бóльшая часть солдат стала относиться равнодушно или потребительски.

Переходя к недостаткам данного типа документов, необходимо отметить, что среди массива протоколов заседаний солдатских выборных организаций далеко не всегда имеются материалы, в которых уделялось внимание братанию. Также необходимо обратить внимание и на то, что не только в осенние месяцы, но даже весной, когда авторитет комитетов среди солдат был весьма высок, их постановления, направленные на противодействие братанию, далеко не всегда исполнялись, на что указывает динамика развития данного вида антивоенных выступлений в этот период. Из сказанного выше следует заключить, что меры, предлагаемые комите-

тами, не будучи подкрепленными механизмом принуждения, а вызывавшие почти исключительно только к чувству сознательности, зачастую оставались нереализованными или воплощались не в полном объеме, а степень претворения их в жизнь в тех или иных частях и соединениях в различные периоды была неодинакова.

Еще одна группа документов, выявленных в фондах РГВИА – это журналы военных действий, в которых описаны случаи братания на участках отдельных полков, т.е. в них содержится информация практически «из первых рук», что, несомненно, является главным достоинством данного типа документов. Кроме того, в журналах военных действий зафиксированы случаи братания, которые далеко не всегда получали отражение в документах более высокого уровня. Здесь же в некоторых случаях приводятся подробности контактов военнослужащих противоборствующих армий на передовой, которых также не зафиксированы в других типах материалов.

Однако журналы военных действий, как исторический источник, имеют и существенные недостатки. К ним следует отнести в значительной степени субъективный характер отраженных в них сведений, так как многие командиры стремились скрыть факты братания из опасения получить взыскания от вышестоящего начальства. Кроме того, журналы в разных полках велись с различной степенью тщательности: в каких-то подробно описаны эпизоды встреч солдат на нейтральной полосе, а в других имеются только лаконичные сообщения косвенного характера. Однако несмотря на перечисленные несовершенства данной группы документов, содержащийся в них материал существенно дополняет сведения о братании, полученные из других типов источников.

Важным источником по теме являются судебно-следственные материалы. Они относительно редко встречаются в весенние месяцы. Причиной этому во многом стала дезорганизация суда в войсках, вызванная революционной их перестройкой. Также немаловажным фактором являлось нарастающее количество эпизодов братания в этот период, что, с учетом настроения значительной части солдатских масс, делало выявление зачинщиков и предание их суду довольно проблематичным.

Осенью расследования эпизодов братания и предания суду зачинщиков стали более частыми. Это стало возможным во мно-

гом вследствие того, что после неудачного для русской армии июньского наступления и последовавшего за ним оставления территории Галиции многие солдаты изменили свое отношение к братанию: в значительной части соединений в сентябре-октябре оно варьировалось от безразличного до враждебного. И только в некоторых полках солдаты поддерживали или участвовали в братании. Сократилось и количество непосредственно выходивших из окопов для встреч с неприятелем бойцов, что также облегчало судебно-следственным органам выявление зачинщиков контактов.

Среди достоинств данного типа документов необходимо назвать стремление их составителей к максимальной детализации расследуемых эпизодов. В судебно-следственных материалах приводятся имена как непосредственных участников братания, так и опрашиваемых свидетелей, на основе показаний которых делается попытка наиболее полной реконструкции событий. Названы и имена командиров, инициировавших расследование, а также производивших следственные мероприятия лиц. Предельно точно (вплоть до часов) указаны временные рамки, а также географические координаты.

Вместе с тем и этот тип документов не лишен некоторых недостатков. Одним из наиболее значимых из них является условно имевшее место стремление подследственных оправдать себя, а значит, ими, вероятно, скрывались важные подробности эпизодов братания. Кроме того, следственные комиссии далеко не всегда могли действовать в комфортных для себя условиях, что также не могло не отразиться на результатах их работы. Важным фактором, оказывавшим влияние на уровень достоверности реконструкции событий, являлась и различная степень осведомленности опрашиваемых свидетелей, которые вольно или невольно могли искажать имевшие место факты. Кроме того, в силу различных причин не весь объем судебно-следственных дел мог сохраниться в архивах, так как были нередки случаи уничтожения солдатами судебно-следственных материалов.

Подводя итоги анализу выявленных источников, необходимо отметить, что в целом все типы документов имеют как присущие им преимущества, так и не лишены тех или иных недостатков. Однако изучение их в совокупности позволяет составить относительно полную картину развития братания на Юго-Западном фронте в переломном для России 1917 г.

**Материалы из фондов
Российского государственного военно-исторического архива
(РГВИА)
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ СВОДКИ:
7-я армия**

№ 1

***Из разведывательной сводки штаба 7-й армии
(3 марта 1917 г.)***

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11, НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКОГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 3 марта... На некоторых участках позиции противника слышались продолжительные крики «ура».

РГВИА.Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 5.

№ 2

***Из разведывательной сводки штаба 7-й армии
(5 марта 1917 г.)***

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11, НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКОГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 5 марта. ...

Рогатинское направление... [В] районе леса Лысона (юго-восточнее Бжежаны) противник вывесил белые флаги; восточнее дер[евни] Липица Дольня им были выставлены 2 больших плаката с надписями о событиях в России...

111235 / Р. Бучач. 5 марта. 13 час. 45 мин. [А.А.] Незнамов¹.

РГВИА.Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 11.

¹ Незнамов Александр Александрович (1872–1928) – генерал-квартирмейстер штаба 7-й армии (с 12 июля 1916 г.). И. д. начальника штаба 7-й армии (1 мая – 25 августа 1917 г.). Два месяца находился в резерве чинов при штабе Одесского военного округа. Генерал-квартирмейстер штаба Помощника Главнокомандующего армиями Румынского фронта (с 23 октября 1917 г.). Помощник начальника отделения ГУГШ. Добровольно вступил в РККА.

№ 3

***Из разведывательной сводки штаба 7-й армии
(13 марта 1917 г.)***

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11,
НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКО-
ГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 13 марта. ...

Долинское направление... На участке верхнего течения
р. Быстрица Солотвинска при встрече с разведчиками противника
последние уходят в свое расположение, разбрасывая проклама-
ции...

111305 / Р. Бучач. 13 марта 1917 года. 14 часов. [А.А.]
Незнамов.

РГВИА.Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 34.

№ 4

***Из разведывательной сводки штаба 7-й армии
(27 марта 1917 г.)***

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11,
НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКО-
ГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 27 марта...

Рогатинское направление... [в] районе дер. Подшумлянце
при попытке разбрасывать прокламации убит германец 242[-го]
рез[ервного] полка 53[-й] рез[ервной] герм[анской] д[ивизии]...

111380. Бучач. 27 марта. 13 час. 30 мин. [А.А.] Незнамов.

РГВИА.Ф. 2244. Оп. 1. Д. 394. Л. 69.

№ 5

***Из разведывательной сводки штаба 7-й армии
(30 марта 1917 г.)***

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11,
НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 7 СИБИРСКОГО,
3 КАВКАЗСКОГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 30 марта...

Рогатинское направление...

Разведчики нашего Чешско-словацкого полка из разговоров с противником удалось выяснить, что стоящая юго-восточнее Бжежаны 119[-я] герм[анская] дивизия имеет свою постоянную артиллерию, 28 марта будто бы прибыл 72[-й] артиллер[ийский] полк, ведущий пристрелку, последнее как бы подтверждается замеченной усиленной деятельностью артиллерии, носившей пристрелочный характер. Кроме того, нашими чехами разведчиками выяснено, что противником ведется в районе сев[ернее] Потуторы минная галерея и что в том же районе у противника ожидается смена. Западнее Потуторы, на р. Злота Липа с целью разбрасывания прокламаций подходили германцы с номером 58, настоящим подтверждается предположение о расположении 58[-го] акт[ивного] полка 119[-й] германской] див[изии] на этом участке...

На различных участках фронта противником разбрасывались прокламации (также с аэроплана) и выставлялись плакаты и белые флаги, прокламации в большинстве носят характер воззвания к русским солдатам о скорейшем окончании войны, а также приводят речь канцлера...

Долинское направление... Войсковое наблюдение – 1 (между жел[езными] дорогами на Галич и Калуш был слышен шум какой-то смены 2) в районе Старе Богородчаны противник открывал артиллерийский огонь по нашему расположению, а также по своим вынесенным вперед окопам, после чего часть австрийцев вышла из своих окопов, причем некоторые уходили в тыл, а другие шли в нашу сторону, но под огнем своих батарей залегли между нашей и неприятельской проволокой, выкинув белые флаги...

11403 Р. Бучач. 30 марта. 13 час. 45 мин. [А.А.] Незнамов.

РГВИА.Ф. 2244. Оп. 1. Д. 394. Л. 76–78.

№ 6

Из разведывательной сводки штаба 7-й армии (3 апреля 1917 г.)

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11, НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКОГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 3 апреля...

Рогатинское направление... западнее Потуторы задержаны двое германцев 58[-го] акт[ивного] полка 119[-й] герм[анской] див[изии], явившиеся в наши окопы с целью агитации... Севернее Потуторы нашим разведчикам чехам удалось вступить в разговор с германскими офицерами, которые убеждали последних вести агитацию в пользу мира...

Долинское направление.

...в районе Богородчаны в наши окопы явилась группа австрийцев 28[-го] гонв[едного] п[олка] 42[-й] дивизии и у шоссе Космач – Солотвина таким же путем задержана группа австрийцев 13[-го] имп[ерского] полка 5[-й] австр[ийской] дивизии, в четырех верстах сев[еро-]зап[аднее] дер[евни] Рафаилова (дол[ина] р. Салатрук) задержаны австрийцы первого егерского батальона 30[-й] австр[ийской] дивизии. Выводы... 2) приход на фронте армии значительного числа солдат противника в наши окопы может быть истолкован, применительно к прошлому году, как пасхальное посещение или как специальная высылка с целью агитации в пользу мира.

111 434 Р. Бучач. 3 апреля. 13 час. 50 мин. [А.А.] Незнамов.

РГВИА.Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 89; РГВИА.Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 121 об.

№ 7

Из разведывательной сводки штаба 7-й армии (4 апреля 1917 г.)

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11, НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКОГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 4 апреля...

Долинское направление. Захвачены пленные: у шоссе Ро-сульня – Солотвина кадет 13[-го] имп[ерского] полка 5[-й] австр[ийской] див[изии], подошедший к нашим проволочным заграждениям с целью разбрасывания прокламаций, у дер[евни] Яблонка 54[-го] имп[ерского] полка 5[-й] дивизии и в дер[евне] Порохы 93[-го] имп[ерского] полка той же дивизии. Задержанные и захваченные в плен австрийцы (сводка 111434) показали: 1) офицеры 8[-го] ландв[ерного] полка 21[-й] дивиз[ии] – 2 недели

тому назад их дивизия сменила 48[-ю] рез[ервную] герм[анскую] дивизию... 8[-й] ландв[ерный] полк, в частности, сменил 223[-й] рез[ервный] герм[анский] п[олк], 1 из офицеров видел дня 3 тому назад в Калуше погрузку 15[-й] герм[анской] дивизии в вагоны, которая со всей своей артиллерией перебрасывается на Французский фронт, захваченные офицеры принадлежали к штурм[овому] батальону 3[-й] армии Кирбаха... их рота, состоящая из людей частей 21[-й] дивизии, была откомандирована и придана 8[-му] ланд[верному] полку в виде отдельной яхт-роты («ягд-коммандо» – разведывательно-поисковая партия. – С. К.) (пленные офицеры составляют командный состав роты)...

111439 / Р. Бучач. 4 апреля. 14 час. 15 мин. [А.А.] Незнамов.
РГВИА.Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 6–7.

№ 8

Из разведывательной сводки штаба 7-й армии (5 апреля 1917 г.)

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11, НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКОГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

В дополнение сводки 111439. Захваченные [в] районе Богородчаны (сводка 111434) принадлежат 27[-у] и 28[у] гонведным и 42[-у] тяжелому гаубичному полкам 42[-й] гонведной австрийской дивизии... настроение улучшилось в расчете на близкий мир.

Захваченные австрийцы первого егерского батальона (та же сводка) 30[-й] австр[ийской] дивизии дали следующие показания... дух в войсках хороший, дисциплина строгая, народ и армия желают мира, но готовы вести борьбу до победного конца.

111449 / Р. Бучач. 5 апреля. 14 час. 40 мин. [А.А.] Незнамов.
РГВИА.Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 8–9.

№ 9

***Из разведывательной сводки штаба 7-й армии
(5 апреля 1917 г.)***

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11, НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКОГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 5 апреля. Противник в общем пассивен. На некоторых участках фронта мелкие партии противника пытались подходить к нашим окопам и вступать в разговоры, нашими разведчиками подобрано много прокламаций и газет, в которых говорится о мире...

Долинское направление...

в дер. Порохы задержаны австрийцы 93[-го] имп[ерского] полка 5[-й австрийской] дивизии...

111448 / Р. Бучач. 5 апреля. 13 час. 40 мин. [А.А.] Незнамов.
РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 96.

№ 10

***Из разведывательной сводки штаба 7-й армии
(6 апреля 1917 г.)***

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11, НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКОГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 6 апреля...

Долинское направление.

Опрошенные пленные 93[-го] имп[ерского] полка 5[-й] австр[ийской] див[изии] (сводка 111448) показали: ... один из плен-ных ранее служил [в] 3[-м] эскадроне 12[-го] драгунского полка, который был спешен, а люди после шестинедельного обучения в Лайбахе Тироле отправлены на пополнение 5[-й] дивизии. После вступления императора Карла на престол пища улучшилась, по слухам, им прекращен вывоз продуктов в Германию, сдаваться не собираются, убеждены, что Россия скоро заключит сепаратный мир; получен секретный приказ не задерживать и отпускать русских, пытающихся вступать в переговоры о мире.

111454 / Р. Бучач. 6 апреля. 13 час. 45 мин. [А.А.] Незнамов.

РГВИА.Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 100.

№ 11

***Из разведывательной сводки штаба 7-й армии
(7 апреля 1917 г.)***

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11, НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКОГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 7 апреля...

Вновь наблюдались попытки партий противника выходить из своих окопов с целью братания...

111460 / Р. Бучач. 7 апреля. 13 час. 30 (или 35. — С. К.) мин. [А.А.] Незнамов.

РГВИА.Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 102.

№ 12

***Из разведывательной сводки штаба 7-й армии
(10 апреля 1917 г.)***

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11, НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКОГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 10 апреля...

Долинское направление...

Среди австрийцев держится слух о том, что на Стоходе наши войска сдались без боя, что вызвало у австрийцев большую радость и убеждение, что русские больше не хотят сражаться...

111472 / Р. Бучач. 10 апреля. 13 час. 45 мин. [А.А.] Незнамов.

РГВИА.Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 108 об.

№ 13

***Из разведывательной сводки штаба 7-й армии
(16 апреля 1917 г.)***

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11, НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКОГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 16 апреля. ...

16[-й] имп[ерский] п[олк] 36[-й австрийской] див[изии]... 11 апреля был прочитан приказ по дивизии, в котором требуется, чтобы полки были приведены в полную боевую готовность в виду ожидаемого русского наступления. Настоящее показание может быть поставлено в связь с подбрасываемыми противником прокламациями, в которых между прочим указывается: «Союзным германским и австро-венг[е]р[ским] войскам было предложено начальством в дни Светлого Праздника показать готовность Германии и Австро-Венгрии к окончанию войны» и далее «С 10 / 23 числа снова придется стрелять, и опасность будет грозить всякому, выходящему из окопов»...

111512 / Р. Бучач. 16 апреля 13 час. 50 мин. [А.А.] Незнамов.
РГВИА.Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 122.

№ 14

***Из разведывательной сводки штаба 7-й армии
(17 апреля 1917 г.)***

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11, НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКОГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 17 апреля...

Долинское направление...

У дер[евни] Рановец ([в] районе Солотвина) захвачен австриец 13[-го] имп[ерского] полка 5[-й австрийской] дивизии, передавший слух о предстоящей, будто бы, смене его полка мадярами как ненадежного по своему национальному составу (поляки)...

111518 / Р. Бучач. 17 апреля. 13 час. 50 мин. [А.А.] Незнамов.

РГВИА.Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 39–40.

№ 15

***Из разведывательной сводки штаба 7-й армии
(18 апреля 1917 г.)***

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11, НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 44, 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКОГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 18 апреля...

Рогатинское направление... Опросом перебежчиков германцев, принятых у леса Лысона (сводка 111518) подтвердилось предположение о принадлежности их 5[-у] рез[ервному] полку 36[-й] рез[ервной] герм[анской] дивизии. Перебежчики показали... В германских войсках надеются, что революция в России выльется в анархию...

11528 / Р /. Бучач. 18 апреля. 13 час. 45 минут. [А.А.] Незнамов.

РГВИА.Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 41–42.

№ 16

***Из разведывательной сводки штаба 7-й армии
(20 апреля 1917 г.)***

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11, НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 44 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКОГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 20 апреля...

Рогатинское направление: 1) [в] районе шоссе Потуторы – Бжежаны задержаны пришедшие в наши окопы фельдфебель и солдат 104[-го] герм[анского] рез[ервного] полка 24[-й] рез[ервной] герм[анской] дивизии, показавшие [на] предварительном опросе, что полк прибыл из Бельгии...

111540 / Р. Бучач. 20 апреля. 13 час. 35 мин. [А.А.] Незнамов.

РГВИА.Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 47–48.

№ 17

***Приложение к сводке 111531 / Р. (сводка от 18 апреля. – С. К.¹)
Общие сведения о противнике по агентурным источникам
и из газет***

(документ составлен не позднее 23 апреля. – С. К.)

...Подготовка противника к наступлению, однако, не ограничивается техникой.

Желая ввести в заблуждение наших солдат относительно истинных своих намерений, он пытается завязать с ними якобы дружеские отношения. Цель ясна: противнику необходимы сведения о наших войсках, а при «братании» добыть их нетрудно; кроме того, противник рассчитывает, что благодаря «братанию» ослабнет бдительность русского воина

Между тем неприятель принимает все меры, чтобы скрыть производимые им перегруппировки войск и планы предстоящих операций на нашем фронте...

Хотя противник и принимает все меры для отражения нашего удара и с своей стороны готовится к наступлению, однако твердой уверенности в успехе у него нет...

Обороняя позиции на западном театре, предположено сосредоточить другой полумиллионный резерв на востоке, где и нанести удар русской армии, которую германцы рассматривают как наиболее слабого противника. Наступление предполагается на северном и центральном участках русского фронта. На юге германцы предполагают ограничиться демонстративными действиями; однако не исключается возможность русского наступления в Галиции, а потому предполагавшаяся операция против Италии будто бы не состоится. К тому же Итальянский театр рассматривается германским Верховным командованием как второстепенный.

Генерального штаба Подполковник [Б.П.] Тарло².

¹ См.: РГВИА.Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 45–46.

² Тарло Борис Павлович (1882–?) – старший адъютант отделения генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии (с 11 июня 1916 г.). Полковник (производство: 15 августа 1917 г.). В армии Украинской Державы (с 20 апреля 1918 г.). 15 октября 1918 г. назначен начальником учебно-мобилизационной части штаба 1-й конной дивизии в Одессе. После падения режима гетмана П.П. Скоропадского – участник Белого движения в составе ВСЮР (с 21 января 1919 г.). В отделе гене-

РГВИА.Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 53–54 об., 55–56 об., 57–58 об., 59–60 об.,
61–62 об.

№ 18

***Из разведывательной сводки штаба 7-й армии
(24 апреля 1917 г.)***

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11, НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 44, 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКОГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 24 апреля...

Противник активных действий не предпринимал. В районе Свистельники партии германцев с белыми флагами неоднократно пытались подходить к нашим окопам...

111559 / Р. Бучач. 24 апреля. 13 час. 30 мин. Запольский.

РГВИА.Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 65.

№ 19

***Из разведывательной сводки штаба 7-й армии
(29 апреля 1917 г.)***

ГЕНКВАВЕРХ, ГЕНКВАЮЗ, ГЕНКВАРМ 8 И 11, НАШТАКОР 12, 16, 22, 33, 41, 44, 7 СИБИРСКОГО, 3 КАВКАЗСКОГО АРМЕЙСКИХ И 2 КАВАЛЕРИЙСКОГО

Секретно. Разведывательная сводка к 14 часам 29 апреля...

Противник пассивен. На участке вост[очнее] дер[евни] Ли-пица Дольня противник выставил плакат: «Если ваша артиллерия будет стрелять, то и наша откроет огонь»...

111587 / Р. Бучач. 29 апреля. 13 час. 50 мин. Запольский.

РГВИА.Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 75–76.

рал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии. С 22 июля 1919 г. – начальник штаба 2-й Кубанской отдельной казачьей бригады. На 1 августа 1920 г. – в Русской армии.

8-я армия

№ 20

***Из разведывательной сводки штаба 8-й армии
(5 марта 1917 г.)***

...На некоторых участках противник разбрасывал прокламации и выставлял плакаты [с] надписями, относящимися [к] текущим событиям, [в] частности, [на] некоторых участках 200[-й] пех[отной] герм[анской] дивизии немцы предлагали газеты и просили хлеба...

5 марта. 13 часов. 516. Покровский.
РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 96. Л. 283.

№ 21

***Из разведывательной сводки штаба 8-й армии
(9 марта 1917 г.)***

[В] Кирлибабском районе [на] некоторых участках наши разведчики [при] приближении к заграждениям противника слышали громкие крики: «Капут Вильгельму!»...

9 марта. 13 час[ов]. 544. Покровский.
РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 96. Л. 289.

№ 22

***Из разведывательной сводки штаба 8-й армии
(30 марта 1917 г.)***

...Пленный 18[-го] егер[ского] батальона 30[-й] пех[отной] дивизии, захваченный [в] районе р. Гропенец, что около 4 вер[ст] [к] юго-востоку [от] Пантирперев (сводка 610), опрошенный [в] штаб, подтвердив прежние показания, дополнил, что до переворота [в] России настроение было подавленное и ждали какого угодно мира, но узнав [о] событиях [в] России и, в частности, [в] армии, воспрянули духом и решили добиться успехов. 30 марта. 13 часов. 709. Покровский.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 81–82.

№ 23

***Из разведывательной сводки штаба 8-й армии
(31 марта 1917 г.)***

...Германцы [в] последнее время много говорят [о] наших внутренних событиях и уверяют, что им хорошо известно, что наши солдаты теперь не хотят воевать...

Черновиц. 31 марта. 13 часов. 723. Покровский.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 84.

№ 24

***Из разведывательной сводки штаба 8-й армии
(1 апреля 1917 г.)***

...[в] Кэрэшмезском районе [в] тылу нашей позиции подбит воздушный шар пр[отивни]ка, который при падении загорелся – подобраны обгоревшие прокламации...

Захваченный [в] районе выс[оты] 1547 (что в 5 вер[стах] [к] западу [от] Капуль) германец 1[-го] грен[адерского] полка (сводка 685) показал... получено приказание тревожить русских частыми разведками.

[В] районе Боттох – Ботошуль принят перебежчик 2[-го] гонв[едного] гус[арского] п[олка] 11[-й] кав[алерийской] див[изии], показавший... о мире говорят меньше, ждут [в] России междоусобицы, что дает надежду [на] победу...

Пятое. Последними показаниями пленных устанавливается, что противник сильно рассчитывает [на] наши внутренние события, достаточно затронувшие армию и понизившие ее боеспособность, надеется [на] победу над нынешней русской армией и счастливый для себя мир, [в] настоящее время у противника, по видимому, приподнятое боевое настроение войск...

Черновицы. 1 апреля. 13 часов. 726. Вр. Генкварм 8 подполковник [П.А.] Кусонский¹.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 86–89.

¹ Кусонский Павел Алексеевич (1880–1941) – и. д. ст. адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии (с 13 декабря 1915 г.; на 3 января 1917 г. – утвержден в должности; на 30 июля 1917 г. – в должности). Подполковник (производство: 10 апреля 1916 г.). В 1917 г. – помощник начальника оперативного отделения управления генерал-квартирмейстера Ставки Верховного

№ 25

***Из разведывательной сводки штаба 8-й армии
(3 апреля 1917 г.)***

Разведывательная ... Противник пассивен [в] районе выс[оты] 1477 (что 10 вер[ст] [к] юго-западу [от] Томнатик) немцы [с] белыми флагами вышли [из] своих окопов [и] пытались подойти [к] нашим, но огнем были загнаны обратно.

[В] районе выс[оты] 1129 (что 8 вер[ст] северо-восточнее Керешмезе) взято 2 австрийца 32[-го] пех[отного] п[олка], [при] предварительном опросе показавшие, что они 14[-й] роты и принадлежат 30[-й] пех[отной] див[изии], входящей [в] состав 25[-го] рез[ервного] корпуса...

Все ждут, что Россия скоро заключит сепаратный мир – захваченные прибыли в качестве депутатов [по] приказанию командира роты [с] целью братания...

Черновиц. 3 апреля. 13 часов. 734. Вр. Генкварм 8 [П.А.] Ку-сонский.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 92–95.

главнокомандующего. Полковник (производство: 15 августа 1917 г.). Был послан генерал-лейтенантом Н.Н. Духониным в Быхов с тем, чтобы предупредить генерала Л.Г. Корнилова и его сторонников о приближении большевиков. Вслед за Корниловым уехал в Добровольческую армию.

В Русской армии ген. Врангеля – и. д. начальника гарнизона г. Симферополя. С августа 1920 г. – начальник штаба 3-го армейского корпуса. В октябре 1920 г. – начальник штаба 2-й армии. После эвакуации из Крыма назначен помощником начальника штаба Главнокомандующего Русской армией. Приказом от 16 февраля 1922 г. произведен в генерал-лейтенанты. После 1922 г. переехал в Париж, где находился в распоряжении председателя РОВСа.

В 1938 г. переехал в Бельгию. 22 июня 1941 г. был арестован гестапо и интернирован в концлагерь Брейндонк, в Бельгии. Скончался от жестоких побоев. Похоронен семьей на кладбище Уксель в Брюсселе. 30 ноября 1944 г. бельгийские власти с воинскими почестями перенесли прах на почетный участок кладбища Юкль в Брюсселе.

№ 26

***Из разведывательной сводки штаба 8-й армии
(4 апреля 1917 г.)***

Разведывательная... Противник пассивен. [У] выс[оты] 1064, что [в] 8 вер[стах] северо-восточнее Керешмезэ немцы кричали [из] окопов, что [в] апреле Германия и Австрия предложат России мир...

...[в] районе р. Валеа Стырей (что 6 вер[ст] [к] юго-востоку [от] Кирлибаба) задержано 6 венгров 5[-го] гус[арского] п[олка], пришедших [с] поздравлениями. Австрийцы 32[-го] импер[ского] полка... захваченные [в] районе выс[оты] 1129 (что [в] 8 вер[стах] северо-восточнее Керешмезе) [2 апреля], [при] дополнительном опросе показали... 1 апреля был прочитан приказ по 7[-й] армии, что, [по] полученным сведениям, [от] русских войск ожидается делегация [в] числе 6 человек [для] мирных переговоров, [во] время которых позиции не усиливать, огня не открывать, [о] прибытии депутатов известить дежурного офицера. Нижним чином [в] разговор [с] депутатами не вступать.

...Черновиц. 4 апреля. 13 часов. 739. Вр[еменно] Генкварм 8 подполковник [П.А.] Кусонский.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 100–104.

№ 27

***Из разведывательной сводки штаба 8-й армии
(5 апреля 1917 г.)***

[В] штадив 11 было получено письмо, переданное [в] районе выс[оты] 1414 ур. Польска Козмеска (что [в] 12 вер[стах] [к] юго-западу [от] Ворохта) [в] переводе следующего содержания: «15.4.17. [В] случае, если будет высказано желание, что один [из] офицеров предложит определенные вопросы относительно германо-австро-венгерских намерений, настроении и отношении [к] России, я готов дать заявление, но прошу принести [с] собой удостоверение, [из] которого было бы видно, что полковой командир [с] этим согласен. Тамхинд, батальонный командир»...

Черновиц. 5 апреля. 13 часов. 745. Вр[еменно] Генкварм 8 подполковник [П.А.] Кусонский.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 107–108.

№ 28

***Из разведывательной сводки штаба 8-й армии
(7 апреля 1917 г.)***

... Перебежчик 101[-го] п[ехотного] п[олка] 34[-й] пех[отной] див[изии]... [на] предварительном опросе показал... приказано было мешать дальнейшему братанию [с] русскими. [Во] время пасхального братания, [по] показаниям перебежчика, русские говорили австрийцам [о] скором мире, решении [и] не наступать, и не пускать [к] себе противника... Перебежчики, принятые [в] Кирлибабском районе... показали... Русин 60го имп[ерского] п[олка], занимающего позицию южнее р. Татарка (у Кирлибаба), показал... наступление, предположенное 6 апреля, отменено; слышал от своих офицеров [о] желании русского народа скорее покончить войну.

...Серб 61[-го] имп[ерского] полка, занимающего позицию [на] юго-вост[очном] склоне выс[оты] 1607 / у Кирлибаба /, показал... [в] полку полагают, что революция ослабила Россию, посему все надеются [на] принуждение ее [к] миру.

...Черновиц. 7 апреля... 761. Вр[еменно] Генкварм 8 подполковник [П.А.] Кусонский.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 111–113.

№ 29

***Из разведывательной сводки штаба 8-й армии
(10 апреля 1917 г.)***

[На] фронте 23[-го] армейского] корпуса противник разбрасывал прокламации [с] призывом окончить войну, приглашая парламентаров.

Черновиц. 10 апреля. 13 часов. 771. [П.А.] Кусонский.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 119–120.

№ 30

***Из разведывательной сводки штаба 8-й армии
(11 апреля 1917 г.)***

Противник пассивен. [На] участке 1[-го] гренадерского полка 1[-й] пех[отной германской] див[изии] (выс[ота] 1477 и Рыпцы, что [в] 11 вер[стах] [к] юго-западу [от] Томнатик) был выброшен белый флаг [с] надписью «Мир».

...Черновиц. 11 апреля. 13 часов. 776. Вр[еменно] Генкварм 8 подполковник [П.А.] Кусонский.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 121.

№ 31

***Из разведывательной сводки штаба 8-й армии
(13 апреля 1917 г.)***

[В] долине р. Форешек, что [в] 8 вер[стах] [к] юго-востоку [от] Кэрэшмезэ, захвачено 2 германца 22[-го] резервного п[олка] 117[-й] пех[отной] див[изии], пришедшие [для] переговоров [с] нашими солдатами. Пленные имели белые повязки [на] рукавах и объяснили, что вышли [со] своим командиром роты, дабы сговориться [об] обмене газет и писем. Офицер, оставшийся у заграждений, [при] приближении наших разведчиков скрылся. [В] штабе армии получено распоряжение не стрелять по 18 апреля – между Россией и Германией, будто бы идут переговоры [о] мире...

Черновиц. 13 апреля. 13 часов. 800. Вр[еменно] Генкварм 8 подполковник [П.А.] Кусонский.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 125–126.

№ 32

***Из разведывательной сводки штаба 8-й армии
(14 апреля 1917 г.)***

[На] разных участках Керешмезского района группы и одиночные солдаты, прикрываясь белыми флагами и повязками [на] рукавах, пытались войти [в] связь [с] нашими солдатами, разбрасывали прокламации, вселяющие недоверие [к] Англии, убеждающие заключить мир, переговоры о коем уже, будто бы, ведутся.

[На] остальных участках фронта противник более сдержан, бдителен, встречает наших разведчиков сильным огнем.

К выс[оте] 952 Погарек (что [в] 5 вер[стах] [к] западу [от] Ворохта) (по-видимому, против стыка 11[-го] герм[анского] п[олка] с 101[-м] п[ехотным] п[олком] 34[-й] пех[отной] див[изии] или фланге последнего) вышел австрийский офицер [с] трубачом, подал сигнал, и [с] нашей стороны был выслан офицер при двух солдатах. Австрийский офицер [на] словах передал: «Уполномочен дивизией заявить претензии [за] стрельбу нашей (русской. – С.К.) артиллерии даже [по] мелким партиям, не свыше 3 человек, тогда как наша (австро-венгерская. – С.К.) артиллерия не стреляет [по] работающим днем и передать решение своей дивизии [на] нашем фронте не наступать и не допускать другие войска, а также спросить причину задержания вами раньше 4 человек». Офицер передал лист австрийской телеграфной агентуры и просил дать ответ сегодня, 14 апреля [в] 10 часов...

Вывод: последнее время противник держится подозрительно, местами совершенно не стреляет и не отвечает [на] огонь нашей артиллерии, позволяет открыто ходить и работать [в] окопах: был случай, что наш офицер ввиду часовых противника [в] 300 шагах [от] его окопов произвел съемку местности.

Черновиц. 14 апреля. 13 час[ов]. 810. Вр[еменно] Генкварм 8 подполковник [П.А.] Кусонский.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 127–129.

№ 33

Из разведывательной сводки штаба 8-й армии (23 апреля 1917 г.)

...Между ур. Прутчик / [в] 8 вер[стах] [на] север [от] Керешмезе / и Керешмезском шоссе противник совершенно пассивен, не ведет даже ружейного огня. [На] остальном фронте редкий ружейный огонь. [В] районе выс[оты] 1477 ([в] 12 вер[стах] [к] юго-западу [от] Томнатик) захвачено 2 германца 43[-го] полка 1[-й] пех[отной] див[изии], пришедшие с газетами. [В] районе выс[оты] 1554 Пирие (16 вер[ст] [к] западу [от] Томнатик) появился парламентар противника, поручик Кайзерлинг, заявивший, что уполномочен штабом армии вести переговоры [о] перемирии, так как че-

рез 3 дня, якобы, Германия предложит России сепаратный мир без аннексий и контрибуций. На предложение для переговоров пройти [в] штаб полка отказался, требуя заложника [в] чине не ниже поручика.

Черновиц. 23 апреля. 13 часов. 890. [П.А.] Кусонский.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 145–146.

№ 34

Из разведывательной сводки штаба 8-й армии

(24 апреля 1917 г.)

...На выс[оте] 1483 / [в] 8 вер[стах] [к] западу [от] Капулу (участке 1[-го] грен[адерского] полка) партия противника, выкинув белый флаг, вышла [из] окопов, направляясь [к] нашей позиции, но, будучи обстреляна своими пулеметами, вернулась.

...Черновиц. 24 апреля. 13 часов... [П.А.] Кусонский.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 147.

№ 35

Из разведывательной сводки штаба 8-й армии

(27 апреля 1917 г.)

[В] Керешмезском районе оживление артиллерийского огня, на выс[оте] 1477 (9 вер[ст] [к] юго-западу [от] Баранова) [на] участке 43[-го] герм[анского] п[олка] 1[-й] п[ехотной] див[изии] играл оркестр, причем группы германцев пытались подойти [к] нашим окопам.

...Черновиц. 27 апреля. 13 часов. 934. Покровский.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 153–154.

№ 36

Из разведывательной сводки штаба 8-й армии

(28 апреля 1917 г.)

...[в] районе Пнев задержан офицер и 2 солдата 65[-го] л[анд]шт[урменного] п[олка] 200[-й] пех[отной] див[изии], бывшие [для] переговоров [от] имени командира полка.

Черновиц. 28 апреля. 13 часов. 941. Покровский.

РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 229.

№ 37

***Из разведывательной сводки штаба 8-й армии
(10 июня 1917 г.)***

Разведывательная...

Во время разбрасывания прокламаций два наших разведчика (люди очень надежные) были окружены [в] районе Ляховце (2 вер[сты] [к] юго-зап[аду] [от] Богородчаны) австрийцами. Последние приняли их как парламентариев и повели [с] завязанными глазами [в] штаб полка. По дороге одному разведчику удалось опустить повязку, он насчитал четыре линии окопов, причем первая линия отлично оборудована, обшита досками. Людей [в] окопах мало, 3[-я] и 4[-я] линии тоже обшиты досками, но бойниц не имеют, перед последними линиями забиты только колья, а проволоки еще нет. После краткого опроса [в] полку разведчики были отправлены [в] штаб дивизии, где были опрошены двумя офицерами. Опрашивающие интересовались главным образом будут ли русские наступать и сколько артиллерии. Разведчики отвечали, что наступать наши не собираются, артиллерии мало. На следующее утро разведчики [с] завязанными глазами отправлены [к] передовой линии и пропущены [в] нашу сторону [с] предложением начать опять братание и прекратить стрельбу.

...Черновиц. 10 июня. 13 часов. 1313. Покровский.

РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 317.

№ 38

***Из разведывательной сводки штаба 8-й армии
(19 июня 1917 г.)***

Разведывательная...

Принятый [в] районе Иезуполя 17 июня вольноопределяющийся серб [на] опросе [в] штакор показал: служил долгое время [в] разведывательном отделении штарм 3[-й] австр[ийской армии] [в] Калуше...

Во все корпуса и дивизии разосланы разведывательные группы, состоящие из людей со специальной подготовкой, для

производства разведок под видом братания. По поводу братаний был приказ австрийским армиям, [в] котором первою задачею [на] русском фронте поставлено братание и пропаганда сепаратного мира, чтобы возможно дольше задержать русское наступление.

Черновиц. 19 июня. 20 часов. 1403. Покровский.

РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 346–347.

№ 39

Из разведывательной сводки

О солдатах, задержанных австро-германскими военно-служащими в ходе братания на участке 14-го пехотного Олонецкого и 16-го пехотного Ладожского полков (4-я пехотная дивизия, 6-й армейский корпус, 11-я армия), происходившего с 29 сентября по 2 октября

ГЕНКВАРВЕРХ, ГЕНКВАРЮЗ, ГЕНКВАРМ 7 И ОСОБОЙ.

Наштакор 5, 6, 25, 32, 5 Сиб., 5 и Гвард конные.

Староконстантинов. 15. 10. 17.

Секретно. Разведывательная

Збаражское направление.

...Допрошенные в штакоре три солдата 16[-го] пех[отного Ладожского] полка, принимавшие участие в братании с немцами первого октября в районе Черниховце, показали: первая линия занята очень редко – заставами; проволочные заграждения в две полосы: первая – сетки из проволоки на низких кольях, вторая проволочная сеть обычной высоты в три кола, часть которых железная.

Окопы содержатся плохо. Из окопов их повели по ходу сообщения, очень узкому, к ротному командиру, землянка которого в версте от первой линии, а затем к командиру батальона, верстах в трех от первой линии. Здесь проходит вторая линия, уже гуще занимаемая людьми.

Затем им завязали глаза и повезли в Тарнополь под конвоем уланов с цифрой «А третий» на погонах.

В Тарнополь их привезли к командиру этапного батальона, откуда водили на допрос в штаб дивизии, помещающийся на улице 3[-го] мая в доме, который раньше занимал наш эпидемический

отряд; при опросе интересовались про урожай, теплую одежду и настроение солдат.

Из окон комнаты видели на станции орудия таких размеров, каких никогда раньше не встречали.

В Тарнополе стоит 121[-й] этап и 10[-й] л[ан]дв[ерный] батальон; видели германцев с цифрами 66 и 6 на погонах.

...№ 12513. [В.К.] Токаревский.

РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 354. Л. 338–339.

ПРИКАЗЫ И ПОСТАНОВЛЕНИЯ

№ 40

*Из приказа временно командующего 117-й пехотной дивизией
(12-й армейский корпус, 7-я армия) генерал-майора*

П.И. Иванова

Приказ 117-й пехотной дивизии № 74. 27 апреля 1917 года.
Д. Армия

В ночь с 25 на 26 апреля я обошел первую линию 1-ые батальоны [467-го пехотного] Кинбурнского и [465-го пехотного] Уржумского полков (участки №№ 10, 11, 12, 13, 14 и 15).

1. Противник ведет себя вызывающе: поет песни, кричит: «Не стреляй, пан! Зачем ваши стреляют?», предлагает покурить – словом, стремится под видом братства усыпить нашу бдительность, чтобы воспользоваться этим для нанесения нам удара. Особенно это заметно перед участками 11, 12 и 13.

Я не видел и не слышал, чтобы наши откликались или переговаривались, но могут найтись слабые, которые считают врагов своими братьями.

Мы воюем за свободу и существование нашей дорогой Родины, к войне должны относиться серьезно, быть же за панибрата с коварным и жестоким противником нам не приходится, этим он оскорбляет нас и в ответ на попытки братанья противника мы должны посылать ему пулю или забирать в плен.

Если он считает нас братьями, пусть приходит к нам, мы поступим с ним по-братски...

Запрос у солдат в газетах очень большой: пока комитеты выпишут газеты и получают их прошу организовать покупку и снабжение ими рот и команд возможно шире; офицеров прошу,

прочитав газету, отдавать ее в роту и объяснять солдатам если что-либо непонятно.

Солдаты должны знать все, что делается у нас на Родине, и таким способом само собой исчезнет интерес к берлинским и венским изданиям «Русского Вестника» и «Недели», экземплярами которых старается снабдить нас наш противник...

Подписал: Вр[еменно] Командующий дивизией Генерал-Майор [П.И.] Иванов.

РГВИА. Ф. 3010. Оп. 1. Д. 77. Л. 44–44 об.

№ 41

Приказ командующего 8-й армией генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова от 10 июня 1917 г.

Копия.

Сов[е]ршенно[] секретно. В собств[енные] руки.

Начдив 19, 117, 164 и 1 Заамурской (все дивизии входили в состав 12-го армейского корпуса 8-й армии. – С. К.)

1917 года 11 июня 10 час. 15 мин. № 605. Из Тысьменицы.

По приказанию комкор сообщаю для исполнения копию телеграммы Командарм 8: «Для создания тайны наших действий приказываю, чтобы на пассивных участках с первого дня артиллерийской подготовки в окопах безотлучно находились бы полковые и батальонные командиры, комитеты (подчеркнуто в документе. – С.К.), а старшие начальники лично обходили бы их не менее раза в день в сопровождении своих комитетов. Днем усилить число наблюдателей, ночью организовать непрерывное патрулирование между окопами и проволочными заграждениями. Мера эта должна пресечь всякую возможность общения наших солдат с противником.

Черновиц. 10 июня 1917 г. 22 ч. 01541. [Л.Г.] Корнилов¹»
Занаштакор 12, Капитан Пюллер.

¹ Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – командующий войсками Петроградского военного округа (с 2 марта 1917 г.). 7 марта 1917 по приказу Временного правительства арестовал в Царском Селе императрицу Александру Федоровну. Командующий 8-й армией (с 29 апреля 1917 г.). Генерал от инфантерии (27 июня 1917 г.). Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (с 10 июля 1917 г.), Верховный Главнокомандующий (с 18 июля 1917 г.). 13 августа 1917 г., выступая на Государственном совещании в Петрограде, Л.Г. Корнилов

РГВИА. Ф. 3010. Оп. 1. Д. 77. Л. 229.

№ 42
Приказ
армиям Юго-Западного фронта
16 ноября 1917 г.
№ 1193

После призыва вождей большевизма, обращенного непосредственно к войсковым частям, начать мирные переговоры с противником, последний ответил на этот вопрос широким братанием с нашими войсками, которое, однако, ведется противником по строгой определенной системе. В то время, как на одних участках братание им вовсе не допускается, не смотря даже на попытки с нашей стороны завязать таковое (был случай, когда из немецких окопов вышло два офицера, в том числе начальник дивизии, которые заявили, что до формального заключения перемирия они братания не допустят и всякие попытки к нему будут прекращаться огнем) на других участках немцы большими массами подходят к нашим окопам, меняются с нашими солдатами мелкими вещами, при этом значительная часть братающихся немцев (между ними много *молодых людей переодетых* (выделенное зачеркнуто в документе. – С. К.) шпионов) доходят до расположения наших резервов. Наиболее широкое братание производится противником на тех участках, где замечено увеличение его сил и обнаружено появление его ударных частей.

Таким образом, расположение наших окопов, наиболее слабые их места, не являются секретом для ударных частей противника. Пользуясь доверчивостью и простодушием русского солдата, противник собирает на наиболее важных для него участках точные

назвал причиной кризиса в армии «законодательные меры» правительства, еще раз призвав к приравнению тыла к фронту. События 27 августа – 1 сентября 1917 г. имели последствием то, что А.Ф. Керенский 29 августа 1917 г. отчислил Л.Г. Корнилова от должности с преданием суду за мятеж. 2 сентября 1917 г. Л.Г. Корнилов был арестован. Содержался в Быхове. 19 ноября 1917 г. освобожден и в сопровождении Текинского конного полка направился на Дон, где под руководством генерала М.В. Алексеева разворачивалась Добровольческая армия. Погиб при штурме Екатеринодара 31 марта 1918 г.

сведения о силе укреплений наших позиций и о местах расположения резервов и тем подготавливает для себя благоприятную обстановку для нанесения удара* (в документе в этом месте от руки поставлена пометка (крестик со скобкой), указывающая на примечание, приводимое ниже (см. документ № 43). – С. К.).

Между тем, ко мне часто являются депутации от разных войсковых частей, расположенных на фронте, с просьбами сместить их и отвести не в резерв, а в глубокий тыл.

Русские воины! Обращаюсь к вашему уму и сердцу. Не верьте коварному врагу, уже не раз доказавшему свое вероломство. Враг силен и хитер. Он *хочет воспользоваться смутой в нашей армии, чтобы нанести нам поражение и захватить нашу землю* (...требуется, чтобы вы оставили ваши позиции и оборудованные на зиму стоянки, на которые затрачено много миллионов народных средств и ушли в тыл, где в стужу и непогоду вам снова придется положить много труда и сил для устройства на зиму) (приводимое в скобках продолжение предложения было вычеркнуто из текста приказа и заменено на вписанное от руки, выделенное курсивом. – С. К.).

Помните, русские воины, что судьба России и свободы в ваших руках. Берегите те блага, которые кровью народной добыты для вас *революцией* (выделенное слово зачеркнуто. – С. К.). Помните, что свободная *революционная* (выделенное слово зачеркнуто. – С. К.). Россия – гибель для Германии, и враг прилагает все усилия, чтобы обмануть Вас и, воспользовавшись вашим доверием, нанести нашей Родине такой удар, после которого она будет ему не страшна, а, униженная и обессиленная, должна будет покориться и многие годы отдавать свои силы и средства для благополучия германского народа.

Приказ этот прочесть *всем* (выделенное курсивом вписано от руки. – С.К.) *во всех ротах эскадронах, батареях и командах* (выделенное курсивом зачеркнуто в документе. – С. К.).

[Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта] Генерал-лейтенант [Н.Г.] Володченко¹.

¹ Володченко Николай Герасимович (1862–1945) – генерал-лейтенант (производство: 13 июня 1915 г.). После Февральской революции 7 апреля 1917 г. назначен командиром 46-го армейского корпуса. После выступления генерала Л.Г. Корнилова 9 сентября 1917 г. заменил генерала Ф.Е. Огородникова на посту главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. После прихода к власти большевиков 26 октября 1917 г. вошел в состав фронтового Комитета спасения

Отдел генерал-квартирмейстера

Отдано в печать 16 ноября 1917 г.

РГВИА.Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 216–216 об.

№ 43

***Примечание к Приказу Главнокомандующего армиями
Юго-Западного фронта № 1193
от 16 ноября 1917 г.***

Интересен при этом взгляд братающихся немцев, который ясно виден из одного разговора, когда во время братания германские солдаты в ответ на упрек русских солдат, что германцы теперь братаются, а затем перейдут в наступление, ответили: *«Прикажут – ударим: на то мы – солдаты»*. (выделенное курсивом подчеркнуто в документе. – С. К.).

РГВИА.Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 216 а.

№ 44

***Из протокола заседания комитета 22-го армейского корпуса
(7-я армия)
от 2 октября 1917 г.***

Протокол 14[-го] собрания корпусного комитета, состоявшегося 2-го октября 1917 года в д. Завадовке в присутствии 20 членов под председательством прапорщика Петрова.

§ 1.

По вопросу о событиях во 2-й Финляндской стрелковой дивизии, выразившихся в самочинном устройстве митингов вблизи позиции с призывом требовать немедленного заключения мира и

революции. 5 ноября 1917 г. в Бердичеве подписал соглашение с Центральной Радой, по которому передал под ее управление тыловые районы фронта. После захвата большевиками солдатских комитетов в армиях фронта 24 ноября 1917 г. сдал командование, в декабре 1917 г. покинул Ставку и уехал в Одессу. Затем эмигрировал на Дальний Восток (1920).

В мае 1945 г. жил в Харбине. 24 сентября 1945 г. арестован органами СМЕРШ. Обвинялся по статье 58–16 УК РСФСР. 31 декабря 1945 г. дело было прекращено за смертью обвиняемого. Реабилитирован 22 ноября 1999 г.

последовавшим вслед за тем братаньем на участке 8[го Финляндского стрелкового] полка, корпусной комитет постановил:

1. Выступления отдельных войсковых частей с криком о мире, показывая нашу слабость, нисколько не приближает нас к давно желанному для всего народа миру. Вместе с организованной демократией мы ждем скорейшего заключения мира на началах, выдвинутых Русской Революцией. Вопрос этот решит Учредительное собрание, на выборы и работу коего должно быть обращено все наше внимание. Все мысли сейчас только об Учредительном Собрании.

2. Осуждая самым решительным образом безответственный призыв к самочинному оставлению позиций, манифестации и братанью с врагом, предупреждаем товарищей солдат, что всякие самочинные выступления в пользу немедленного заключения мира и оставления позиций, пропаганда этого в виде делегаций и призывов в итоге своем не только не приводят к желанному миру, а наоборот, играют в руку врагам и потому прямо вредны делу Свободы и Революции, отдаляя желаемый мир. Все такие выступления являются контрреволюционными и как таковые должны пресекаться самым решительным образом.

3. Обратиться ко всем комитетам быть на страже и зорко следить за происходящим на позициях, разъясняя солдатам, что немцы не дремлют и напрягают все усилия, чтобы провоцировать нашу армию.

4. Все внимание теперь должно быть обращено на выборы в Учредительное собрание, от которого зависит строительство свободной России, обеспечивающее интересы народа...

РГВИА.Ф. 2535. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

ЖУРНАЛЫ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

№ 45

*Из журнала военных действий 465-го пехотного Уржумского полка (117-я пехотная дивизия, 12-й армейский корпус, 7-я армия)
(26–27 марта 1917 г.)*

26 марта.

С утра 26 марта партии австрийцев стали появляться на поверхности своих окопов. Около 13 часов несколько человек австрийцев с белыми флагами, без ружей вышли из своих окопов и направились к нашим окопам.

В ответ с нашей стороны было то же. Встретившиеся между нашими и противника проволочными заграждениями обменялись несколькими фразами.

Австрийцы просили не стрелять. К 12 числу н/г. они ждут мира. Некоторые проговорились, что на наших предстоящих праздниках у них готовится наступление. Пришли два перебежчика, из коих один 16[-го], а другой 78[-го] полка. Последний показал, что с ним вместе был около наших проволочных заграждений австрийский лейтенант, который снимал и осматривал позицию у Пацыкув, а потом ушел обратно в свои окопы. Братание произошло по случаю праздника Пасхи у австрийцев. Ни артиллерийской, ни ружейной стрельбы на участке не было.

27 марта.

Утром сегодня снова предполагалось братание, но люди были предупреждены, что всякие попытки будут преследоваться огнем нашей артиллерии. Австрийцы снова появлялись группами на поверхности своих окопов, но попыток подходить к нашим окопам не было. Стрельбы ни днем, ни ночью не было.

РГВИА.Ф. 3010. Оп. 1. Д. 85. Л. 27–31 об.

№ 46

Из журнала военных действий 23-го Сибирского стрелкового полка

(6-я Сибирская стрелковая дивизия, 5-й Сибирский армейский корпус, 11-я армия. – С.К.).

5 апреля. В 14 часов на участке 11-й роты один австриец высунулся из окопа, предлагая папиросы, но был убит нашим стрелком, после этого австрийцы не высовывались из окопа, кричали: «Нехорошо, пан, одного убивать! Что, пан, одного убил, а больше и разговаривать не хочешь?!». Больше попыток со стороны про-

тивника вступить в какие-либо разговоры с нашими стрелками не повторялись. На участке полка тихо.

РГВИА.Ф. 3357. Оп. 1. Д. 71. Л. 5.

СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

№ 47

Дело о ст[аршем] ун[тер-] оф[ицере] 12[-й] роты 655[-го] пехотного Драгомирчанского полка (164-я пехотная дивизия, 12-й армейский корпус, 7-я армия. – С.К.).

Леониде Комарове (посещение окопов противника).

Начало 27 марта 1917 г. Окончание 2 апреля 1917 г.

Командиру III батальона 27 марта 12 час. 10 мин.

Из 12[-й] роты.

Препровождаю при сем одного солдата старш[его] унт[ер-] офицера вверенной мне роты Леонида Комарова и 3 солдат 468[-го пехотного] Нарымского полка (117-я пехотная дивизия, 12-й армейский корпус, 7-я армия. – С.К.), назвавших себя Иван... Боев Николай, Иван Буряк. Означенные солдаты на моем участке ходили в окопы противника и вернулись оттуда пьяные. Считаю означенных солдат держать в окопах после этого неблагонадежным.

Подпоруч[ик] Сваричевский.

Командир 655[-го] пехотного Драгомирчанского полка

по части судной

29 марта 1917 г.

№ 1754.

Действующая армия.

Прапорщику Лопатинскому.

Предписываю Вам с получением сего произвести дознание [по] содержанию полевой записки подп[оручика] Сваричевского в части, касающейся ст[аршего] унт[ер-] оф[ицера] [Л.И.] Комарова и представить мне таковое в 2-х дневный срок.

Приложение: полевая записка от 27 / III № 1.

За командира полка полковник [С.Н.] Гладкий.

Младший офицер

12-й роты 655[-го] Драгомирчанского пехот[ного] полка

прапорщик Лопатинский

2 апреля 1917 г.

№ 8.

Действующая армия

Командиру полка

Рапорт.

Согласно предписания за № 1754 при сем представляю произведенное мною дознание по содержанию полевой записки подпоручика Сваричевского, касающейся стар[шего] унт[ер]-офицера [Л.И.] Комарова.

Приложение: дознание.

Прапорщик Лопатинский.

Дознание

1917 г. 1 апреля. Я, прапорщик 655[-го] пех[отного] Драгомирчанского полка (164-я пехотная дивизия, 12-й армейский корпус, 7-я армия. – С.К.) Лопатинский, на основании приказа командира полка от 29 марта за № 1754 произвел дознание по содержанию полевой записки командира 12-й роты подпоручика Сваричевского, касающейся старшего унтер-офицера [Л.И.] Комарова, причем опрошенный мною старший унтер-офицер Леонид Иванович Комаров, 22-х лет, православного вероисповедания, происходящий из мещан г. Луги Петроградской губ[ернии] показал:

«При смене нашею ротой в ночь с 26 на 27 марта с / г [75-й пехотный] Севастопольский полк (19-я пехотная дивизия, 12 армейский корпус, 7-я армия. – С.К.) я случайно, из разговоров солдат [75-го пехотного] Севастопольского полка, слышал, что солдаты [468-го пехотного] Нарымского полка (117-я пехотная дивизия, 12-й армейский корпус, 7-я армия. – С.К.) часто ходят в окопы противника и вступают с ним в разговоры. Утром 27-го марта, часов в 11 дня, я, будучи на левом фланге своей роты, увидел пулеметчика [468-го пехотного] Нарымского полка [И.] Буряка, который, выйдя из своих окопов, направился к проволочным заграждениям противника. Я, имея ввиду случайно услышанный мною вышеупомянутый разговор Севастопольцев и желая это проверить, а также, самое главное, воспользоваться случаем увидеть расположение окопов и укреплений противника, чтобы быть достаточно осведомленным относительно противника – пошел вслед с [И.] Буряком. Последний, дойдя до проволочных заграждений австрийцев, вступил в разговор с двумя подошедшими австрийцами, причем разговор касался совершенно постороннего характера,

не касаясь военных операций или расположений частей войск, так, например, австриец показывал [И.] Буряку фотографические карточки, показывали друг другу деньги и менялись ими, [И.] Буряк спрашивал, что означают ракеты, имеющиеся на проволоке противника и пр. Во время этой беседы австриец передал [И.] Буряку флягу, из которой последний стал пить, как я узнал затем от [И.] Буряка – ром, после этого флягу возвратил подавшему австрийцу. Я на предложение австрийца выпить из фляги, отказался и, побыв здесь минут 15–20-ть, пошел обратно в свои окопы и встретил подходивших сюда же двух солдат химической команды [468-го пехотного] Нарымского полка Калинина и Паева, которые, не дойдя до разговаривавших [И.] Буряка и австрийца, повернули вслед за мною и пришли в расположение 12-й роты. Я в разговоры с австрийцами не вступал, а лишь спросил, что означает у него на штыке темляк, висевший сбоку, на что получил ответ: “Капрал”. К вышеизложенному прибавить более не имею.

Старший унтер-офицер Леонид Комаров.

Взводный командир ст[аршего] у[нтер-] оф[ицера] [Л.И.] Комарова – старший унтер-офицер Антон Иванов Шиматумский показал:

«Утром 27 марта с / г часов в 10–11 утра из окопов своей роты я увидел, что ст[арший] у[нтер-] оф[ицер] [Л.И.] Комаров в сопровождении пулеметчика [468-го пехотного] Нарымского полка и двух солдат из химической команды того же полка шли от противника в свои окопы, и когда [Л.И.] Комаров явился в окопы, то был немедленно арестован по приказанию ротного командира, так что спросить его относительно разговоров с австрийцами я не имел возможности. На мой взгляд [Л.И.] Комаров и двое солдат химической команды выпившими не были, что же касается пулеметчика (фамилии их мне неизвестны), то он казался слегка пьяным. К сему прибавить более не имею».

Ст[арший] ун[тер-] оф[ицер] Шиматумский Антон.

Бывшие в наряде сторожевого охранения 12-й роты часовой солдат Михаил Иванов Седов и подчасок – солдат Владимир Кузьмич Мельчонок, показали:

«Утром 27 марта часов в 10 мы с своего поста видели ст[аршего] ун[тер-] оф[ицера] [Л.И.] Комарова, ходившего около своего проволочного заграждения и затем, как он скрылся в овра-

ге, не видали куда он пошел и говорил ли с австрийцами, потому что за оврагом нам не было видно. Возвратился [Л.И.] Комаров в свои окопы примерно через полчаса, но не один, а с тремя солдатами [468-го пехотного] Нарымского полка, которых в лицо мы не знаем. Был ли пьян [Л.И.] Комаров и те три солдата, мы не заметили. Больше сказать ничего не можем».

(оба неграмотные)

Дознание производил прапорщик Лопатинский

РГВИА.Ф. 3130. Оп. 1. Д. 75. Л. 61–66.

№ 48

Обвинительный акт По делу о полковнике 210-го пехотного [Бронницкого] полка

(53-я пехотная дивизия, 39-й армейский корпус, Особая армия. – С. К.)

Крещенко

Копия

В начале марта месяца 1917 года после государственного переворота 210[-м] пехотным Бронницким полком (53-я пехотная дивизия, 39-й армейский корпус, Особая армия. – С.К.), находящимся на театре военных действий в Луцком районе, временно командовал полковник того же полка Крещенко. На первом митинге полковник Крещенко перед офицерами и солдатами высказывался, что он ярый революционер, что ему заботы о солдатах очень близки, так как он сам из солдат и из народа. Следствием этого явилось то, что при принятии полком присяги на верность службы Временному правительству полковник Крещенко был избран командиром 210[-го] пехотного Бронницкого полка...

Вслед за этим полковник Крещенко стал принимать всевозможные меры к тому, чтобы быть утвержденным высшей властью в должности командира полка. Заметив среди офицеров критическое к себе отношение, полковник Крещенко перестал искать опоры у офицеров и стал добиваться популярности у солдат полка, причем для достижения своей цели не останавливался перед тем, чтобы подорвать авторитет офицеров у солдат и посеять рознь между солдатами и офицерами... говоря о занятиях и работах, полковник Крещенко всегда указывал солдатам, что они – народ,

демократы, что власть в их руках, что они должны делать только то, что они сами пожелают и что сочтут нужным; вследствие этого в 210[-м] пехотном Бронницком полку не велось никаких занятий и работ, каждый солдат шел туда, куда хотел, не спрашивая ни у кого разрешения и никому не заявляя о своем уходе ... Зная все это, полковник Крещенко при каждом удобном случае старался сказать солдатам, что в полку стало больше порядка, чем было раньше, что дисциплина в полку образцовая и что полк не теряет своей боеспособности... В тех случаях, когда кто-либо из офицеров полка или солдат обращал внимание полковника Крещенко на описанные выше явления, он публично, в присутствии солдат называл таких офицеров и солдат приверженцами старой власти, городскими, полицейскими, жандармами, провокаторами, буржуями и т.п. именами... Продолжительное неутверждение в должности командира полка сильно беспокоило полковника Крещенко, и он, благодаря своим сторонникам, добился того, что об этом возбуждал ходатайство полковой комитет и, кроме того, были отправлены из полка хлопотать о назначении полковника Крещенко командиром 210[-го] пехотного Бронницкого полка особые делегации в Петроград к Военному министру и в Совет солдатских и рабочих депутатов и в Киев к комиссару... Солдатам полковник Крещенко при всяком удобном случае говорил, что его не утверждают в должности потому, что власти не хотят иметь командира полка офицера из народа и умышленно задерживают представление об утверждении его, Крещенко, в должности командира полка, какими речами полковник Крещенко разжигал страсти солдат... Полковник Крещенко, разговаривая как-то по поводу неутверждения его в должности командира полка с председателем полкового комитета штабс-капитаном [Н.Д.] Логофетом, сказал: «Они заставляют меня сделаться большевиком» и уже в апреле месяце 1917 года стал открыто высказываться против всякого наступления, говоря солдатам, что мира мы добьемся не наступлением, а организованным братанием, что немецкий народ так же не хочет воевать, как и мы, что наступление нужно только капиталистам и т.п.... Подобным образом действий полковник Крещенко расположил к себе менее сознательную часть солдат полка, и все попытки офицеров противодействовать вредной пропаганде полковника Крещенко не имели среди них успеха. Сторонники

полковника Крещенко заявляли офицерам: «Мы Вам не верим, ибо Вы нас не жалеете и не защищаете, мы верим полковнику Крещенко, который ведет нас по правильному пути»... Когда в апреле месяце 1917 года в 210[-м] пехотном Бронницком полку было получено предложение штаба дивизии о посылке делегации от названного полка в 191[-й] пех[отный] запасный полк с требованием немедленно выслать пополнение ввиду некомплекта людей в ротах, полковник Крещенко сказал солдатам: «Смотрите, опять хотят [идти] в наступление. Мало Вас топили в реке Стоход? Это старая власть так говорит»... Присутствуя в полковом комитете при обсуждении вопроса о братании с противником на фронте, полковник Крещенко настаивал на том, что организованное братание необходимо. Однако, несмотря на это, полковой комитет тогда же вынес глубокое порицание братанию, причем постановил, чтобы по братающим[ся] и вообще по всем, выходящим без нужды в сторону противника, был открываем огонь и виновные предавались суду. Полковник Крещенко, будучи противником этого постановления, все-таки утвердил его, но в действительности не принял никаких мер в полку против продолжавшегося братания... По показанию командира 12[-й] роты поручика [М.Ф.] Черепанова, полковник Крещенко не только поощрял братание, но даже приказывал это делать, когда его (поручика М.Ф. Черепанова. – С.К.) рота стояла в окопах... По показанию поручика [В.А.] Горбаня, в марте месяце 1917 года, когда он с 4-й ротой находился в окопах, пулеметчики как-то выставили на бруствер окопа красный и белый флаги. Как раз в это время посетил окопы полковник Крещенко. Подпоручик [В.А.] Горбань доложил последнему, что солдаты не убирают белого флага, на это полковник Крещенко сказал: «Ничего, пусть *агитируют* (слово вписано от руки. – С.К.) наши солдаты» и одновременно с этим приказал артиллерии, открывшей стрельбу по вышедшим из окопов немцам, прекратить огонь... 18 мая 1917 года полковник Крещенко уехал в отпуск и по возвращении в полк 8 июня повел в 210[-м] пехотном Бронницком полку на митингах и в беседах с отдельными солдатами еще более сильную агитацию против предполагавше[го]ся в ближайшее время наступлени[я] и отрицал вообще необходимость наступления для русской армии... Когда некоторые офицеры полка спрашивали полковника Крещенко, считает ли он для себя обязательным ис-

полнение приказов Военного министра [А.Ф.] Керенского, полковник Крещенко ответил: «Хочу исполню, хочу не исполню, сегодня Керенский, а завтра никто»... Когда 1-й батальон полка высказался за наступление, то туда явился полковник Крещенко и своими речами подействовал на солдат так, что те отказались от наступления... На митинге в 3-м батальоне полка на позиции около *колонии* (слово вписано от руки. – С.К.) «Остров Волос» полковник Крещенко убеждал солдат не ходить в наступление ... 3 июля 1917 года, получив из штаба дивизии запрос, каково настроение в 210[-м] пехотном Бронницком полку по вопросу об исполнении боевых приказов, полковник Крещенко собрал полковой комитет, на котором с усмешкой прочитал солдатам упомянутый запрос начальника дивизии... не сказав ни слова для убеждения солдат, что боевые приказы необходимо исполнять. Полковник Крещенко награждал аплодисментами всякого оратора, который высказывался против наступления. В результате таких действий полковника Крещенко, митинг 210[-го] пехотного Бронницкого полка принял решение исполнять только те приказы, которые касаются обороны участка, походных передвижений и т.п., а в наступление не идти, о чем того же 3 июля полковник Крещенко донес начальнику дивизии, заявив, что лично он согласен вести полк в наступление при следующих условиях: 1) когда будет пополнен полк и 2) когда окружающая обстановка поднимет дух солдат, и успех наступления будет обеспечен... Против этого решения протестовали пулеметные команды, которые требовали наступления. На следующий день полковник Крещенко приезжал к пулеметчикам и уговаривал их присоединиться к мнению полка, но пулеметчики на это не согласились и закричали, что необходимо наступать... При переговорах с пулеметными командами, полковник Крещенко, угрожая последним, выражался так: «Вы вооружаете против себя весь полк, который штыками и бомбами может и уничтожить Вас»... Обращает на себя внимание еще тот факт, что когда на митинге в 210[-м] пехотном Бронницком полку 4 июля комиссар Особой армии [Б.Н.] Моисеенко своей речью начал оказывать влияние на изменение настроения солдат полка в смысле согласия последних принять участие в наступлении, присутствовавший на митинге полковник Крещенко грубо оборвал речь комиссара [Б.Н.] Моисеенко: как только последний упомянул о Малороссии, крикнул, что Ма-

лороссия была при царях, а теперь Украина, следствием чего явилось то, что толпа солдат подняла шум и провожала свистом комиссара [Б.Н.] Моисеенко, причем поведение толпы было одобрено полковником Крещенко... Когда 6 июля 1917 года в 210[-м] пехотном Бронницком полку были получены первые сведения о беспорядках в Петрограде, что, будто бы там власть переходит в руки большевиков, полковник Крещенко открыто радовался, заявляя солдатам, что в таком случае наступления не будет... Ввиду такого положения вещей в 210[-м] пехотном Бронницком полку начальник 53[-й] пехотной дивизии генерал-майор [Д.К.] Гунцадзе¹ по соглашению с исполнительным комитетом дивизии, назначил 7 июля 1917 года в расположении названного полка дивизионный митинг, приглашение на каковой было послано всем командирам полков названной дивизии и в том же числе и полковнику Крещенко. Последний тем не менее на митинг своевременно не явился и прибыл лишь тогда, когда за ним был послан с митинга специальный автомобиль. На митинге обсуждался вопрос, считает ли собрание необходимым подчиняться воле революционной демократии, выраженной в постановлениях Исполнительного комитета Рабочих и Солдатских и Крестьянских депутатов. Против этой резолюции голосовало несколько десятков солдат 210[-го] пехотного Бронницкого полка, которым присутствовавшие на митинге кричали: «Шкурники!». Полковник Крещенко незаметно присоединился к этим последним, затем увлек за собою большую толпу. Бросили солдат, которые с криками «Долой!», – покинули митинг. После этого полковник Крещенко на митинг не являлся, хотя ему в третий раз посылали приглашение, заявив, что его не

¹ Гунцадзе Давид Константинович (1861–1922) – с 28 августа 1915 до середины 1917 г. – командующий 53-й пехотной дивизией, вновь сформированной после разгрома в феврале 1915 г. в Августовских лесах. В 1916 г. отлично действовал со своей дивизией в составе 23-го армейского корпуса в Брусиловском наступлении на Волыни. Командовал 43-м армейским корпусом 12-й армии Северного фронта (с 9 сентября 1917 г.). Генерал-лейтенант (производство: 12 октября 1917 г.) с утверждением командиром того же корпуса. 22 ноября 1917 г. назначен временно исполняющим обязанности командующего 12-й армией. С 29 декабря 1917 по апрель 1918 г. был членом Коллегии 12-й армии. В марте-апреле 1918 г. участвовал в демобилизации и расформировании этой армии в Рыбинске. Участник Белого движения. С 1922 в эмиграции в Югославии, похоронен на кладбище Мирогой в Загребе (в настоящее время могила утрачена).

пускают туда солдаты и ушел в землянку фельдфебеля 12[-й] роты, где написал рапорт о болезни и отослал его начальнику дивизии. 6 июля полковник Крещенко явился в штаб 39[-го] армейского корпуса, где и был арестован... Изложенное в соответствующих частях подтверждается постановлением общего собрания офицеров 210[-го] пехотного Бронницкого полка от 3–4 июля 1917 года, заявлением общего собрания членов полкового комитета и показанием допрошенных на дознании: полковника [В.А.] Подчекаева, капитана [Н.С.] Кудревича, штабс-капитана [Н.Д.] Логофета, поручиков [И.Г.] Палло, [М.Ф.] Черепанова, [Д.Т.] Ильина, [И.Н.] Шустрова, подпоручиков: [И.Р.] Золотарёва, [Г.А.] Рыбалки, [В.Д.] Москалёва, [В.А.] Горбаня, [В.М.] Яшника, Синилло, [П.П.] Похаз[н]икова, [П.Ф.] Терещенко, прапорщика [М.А.] Горбулова, старшего унтер-офицера [С.] Крылова, [Г.] Коледникова, [А.] Агафонова, [П.] Авдакова, ефрейторов: [Е.П.] Рогова, [Г.] Семёнова и солдата [И.] Карасёва.

Спрошенный на дознании по обстоятельствам дела полковник Крещенко показал, что в командуемом им 210[-м пехотном] Бронницком полку было настроение такое, что нужно исполнить все приказания начальства, но в наступление не идти и что он, Крещенко, действительно высказывался на митингах, что он прикажет наступать только в том случае, если будет уверен в победе. Что касается мнения офицеров полка по этому вопросу, то это для него, Крещенко, было неясно, так как на митингах они не выступали. Но ему было известно, что в полку есть офицеры, готовые наступать по первому требованию; на дивизионный митинг 7 июля он запоздал, так как по дороге попал под дождь. Когда же он туда приехал и проходил между солдатами других полков, то слышал по своему адресу: «Трус», «Провокатор», «Изменник» и т.п. Будучи поражен таким к себе отношением, на этом митинге не выступал и чтобы не подвергать себя и полк оскорблениям, он ушел с митинга в ближайшую землянку и написал там рапорт о болезни; еще за несколько дней до дивизионного митинга он, Крещенко, хотел уйти с полка, так как о нем ходили разные ложные слухи, как, например, о том, будто он приказал стрелять по своей пулеметной команде. Он, Крещенко, по этому поводу обращался с просьбой освободить его от командования полком к начальнику дивизии, но последний предложил ему, Крещенко, запросить по

этому вопросу мнение полкового комитета, а затем уже подать официальный рапорт...

Письменных сведений на полковника 210[-го] пехотного Бронницкого полка в деле не имеется.

На основании изложенного, полковник Крещенко обвиняется в том, что во время нынешней войны России с Германией, Австро-Венгрией и другими державами в период времени от начала апреля до 8 июля 1917 года на театре военных действий, временно командуя 210[-м] пехотным Бронницким полком при неоднократных выступлениях на митингах и беседах с солдатами 210[-го] пехотного Бронницкого полка склонял последних не подчиняться распоряжениям Временного правительства и боевым приказам Военного министра и высших начальствующих лиц о наступлении, следствием чего было принятие солдатами 210[-го] пехотного Бронницкого полка в числе более 8 человек на полковом и батальонном митингах решения – боевых приказов о наступлении не исполнять, что предусмотрено 110 и 112 ст. XXII кн. С.В.П. 1869 г. изд. 4-е (Устав военно-судный. – С.К.). А потому и на основании 1335, 1331 и 1339 ст. XIV кн. С.В.П. 1869 года изд. 4., 10 с. 11 отд. приказа Воен[ного] Ведомст[ва] 1917 года № 336 и постановления Временного правительства от 13 июня 1917 года полковник Крещенко за означенное деяние подлежит соединенному суду корпусов Особой армии с участием военных присяжных заседателей в ускоренном порядке производства.

Обвинительный акт составлен 19 июля 1917 года.

Подлинный подписал: помощник военного прокурора соединенного суда корпусов Особой армии поручик Вафамович.

Свидетели 210[-го пехотного] Бронницкого полка:

- 1 / Полковник Владимир Алексеевич ПОДЧЕКАЕВ.
- 2 / Штабс-капитан Николай Дмитриевич ЛОГОФЕТ.
- 3 / Поручик Иоганн Генрихович ПАЛЛО.
- 4 / Подпоручик Иван Романович ЗОЛОТАРЁВ.
- 5 / Поручик Михаил Феофанов ЧЕРЕПАНОВ.
- 6 / Подпоручик Григорий Андреевич РЫБАЛКА.
- 7 / Капитан Николай Семёнович КУДРЕВИЧ.
- 8 / Прапорщик Матвей Афанасьевич ГОРБУЛОВ.
- 9 / Подпоручик Василий Дмитриевич МОСКАЛЁВ.
- 10 / Подпоручик Владимир Андрианович ГОРБАНЬ.

- 11 / Поручик Дмитрий Тарасович ИЛЬИН.
- 12 / Подпоручик Владимир Васильевич ... (фамилия не указана. – С. К.).
- 13 / Подпоручик Василий Моисеевич ЯШНИК.
- 14 / [Подпоручик] Пётр Павлович ПОХАЗНИКОВ.
- 15 / Поручик Иван Николаевич ШУСТРОВ.
- 16 / Подпоручик Павел Фёдорович ТЕРЕЩЕНКО.
- 17 / Ефрейтор Ефрем Петрович РОГОВ.
- 18 / [Ефрейтор] Григорий СЕМЁНОВ.
- 19 / Старший унтер-офицер Сергей КРЫЛОВ.
- 20 / [Старший унтер-офицер] Григорий КОЛЕДН[И]КОВ.
- 21 / Солдат 6-й роты Иван КАРАСЁВ.
- 22 / Стар[ший] унт[ер-]офицер Александр АГАФОНОВ.
- 23 / [Старший унтер-офицер] П. АВДАКОВ.
- 24 / Подпоручик ЯХОНТОВ.
- 25 / Штабс-капитан ГАВРИНСКИЙ.
- 26 / Подпоручик МОХНЯК.
- 27 / Солдат Андрей КУЗНЕЦОВ.
- 28 / Старший унт[ер-]офицер Филипп ГОНТАРЁВ.
- 29 / Солдат Иван ЯЩЕНКО.
- 30 / [Солдат] Николай СОКОЛОВ.
- 31 / Старший унт[ер-]офицер СВИРИН.
- 32 / [Старший унтер-офицер] Никифор КУСИН.
- 33 / [Старший унтер-офицер] Михаил ХРЯКОВ.
- 34 / Солдат Фёдор ДОМНИК.
- 35 / [Солдат] Александр ЖУКОВ.
- 36 / [Солдат] Александр КАРАШИН.
- 37 / [Солдат] Илья МУРАКИН.
- 38 / [Солдат] Фёдор БОБКОВ.
- 39 / [Солдат] Николай КАЛМЫКОВ.
- 40 / [Солдат] Василий АЛЕКСЕЕВ.
- 41 / [Солдат] КАЧАЛКИН.
- 42 / [Солдат] Филипп БЕЗНОСОВ.
- 43 / Секретарь полкового комитета АНОХИН.
- 44 / Прапорщик ЯХОВ.
- 45 / [Прапорщик] ЗАХАРЕВСКИЙ.
- 46 / Подпоручик СКОРИК.

47 / Комиссар Особой армии [Борис Николаевич] МОИСЕ-НКО.

48 / Помощник комиссара [Фёдор Фёдорович] ЛИНДЕ.

ПОДПИСАЛ: Председатель суда генерал-майор КАМЕНСКИЙ.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3822. Л. 8–11 об.

№ 49

Материалы расследования попытки к братанию на участке 617-го пехотного Зборовского полка 4-й пехотной дивизии, 6-го армейского корпуса 11-й армии

(12–13 октября 1917 г.)

Военная

Наштакор 6 и 25 армейских

Старокопстантинов. 18 октября 1917 года. 13 час.

Вследствие недостаточной ясности в вопросе происходившего будто бы братания на правом фланге 6[-го] армейского корпуса и отрицания 4[-й пехотной] дивизией этого факта, Командарм¹ приказал назначить комиссию из представителей штаба и войсковых организаций для расследования происшедшего. Комиссия должна быть образована непосредственным Вашим соглашением и результаты расследования сообщены в штаб.

Нр. К 12675–365. [В.К.] Токаревский.

Начальник штаба 25[-го] армейского корпуса

23 октября

¹Промтов Михаил Николаевич (1857–1950) – генерал-лейтенант (производство: 19 февраля 1915 г.). С 7–19 апреля 1917 г. командовал 23-м армейским корпусом. С 9 сентября по 1 декабря 1917 г. был командующим 11-й армией. После Октябрьской революции 10 ноября 1917 г. был избран армейский ВРК во главе с поручиком А. Устьянцевым, который 20 ноября 1917 г. подписал перемирие с германским командованием и 25 ноября 1917 г. захватил штаб армии, фактически отстранив Промтова от командования. 1 декабря 1917 г. по инициативе Военно-революционного комитета, находившегося под контролем С.В. Петлюры, Промтов был снят с поста командующего армией. Участник Белого движения в составе Добровольческой армии и ВСЮР. Эмигрировал в Югославию. Умер в Белграде. Похоронен на Новом кладбище в Белграде, Сербия.

№ 5285

Генерал-квартирмейстеру штаба XI армии

Секретно

Расследованием, произведенным специальной комиссией, согласно Н[оме]р[у] 12675/365, фактического выхода из окопов для братания не установлено, а на лицо были только разговоры с противником из окопов.

В донесении моем от 14. X. за № 9994 была сообщена точная копия донесения 46[-й] пехотной дивизии, без предварительной проверки в штадив, почему и оказалось недостаточно верным.

ПРИЛОЖЕНИЕ: копия дознания и 3 копии показаний.

Полковник (подпись неразборчиво. — С.К.)

Кому: к[оманди]ру 2-го батальона 183[-го] пех[отного] Пултуского полка

1917-го года 17 октября. — час. — мин.

№ 21.

С наступлением вечера 13 и 14 октября с. г. со стороны расположения 617[-го пехотного Зборовского] полка (4-я пехотная дивизия, 6-й армейский корпус. — С.К.) и противолежащих окопов противника на участок 8[-й] роты [183-го пехотного] Пултуского полка (46-я пехотная дивизия, 25-й армейский корпус. — С.К.) доносились отдельные выкрики солдат 617[-го пехотного Зборовского] полка и противника. Из опроса солдата вверенной мне роты Фомы Денисенко, находящегося для связи во время стоянки полка на позиции в 1-й роте 617[-го пехотного Зборовского] полка, выяснилось, что солдаты означенной роты вели переговоры с противником, но для братания из окопов не выходили — то же явление наблюдалось и на участках других рот названного полка.

Подписал: вр[еменно] командующий 8-й ротой прапорщик Недзельский.

Верно: за старшего адъютанта штаба 46[-й] пех[отной] дивизии, подпоручик Иерусалимский.

Копия.

С наступлением темноты в течение двух вечеров 12-го и 13-го, или 13 и 14 [октября], точно не помню, когда я проходил по участку своей роты, со стороны расположения соседнего 617-го [пехотного Зборовского] полка и противолежащих окопов противника доносились отдельные выкрики, песни и свист — сходились

ли там для братания или нет, я установить не могу, так как между расположениями 1-й роты названного полка и 8-й [ротой] 183-го пех[отного] Пултуского полка был сравнительно большой прорыв...

Подписал: вр[еменно] командующий 8-й ротой прапорщик Недзельский.

19 октября 1917 г. Д. армия.

Верно: За старшего адъютанта штаба 46-й пех[отной] дивизии, подпоручик Иерусалимский.

Копия.

12 октября 1917 г. в то время, как мы вместе с ротным командиром были в окопах, с наступлением темноты из окопов 617[-го пехотного Зборовского] полка и лежащих против них окопов противника, были слышны крики, пели песни и свистали. Сходились ли обе стороны вместе, не знаю, было темно. Через некоторое время переговоры стихли. Было ли подобное явление на другой день – сказать не могу, так как ушел из роты в штаб полка.

Подписал: младший офицер 8-й роты 183-го пех[отного] Пултуского полка прапорщик Коротков. 19 октября 1917 г. Д. армия.

Верно: За старшего адъютанта штаба 46-й пех[отной] дивизии, подпоручик Иерусалимский.

Кому: Наштадив. 46. Копия.

1917 года 20 октября – час. – мин.

№ 29

15 октября в 21 час 30 минут мне передано было по телефону заведующим разведкой 183-го пех[отного] Пултуского полка подпоручиком Лукашук, что на участке соседнего к нам полка 4-й [пехотной] дивизии 12-го октября были попытки братания, а 13-го октября сходились с противником и вели разговор. 29. Подпоручик Иерусалимский.

Вследствие приказа командарм XI мы, нижеподписавшиеся из 4-й пехотной дивизии (6-й армейский корпус. – С.К.) штабс-капитан Бородавкин и товарищ секретаря дивизионного комитета 4-й пех[отной] дивизии прапорщик Омельченко; от 46-й пехотной дивизии (25-й армейский корпус. – С.К.) подпоручик Иерусалимский и член президиума 46-й пех[отной] дивизии старший унтер-офицер Дубинин произвели сие расследование, причем при осмот-

ре участка 8-й роты 183-го пех[отного] Пултуского полка (46-я пехотная дивизия, 25-й армейский корпус. – С.К.) и опросе свидетелей, выяснилось следующее: 1) придя на участок 8-й роты, ныне занимаемый 12-й ротой 184-го [пехотного Варшавского] полка (46-я пехотная дивизия, 25-й армейский корпус. – С.К.), мы увидели с левого фланга 4-го взвода участка 8-й роты, выходящего прямо в ложину, ведущую вплоть до д. Иванчув-Дольны, занятой противником, [что] участок правофланговой 1-й роты 617-го [пехотного Зборовского] полка (4-я пехотная дивизия, 6-й армейский корпус. – С.К.) не виден, так как между окопами противника и нашими идет довольно глубокая ложина. Окопы противника, идущие по гребню впереди лежащей возвышенности – хорошо видны. С правого фланга 4-го взвода 8-й роты участок роты соседнего полка виден приблизительно на отделение. Окопы противника видны еще лучше. С правого фланга 3-го взвода участок 1-й роты 617-го [пехотного Зборовского] полка виден не более как на полуроту, так как окопы этой роты вырыты по верхнему краю высоты. Участок всей 1-й роты и даже больше виден по горизонту с тыла. Окопы противника как на ладони. Начиная с правого фланга 3-го взвода 8-й роты местность значительно понижается и окопы 1-й роты 617-го [пехотного Зборовского] полка вне обзора, так как закрываются траверсами. Мы сняли копию со схемы участка 8-й роты, которую и прилагаем.

2) Рядовой 183-го пех[отного] Пултуского полка 8-й роты Фома Матвеевич Денисенко, из крестьян Черниговской губ[ернии], Городнянского уезда... вероисповедания православного, 39 лет от роду, опрошенный нами 19-го октября с. г., показал следующее: «Я был назначен для связи с соседней 1-й ротой 617-го пех[отного Зборовского] полка. Я находился при ротном командире 1-й роты этого же полка, но помещался в соседней землянке. В этой же землянке помещалось еще 2 человека 617-го [пехотного Зборовского] полка 1-й роты, фамилий которых я не знаю. Я был назначен для передачи донесений из 1-й роты в 8-ю роту нашего 183-го [пехотного Пултуского] полка. Я сидел в землянке, как услышал голоса с австрийских окопов; я заинтересовался и вышел тоже послушать из землянки. Землянка от передовой нашей линии отстояла не больше, как шагов на 20. Линия окопов противника находится в 300–400 шагах от нашей линии. Когда я вышел, то я

услышал, как австрийцы кричали: «Пан, иди сюда! Дадим рому!». Самих же австрийцев я не видел, а слышал только их голоса. С нашей стороны из окопов товарищи отвечали: «Несите сюда!», но австрийцы отвечали, что они боятся. Потом австрийцы приглашали наших к себе в окопы, но наши отвечали им, что тоже боятся идти. Наши, т.е., солдаты 1-й роты 617-го [пехотного Зборовского] полка только переговаривались, но на бруствер не выходили. Выходили ли австрийцы на окопы, я не видал. Всё это происходило вечером с 12-го на 13-е октября с. г. 13-го октября австрийцы пытались возобновить переговоры вечером, но наши открыли стрельбу из ружей. Австрийцы сначала не стреляли, а потом, видя, что наши не хотят разговаривать, тоже открыли стрельбу. Больше показать ничего не могу, а рассказанное готов подтвердить присягой. Рядовой Фома Денисенко».

3) Командир 4-го взвода старший унтер-офицер 183-го пех[отного] Пултуского полка 8-й роты Фома Захарович Лунтовский, из крестьян Курской губ[ернии], того же уезда, Муравлёвской волости, дер. Выворотного, вероисповедания православного, 31 году, опрошенный нами 19-го сего октября, показал следующее:

«12-го октября сего года в часов 10–11 вечера я проходил по окопу и слышал, как кричали солдаты 617-го [пехотного Зборовского] полка: “Давай рому!”, а австрийцы кричали: “Давай табаку!”. Австрийцы кричали: “Какой губернии? Как имя и фамилия?”, но наши, т.е. солдаты 617-го [пехотного Зборовского] полка не отвечали, а, в свою очередь, кричали: “Какой ты губернии?” и получали ответ: «Перемышлянской губернии Николай Павличенко». С той и с другой стороны раздавались крики: “Иди покурим!”, но ни с той, ни с другой стороны не сходились. Когда я ходил в полевой караул, то видал одну фигуру, ходящую сверх окопов 617-го [пехотного Зборовского] полка. То же самое происходило и вечером 13-го октября с. г. 14-го октября австрийцы опять кричали, но наши уже отвечали выстрелами. Разговоры происходили с 12 на 13 и с 13-го на 14 октября с. г. с 7 часов вечера до 9 часов вечера, после 9 часов вечера в выше упомянутые числа 617-й [пехотный Зборовский] полк открыл ружейную стрельбу. Больше показать ничего не могу. Показанное могу подтвердить присягой. Старш[ий] унтер-офицер Фома Лунтовский».

4) Командир 3-го взвода старший унтер-офицер 183-го пех[отного] Пултуского полка 8-й роты Иван Павлович Трубчанин, из крестьян Харьковской губернии Изюмского уезда, Варвенковской волости, православного вероисповедания, 30 лет, опрошенный нами 19-го сего октября, показал следующее:

«С 12 на 13 октября с. г. во время стоянки полка на позиции в 19 часов послышался голос со стороны противника: “Пан, не стреляй! Неси покурить!”. Со стороны соседнего 617-го [пехотного Зборовского] полка из окопа послышались отклики: “Иди сюда и закурим”. То же повторялось с 13-го на 14 октября, но из окопов не те, ни другие не выходили. Братания не было, только разговоры. С 14 по 15 октября со стороны противника слышался голос, но наши отвечали выстрелами. Больше показать ничего не могу. Показанное готов подтвердить присягой. Старший унтер-офицер [И.П.] Трубчанин».

5) Письменное показание вр[еменно] командующего 8-й ротой 183-го пех[отного] Пултуского полка прапорщика Недзельского от 19 октября сего года.

6) Письменное показание младшего офицера 8-й роты 183-го [пехотного Пултуского] полка прапорщика Короткова от 19 октября сего года.

Следственная комиссия, производившая сие дознание.

Члены от 4-й пех[отной] дивизии: штабс-капитан Бородавкин, прапорщик Омельченко.

Члены от 46-й пех[отной] дивизии: подпоручик Иерусалимский, стар[ший] ун[тер-] оф[ицер] Дубинин.

Копия с копии верна:

За старшего адъютанта штаба 46-й пех[отной] дивизии, подпоручик Иерусалимский.

РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 985. Л. 385–392.

УДК: 303.422; 303.446.4; 303.929 DOI: 10.31249/hist/2023.03.05

ДУНАЕВА Ю.В.* НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО Н.И. КАРЕЕВА.
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ. Часть 2

Аннотация. Во второй части статьи анализируются работы, посвященные творчеству Н.И. Кареева (1850–1931) – социолога, специалиста по вопросам теории и методологии истории, философии истории.

Ключевые слова: Н.И. Кареев; «Школа русских историков»; Н.И. Кареев и философия истории; Н.И. Кареев – историк стран Западной Европы в Новое время; Н.И. Кареев – историк Франции XVIII–XX вв.; позитивизм Н.И. Кареева.

DUNAEVA Yu.V. Scientific creativity of N.I. Kareev. Historiographical article. Part 2

Abstract. The article continues with the analysis of works devoted to the work of N.I. Kareev (1850–1931) historian, sociologist, specialist in the theory and methodology of history, philosophy of history.

Keywords: N.I. Kareev; «School of Russian Historians»; N.I. Kareev and Philosophy of History; N.I. Kareev – historian of Western Europe in Modern Times; N.I. Kareev – historian of France in XVIII–XX centuries; Positivism of N.I. Kareev.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. Научное творчество Н.И. Кареева (Статья) Ч. 2 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 3. – С. 116–135. – DOI: 10.31249/hist/2023.03.05

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); jvd@inbox.ru

Введение

В 2000-е годы продолжилось активное изучение научного наследия Н.И. Кареева. Это объяснялось, отчасти, благоприятной ситуацией в исторической науке – архивной революцией и биографическим поворотом. В истории снова на первый план вышло изучение человека, а не структур, тенденций, как это было ранее. Результатами поворотов стало обращение к ранее не изученным темам и исследовательским полям, а также появление новых исторических подходов (новая социальная история, новая культурная история и т.п.). Естественно, что в нашей стране особый интерес вызывали фигуры историков малоизученных или тех, чье творчество замалчивалось. То, что вчера рассматривалось в негативном ключе, теперь воспринималось как явление положительное. Н.И. Кареева и его коллег теперь уже не критиковали за позитивизм и либерализм, а наоборот подчеркивали особенности его подхода к изучению истории, социологии, философии истории. Интерес к его творчеству не утихает до сих пор. Об этом говорят не только многочисленные научные работы, но и издание архивных материалов, переиздания его исследований. В этой части статьи речь пойдет о социологии и методологических разработках Кареева. Следует отметить, что они часто так тесно переплетены, что возможны терминологические повторы.

На волне отмечавшихся в 2000–2010-е годы юбилеев Кареева значительное число ученых разных направлений обратилось к его научному наследию. Основной интерес теперь вызывали его социологические и теоретико-методологические работы. Вышел ряд юбилейных статей, были опубликованы архивные материалы, проведено несколько конференций. К примеру, в Сыктывкаре, была организована конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Кареева [18]. На ней рассматривались следующие темы: Кареев как историк, философ, педагог, социолог. Участники конференции поставили перед собой цель всесторонне осветить творчество ученого, а также уделить внимание его общению с современниками.

К 170-летию Кареева прошла конференция, организованная Санкт-Петербургским отделением Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (26–30 ок-

тября 2020 г.) [16]. Тема конференции – «Ученый и эпоха: к 170-летию со дня рождения Н.И. Кареева и С.В. Ковалевской». Карееву посвящен материал Е.А. Долговой «Заграничная корреспонденция Н.И. Кареева: темы и адресаты в 1910–1920-е годы» [там же].

Еще одна конференция, организованная РГПУ им. А.И. Герцена (8–9 октября 2020 г.), была посвящена непосредственно Карееву [20]. Материалы конференции сгруппированы в несколько разделов: 1) О вновь обретенных социологических трудах Кареева; 2) история и систематика социологической мысли; 3) вклад Кареева в отечественную и мировую социологию; 4) эпистемология и методология социологии в научном наследии Кареева; 5) идеи Кареева о социологическом образовании и просвещении; 6) социальная философия историософии Кареева; 7) Кареев и общественная деятельность; 8) современный отклик на социологические идеи Кареева: личность, образование, молодежь; 9) о социальном и социологическом аспектах творчества Кареева: предварительный список публикаций. Отдельное место уделено архивным работам Кареева. Этому посвящен доклад М.В. Ломоносовой «Сохраняя историю отечественной социологии: Рукопись Н.И. Кареева “Уильям Годвин и его “Политическая справедливость”»». Опубликованы архивные работы Кареева «Что такое история литературы?» и «Миф об основном мифе. По публикациям Н.И. Кареева в “Филологических записках”». Представленные на конференции доклады и выступления внесли значительный вклад в изучение научного наследия ученого.

В Институте международных отношений Казанского федерального университета 19–21 ноября 2020 г. была проведена международная научно-образовательная конференция «Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания» [8]. Она проходила в онлайн-формате, в рамках III Международного научного форума «Личность, общество и государство в истории Запада и Востока». На конференции была представлена книга, основанная на рукописи Кареева «По большой дороге истории». Это монументальное произведение представляет собой итоговый труд историка, в котором раскрывается цивилизационный подход к всемирной

истории: от зарождения первых речных цивилизаций до океанического периода, современной цивилизации.

Н.И. Кареев – социолог и историк социологии

В работах Кареева-социолога можно выделить три основных аспекта. Это, прежде всего, «чистые» социологические труды¹, его отклики на работы коллег и рецензии на новые издания² и «смешанные» работы, в которых социология и методология переплетены³.

Среди работ о Карееве – социологе и методологе истории выделяется цикл статей, написанных А.В. Малиновым и Е.А. Долговой, как в соавторстве, так и по отдельности [6; 7; 11; 12; 13; 14]. Особую ценность придает то, что в них публикуются отрывки из неизданной работы ученого «Общая методология гуманитарных наук». Несколько слов об этом фундаментальном труде, написанном в 1922 г. и хранящемся в НИОР РГБ. Как писал сам Кареев, у него появилось желание подвести итоги многолетним занятиям социологией и методологией гуманитарных наук. Форма и основная идея труда складывались и определялись многие годы и были отражены в его книгах и статьях⁴.

¹ Кареев Н.И. Общие основы социологии. – Петроград : Наука и школа, 1919. – 209 с.; Кареев Н.И. Марксистская социология // Мир России. – 1992. – № 1. – С. 115–163.; Кареев Н.И. Объективизм и субъективизм в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. 3, № 4. – С. 61–85; и др.

² Кареев Н.И. Социология г. Тахтарева // Русское богатство. – 1917. – № 4/5. – С. 201–211.; Кареев Н.И. Книга о социальной аналитике // Вестник литературы. – 1920. – № 7(19). – С. 7–9. – [Рец. на кн.: Сорокин П.А. Система социологии : в 2 т. – Петроград : Изд. Т-во «Колос», 1920].

³ Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. – Санкт-Петербург : 1895. – 299 с.

⁴ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Москва : тип. А.И. Мамонтова и К°, 1883–1890. – Т. 1. – 456 с. ; т. 2. – 400 с. ; т. 3. – 628 с.; Кареев Н.И. Историология: (Теория ист. процесса). – Петроград : тип. М.М. Стасюлевича, 1915. – 320 с.; Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. – Санкт-Петербург, 1895. – 299 с.; Кареев Н.И. Историка: (Теория ист. знания). – 2-е изд. – Петроград : тип. М.М. Стасюлевича, 1916. – 281 с.; Кареев Н.И. Отношение историков к социологии // Рубеж. – 1992. – № 3. – С. 4–37; и др.

Особую значимость этой работе придает то, что в ней Кареев высказал соображения о всей системе гуманитарного знания начиная от роли в нем исторического факта и кончая его структурой. «Текст работы включает в себя главы: “Понятие науки и классификация наук”, “Логические предпосылки всякой методологии”, “Гуманитарные науки, их классификация и методология”, “Непосредственное наблюдение и констатирование фактов в гуманитарных науках”, “Научная работа в области исторических повторений”, “Теоретические гуманитарные науки”, “Нормативное и прикладное знание в гуманитарных науках” и насчитывает 400 параграфов. Издание снабжено библиографическим списком, списком работ автора по социологии, примечаниями, выписками из работ по истории, социологии, методологии» [13, с. 321].

Осенью 1922 г. было дано разрешение на публикацию книги. Издательство «Наука и школа» приступила к печати, но вскоре прекратила процесс. Дело в том, что заявленная работа была учебным пособием, и на ее издание требовалось разрешение Государственного ученого совета (ГУС). Однако эта организация запретила печать потому, что их не устраивала основная методологическая позиция автора – позитивизм. Карееву предложили переделать ее в духе марксизма. И здесь проявляется его характер – ученый отказывается от внесения подобных изменений. Он пытался опубликовать книгу в первоначальном виде, но ничего не получилось. Вдобавок к этому, в связи с реорганизацией гуманитарного преподавания в университете, курсы по методологии были отменены. Так что книга осталась частично в напечатанном (до нас дошли две типографские корректуры с первой, второй и началом третьей главы), а большей частью в рукописном виде [13, с. 321–322].

А.В. Малинов и Е.А. Долгова отмечают в рукописи следующие моменты: «очертил сферу гуманитарного знания; обосновал как проблему существование единого исследовательского поля гуманитарных наук и оговорил принципы их взаимосвязей; поставил как исследовательскую задачу необходимость выработки единой общей методологии для научного исследования; обосновал положение и методологический инструментарий истории в системе гуманитарных наук. Логика выступает для Кареева условием всякой методологии» [там же, с. 324]. Вместе с тем он уделил внимание основным, современным на тот момент методам изуче-

ния гуманитарного знания: индуктивному, дедуктивному, сравнительному, историческому, а также затронул тему законов в общественных науках. Историк признавал законы социологические и психологические, применимые к историческим событиям и фактам, но всегда отрицал существование и действие специфических исторических законов. К этому утверждению он возвращался неоднократно в работах по социологии, философии истории, теории исторического знания.

В статье, приуроченной к 170-летию со дня рождения историка «Социология как теоретическая наука (по материалам рукописи Кареева “Общая методология гуманитарных наук”)), Малинов и Долгова рассматривают взгляды ученого на теорию социологии в общем контексте его представлений о гуманитарном знании [12]. Приводятся отрывки из шестой главы рукописи «Общей методологии...» – «Теоретические гуманитарные науки».

Авторы статьи подчеркивают, что Кареев был не только одним из первых социологов в стране, но и историком социологии. Он был знаком с другими социологами и оперативно отзывался на их работы, так что его можно назвать первым историографом социологии, по крайней мере в России.

Также историки вкратце объясняют специфические черты взглядов Кареева-социолога. Он считал социологию наукой собирательной, объединяющей правоведение, политическую экономию, государствоведение. По мысли ученого, «социология опирается на специальные общественные науки и синтезирует их» [12, с. 120]. Вот как он объяснял это: «Социология берет общество интегрально, имея в виду, что государство, право и народное хозяйство, обособленно взятые для изолированного изучения, существуют только в абстракте, что реально нет государства, в котором не было бы права и хозяйства, что нет хозяйства без государства и без права, и что нет, наконец, и последнего без первых двух»¹.

Итак, в статье Малинова и Долговой раскрывается своеобразие взглядов Кареева на социологию и ее метод. Если в начале занятий социологией он называл метод «высшим синтезом» или

¹ Кареев Н.И. Общие основы социологии. – Петроград : Наука и школа, 1919. – С. 97.

«эkleктизмом», то по мере развития своих взглядов позднее стал именовать его плюралистическим.

Кареев был не только выдающимся ученым, но и принимал активное и деятельное участие в институционализации науки. Этому аспекту деятельности ученого посвящена статья М.Б. Глотова, приуроченная к 170-летию со дня рождения Кареева [5]. Глотов выделяет три направления в деятельности ученого. Во-первых, издание статей и монографий по социологии. Во-вторых, организацию социологических курсов и институтов. В-третьих, публикацию учебной литературы по социологии.

Кареев был одним из организаторов социологической секции при Историческом институте, а также Социологического общества имени М.М. Ковалевского. Он был президентом Международного института социологии. Читал лекции по социологии в Русской высшей школе общественных наук в Париже. Глотов подчеркивает, что Кареев первым в России стал преподавать социологию студентам университета и на Высших женских курсах. Некоторое время он был деканом словесно-исторического отделения Психоневрологического института и читал лекции и там.

Автор обращается к работе Кареева «Общие основы социологии» и отмечает, что Кареевым выделено три периода институционализации социологической науки в России. Первый период – конец 1860-х – середина 1890-х годов. «Этот период Кареев определил как господство субъективной школы и борьбу с социологическим натурализмом» [5, с. 146]. Второй период – с середины 1890-х – по 1917 г. характеризовался укреплением субъективной школы, борьбой с марксистской социологией. Третий период с 1917 г. Кареев «характеризовал как победу и лидерство марксистской социологии, а также как появление возможности более полной, более широкой интеграции “экономизма” и “психологизма”» [5, с. 146]. Глотов отмечает значительный вклад ученого в формирование и развитие социологии как науки, учебной дисциплины и в создание социологических обществ и институтов.

Тема «Кареев – историк социологии» недостаточно изучена до сих пор. А ведь ученый быстро откликался на работы своих коллег-социологов и оставил значительное теоретическое наследие. Частично восполняют этот пробел работы Ю.В. Мамоновой. В статье «Н.И. Кареев о роли субъективной школы в генезисе и

развитии русской социологии» [15] Мамонова подчеркивает, что на тот момент времени она была тесно связана с позитивизмом, который также приобрел особенный, русский характер, подвергшись влиянию социально-экономических, нравственных и политических исканий интеллигенции в пореформенной России. Мамонова рассматривает роль Кареева как историографа социологии и отмечает, что он был знаком со многими социологами и отзывался на их работы по «горячим следам». И делалось это систематически в течение десятилетий.

В диссертации исследовательница сосредоточилась на нескольких пунктах социологии Кареева [14]. Во-первых, она рассматривает формирование мировоззрения Кареева в то время, когда в стране шли активные политические, научные и идеологические процессы. Это и ситуация в пореформенной России, усвоение новых теорий марксизма, позитивизма, народничества и т.п. Кареева она совершенно справедливо причисляет к позитивистам и представителям русской субъективной школы социологии – первой научной социологической школы в стране. Во-вторых, Мамонова уделяет внимание активно дискутировавшейся теме «объективизма – субъективизма» в гуманитарных науках. Выступая «убежденным сторонником объективности в подборе, группировке и анализе социальных фактов (в духе контовского позитивизма), Кареев в то же время стремился всесторонне обосновать “законный субъективизм” в работе исследователя, т.е. неизбежность и необходимость оценки социальных явлений с точки зрения общечеловеческих нравственных норм и идеалов» [14, с. 8]. В-третьих, Мамонова подчеркивает синтетическую природу методологии Кареева. В его творчестве органично сочетались философские, исторические, социологические методы исследований социальных наук [14, с. 8]. В-четвертых, она особо отмечает роль О. Конта в создании социологии и значимость позитивизма в новой науке. В-пятых, в работах Кареева обосновываются разные направления в социологии – психологическое, экономический детерминизм и другие. И, наконец, в-шестых, «важнейшей заслугой Н.И. Кареева является глубокая и всесторонняя разработка проблем становления социологии в России. Ценность его работы “Основы русской социологии” состоит в том, что этот фундаментальный труд, который содержит огромный теоретический потенциал, написан участником и

наблюдателем самого процесса формирования новой научной дисциплины в сложнейшей исторический период» [14, с. 9]. Итак, можно заключить, что исследовательница основательно подошла к изучаемой теме и показала многогранность работ Карева – социолога и историографа социологии.

Субъективному методу в социологии посвящена работа Е.А. Долговой, А.В. Малинова, В.В. Слисковой «Субъективный метод и оценка в науке (по материалам рукописи Н.И. Кареева “Общая методология гуманитарных наук”)» [7]. Статья состоит из двух частей. В первой приводятся пояснения и комментарии к роли и значению субъективизма, во второй публикуются фрагменты седьмой главы из «Общей методологии гуманитарных наук» – «Нормативное и прикладное знание в гуманитарных науках». Для публикации отобраны материалы, в которых социолог рассматривает субъективизм в работах П.П. Лаврова, Н.К. Михайловского и О. Конта.

Первые русские позитивисты привнесли свое, особое видение субъективного подхода в гуманитарных науках. В отличие от О. Конта, который ставил перед социологией такие же задачи, что и перед теоретическими разделами естествознания, русские социологи сочли нужным добавить метод субъективный, что, по мнению Лаврова и Михайловского, подразумевало «познавание моральных и социальных отношений, как творчества идеалов, так и этической оценки действительности» [цит. по: 7, с. 184].

Интересному сюжету по организации социологического образования посвящена статья Е.А. Долговой «“Одна профессура по социологии”». Всероссийский конкурс и институционализация новой кафедры в Петроградском университете, 1919–1922 гг.». [6]. Статья написана на основе неопубликованных документов и раскрывает эпизод из научной жизни университета.

В Петроградском университете на юридическом факультете было решено учредить кафедру социологии. Для этого был проведен Всероссийский конкурс, в котором приняли участие как молодые ученые, так и «старая профессура». Используя сохранившуюся документацию, личную переписку автор статьи подробно излагает подготовку и ход самого конкурса. Особое внимание уделено Декрету от 1 октября 1918 г. По мнению Долговой, этот документ помог в прохождении конкурса молодым ученым, которых

поддерживала «старая профессура». В качестве примера она описывает, как проходило выдвижение П.А. Сорокина, кандидатуру которого одобряли «старые профессора». На тот момент его научные заслуги были скромными, он опубликовал брошюру и несколько статей, но зарекомендовал себя как один из организаторов науки. Сорокин вместе с К.М. Тахтаревым в 1916 г. организовали Социологическое общество имени М.М. Ковалевского, которое легло в основание кафедры социологии Петроградского университета. Среди членов общества были маститые ученые с европейскими именами: Н.И. Кареев, П.Н. Милуков и молодые историки – Е.В. Тарле и др. Не исключено, пишет автор статьи, что свою роль сыграла и откровенно антибольшевистская позиция Сорокина, из-за которой ранее он подвергся репрессиям. «Арестован большевиками 3 января 1918 г., подготовлял их свержение в Архангельске, арестован и приговорен к смерти в сентябре 1918. Освобожден в декабре 1918 г. В 1919–1922 гг. – профессор Петроградского университета и др. учреждений. В сентябре 1922 г. выслан за границу» [цит. по: 6, с. 96]. Эти несколько строк мрачно и красочно описывают несколько лет из жизни ученого. И в случае с Сорокиным это еще благополучный исход.

Высоко оценивает вклад Кареева в социологию Е.И. Кукушкина [10]. Она особо подчеркивает, что Кареев был хорошо знаком с иностранной литературой и системой преподавания на Западе. Опираясь на этот опыт, Кареев выдвинул немало идей, часть из которых остаются актуальными и сегодня. «Его взгляды базировались на твердом убеждении, что изучение общественных наук – истории, экономики, юриспруденции, политической мысли, социологии – немыслимо без учета их психологической основы и этического элемента» [10, с. 136].

Отечественная социология, по его мнению, с самого начала несла на себе отпечаток своеобразного «русского характера». Во вступлении к работе «Введение в изучение социологии» Кареев отмечал ее особенности: «1) признание ею психической основы общественных явлений, 2) ее взгляд на значение личности и 3) за-

щиту ею так называемого субъективного отношения к общественным явлениям»¹.

Кукушкина подмечает интересную и своеобразную черту социологии по Карееву. То, что она выступает как синтез политики, юриспруденции и экономики писали и ранее. Но Кареев вносит новый принципиальный элемент в социологию – гуманитарный. Гуманитарное образование имеет универсальный и общечеловеческий характер. Его главная задача определяется той активной ролью, которую оно призвано выполнять в общественной жизни: «призывать человека не к простому созерцанию, а к работе во имя развития человеческой личности, во имя умственного, нравственного и общественного прогресса всех ради того, чтобы прийти к осуществлению идеала человечности» [10, с. 136–137].

В материале С.Н. Войцеховского особо отмечается историческая составляющая социологии Кареева [4]. Автор развивает эту тему, проводя сравнение с творчеством современного макросоциолога Н.С. Розова. Для этого Войцеховский применяет сравнительно-исторический метод, который, по мнению автора, позволяет не только сравнивать два социологических подхода, но и показать актуальность историко-социологических работ Кареева. Войцеховский подчеркивает, что Кареев разрабатывал социологию совместно с теорией исторического процесса и исторического знания, а также с философией истории. Философский и исторический подходы к социологии применяет также Розов. Различие их в том, что Кареев чаще прибегал к качественному методу исследования, Розов же отдает предпочтение количественному методу. В заключение Войцеховский пишет, что современным социологам следует использовать идею Кареева сочетать номологический (устанавливающий законы) и идеографический (описывающий отдельные предметы) подходы. В этом он видит актуальность социологии Кареева.

Синтезу истории и социологии в творчестве Кареева посвящена работа В.В. Козловского и И.Д. Осипова [9]. В этой содержательной статье авторы кратко, но информативно обрисовали основные жизненные вехи Кареева и подробно рассмотрели его

¹ Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. – Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1897. – С. XIV.

историческую социологию. Они отмечают, что интерес к социологии появился у молодого ученого довольно рано. И к первым социологическим работам причисляют его статьи: «Расы и национальности с психологической точки зрения», «О субъективизме в социологии»¹. В докторской диссертации и в ее продолжении «Сущность исторического процесса и роль личности в истории»² социология раскрывалась в тесной связи с историей. Еще одной характерной чертой, и это отмечается авторами как новизна кареевской социологии, является связь творчества социолога с насущными проблемами современности. В пореформенной России, продолжают авторы, русское общество и в художественной литературе, и в искусстве, и в общественной мысли искало нравственную опору индивидуальной автономии и свободы. При этом «оправдание субъективного принципа в истории было существенным подспорьем в развитии этико-социологической школы. Кареев важнейшими принципами русской социологии считал признание ею психической основы общественных явлений, взгляд на значение личности и защиту субъективного отношения к общественным явлениям» [9, с. 89].

Даже в среде своих коллег, выдающихся ученых, Кареев выделялся широтой и блестящим знанием последних достижений гуманитарной науки, как отечественной, так и зарубежной. По мнению Козловского и Осипова, самого Кареева отличали универсализм и склонность к синтезу социогуманитарного знания. Он настаивал на том, что история, философия истории, социология тесно взаимосвязаны и влияют друг на друга. Однако это не значит, что они подчинены друг другу. Это самостоятельные науки, каждая из которых имеет свою область исследования, свои методы и подходы. Социология – это самостоятельная наука, которая должна открывать специфические социальные законы, управляющие социальными явлениями. Особенность социологии по сравнению с другими гуманитарными науками заключается в том, что она подходит к исследованию общества с позиции «консенсуса» –

¹ Кареев Н.И. Расы и национальности с психологической точки зрения. – Воронеж : тип. Губ. правл., 1876. – 24 с.; Кареев Н.И. О субъективизме в социологии // Юридический вестник. – 1880. – Апрель. – С. 123–129.

² Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. – 574 с.

взаимосвязи, взаимообусловленности общественных явлений, поиска тем, понятийных и ценностных аспектов социального, которые создают общее культурное поле человечества. По мнению Кареева, социолог отличается от других гуманитариев своей склонностью к культурному и мировоззренческому синтезу, пишут Козловский и Осипов.

Итак, подведем первые итоги. С конца 1990-х по начало 2000-х годов в изучении научного наследия Кареева на первый план вышли социологические и теоретико-методологические работы. Авторы рассматривают социологию, или, как ее еще называют, историческую социологию Кареева, с разных позиций, применяют разные методы и подходы. Общим остается одно: согласно Карееву, социология – это самостоятельная гуманитарная наука, изучающая общие социальные законы.

М.А. Арэфьев, А.Г. Давыденкова и А.В. Зыкин подчеркивают, что труды Кареева – это отличный пример соединения исторической, социально-философской и социологической методологий. Эта синтезированная методология «становится применимой к анализу развития культуры и социального общества. Задача истории – изучать конкретное прошлое. Социология, по мнению Кареева, должна заниматься изучением общественных форм и учреждений, взаимоотношением социальных групп» [1, с. 700].

Методологические работы Н.И. Кареева

Кареев разработал структуру гуманитарного знания, которая состоит из философии истории, теории исторического знания, теории исторического процесса, историософии, законного субъективизма, социологии, психологии. Разберемся для начала с терминологией, которую использовал Кареев. Возглавляет систему философия истории, представляющая собой ту позицию, с которой историк обзирает прошлое. Философия истории создает идеальную оценку событий прошлого, а именно теорию прогресса. Основной задачей развития общества историк считал его постепенное совершенствование, особое внимание уделяя теории прогресса (научного, технического и др.). Наиболее важную роль как позитивист он отводил прогрессу нравственному. «В этой плане предметом философии истории становится изучение форм и путей про-

гресса. В труде “Философия, история, и теория прогресса” он выстраивает логическую цепочку связей гуманитарных наук: от конкретных историй, или историй специальных, охватывающих, как мы отмечали, частные развития общества, до понимания включенности всего человечества в прогрессивное развитие» [1, с. 701].

Далее следуют специальные дисциплины, такие как теория исторического знания (историка по терминологии Кареева), которая занимается вопросами логики и гносеологии исторического знания. Как пишет Малинов, «историка изучает “приемы добывания исторических истин”, рассматривает “надлежащие способы занятия исторической наукой”» [11].

Теорией исторического процесса как такового занимается историология (по терминологии Кареева), она «задается вопросом “о том, как вообще делается и происходит история”». Ближе всего к пониманию специфики историологии подходит социология и Кареев их часто сопоставляет... Сближение историологии с социологией происходит на почве поисков законов, управляющих обществом и действующих в истории. Кареев называет такие дисциплины номологическими. “Таким образом, – заключал он, – историология есть номология исторического процесса, отвлеченно взятого”» [там же].

А что собой представляет собой сам исторический процесс? Согласно Карееву, «исторический процесс совершается коллективными устремлениями, социальными действиями, культурной практикой. Конечно, основные, главные особенности экономических, культурных, политических традиций народа обусловлены особенностями их жизненных устоев. Но многое является результатом культурных заимствований, межкультурного взаимодействия, бытовых взаимовлияний» [1, с. 700].

Исследователь Ю.А. Васильев разбирает эволюцию историологии на общем фоне работ историка [2]. На первых порах в 1870–1880-е годы, во время работы над докторской диссертацией позиция Кареева отличалась осторожностью. Он писал о существовании законосообразности истории, но отмечал и влияние элемента случайности. В качестве разумного основания для объяснения данного тезиса явилось заключение: на ход всемирной истории оказывает значительное влияние множество случайностей. «Вся история есть сеть самым неожиданным образом перекрещи-

вающихся причинных цепей, действующих на все человечество, на отдельные нации, на социальные группы в нациях, на отдельного индивидуума» [2, с. 72].

Историк неоднократно обращался к этой проблеме и спустя четверть века после докторской написал ее продолжение – работу «Сущность исторического процесса и роль личности в истории». Изменение взглядов Кареева Васильев описывает следующим образом: теперь историк полагал, что «в мире истории, как и в мире природы, царит строгая необходимость, которая заключается в господстве законосообразной причинности. Ничего беспричинно происходящего в истории нет, и все подчинено действию законов. Абсолютно случайного и абсолютно свободного в ней ничего нет, но относительно случайным и относительно свободным наполнен весь исторический процесс: случайным, когда происходит пересечение двух или более каузальных рядов, и свободным, когда происходящий момент является следствием причины, не зависящей от самого исторического процесса. Случайность и свобода могут существовать лишь на основе и в пределах необходимости [2, с. 73].

Важным элементом историологии Кареева Васильев считает то, что он выделял две составляющие исторического процесса – прагматическую историю и культурную историю. Прагматическая история (прагматика) это действия людей, складывающиеся в события, которые происходят в определенной культурно-исторической среде. «С точки зрения культурной истории исторический процесс есть именно трансформация общественного быта, которая или происходит медленно, постепенно и даже непреднамеренно, или же совершается быстро, сразу и преднамеренно, что вызывает борьбу между стремящимися к переменам силами и силами, отстаивающими старое. Со стороны прагматической исторический процесс есть по преимуществу процесс, в котором действующим механизмом являются конфликты общественных сил, порождающие исторические кризисы» [2, с. 77].

Не обошел вниманием Кареев один из самых обсуждаемых и, по-видимому, так никогда и не решенных вопросов – о смысле истории. Эту тему ученый затрагивал в докторской диссертации и в других работах. По его мысли найти смысл истории возможно, объединив объективное историческое знание с субъективной оценкой философии истории. Васильев приводит прямо-таки поэ-

тическое определение данное Кареевым: «В философии истории цельность философского взгляда, опираясь на точность исторической науки, обозревает пройденный путь и старается проникнуть вперед, в даль грядущих веков, застилаемую туманом неизвестного будущего» [цит. по: 2, с. 80]. Весьма интересным замечанием является то, что согласно Васильеву, историология Кареева получила дальнейшее развитие в трудах зарубежных ученых: Х. Ортеги-и-Гассета и историков школы «Анналов».

Далее Васильев рассматривает систему гуманитарного знания Кареева [3]. Историк отмечает, что она разработана на основе синтеза и объединяет разные науки, которые делятся на две крупные группы: феноменологические – имеющие дело с явлениями и номологические – имеющие дело с законами явлений. В этом Кареев обогнал разработки немецких философов Г. Риккерта и В. Виндельбанда. Васильев уделяет внимание и тому, что называлось в литературе «эkleктизм Кареева». В самом деле, признает историк, Кареев заимствовал отдельные элементы из разных, порой противоречивых теорий. При этом важно, чтобы отбор был основан не на произвольной, а на логической или фактической сущности. Тогда эkleктизм переходит в «синтез». Именно так и работал Кареев. Поэтому его методологию наук, его подходы к отборам исторических фактов синтетические, а не эkleктичные, как это оценивалось в советской историографии.

Васильев рассматривает спор о субъективизме и объективизме в науке. Кареева причисляли к субъективистам, что не совсем точно. Действительно, Кареев выступал за субъективизм, который он называл законным, подразумевая под этим «этическое отношение к действительности» [3, с. 127]. Но он уточнял, что есть и «незаконный субъективизм» – политический, идеологический, национальный. При этом историк строго настаивал на том, что метод исследования действительности прошлой или настоящей должен быть объективным, а вот субъективизм может проявиться только при оценке явлений.

Тема субъективизма более подробно раскрывается в антологии «Очерк по русской философии истории» [19]. Авторы поясняют свою точку зрения на законный субъективизм Кареева: «Ученый должен оставить за порогом исследования *свои* идеалы как человека определенной профессии, вероисповедания, националь-

ности, но должен постоянно чувствовать свою принадлежность к человечеству [курсив авторов. – Ю. Д.]» [19, с. 58–59].

Историями отдельных стран (периодов, фактов) занимаются истории местные, частные и национальные. Взятые сообща, они образуют неоднородный всемирно-исторический процесс. Историк образно и поэтически описывал этот процесс. Локальные истории он называл ручьями, которые текут и впадают в единое русло всемирного исторического процесса: «...текущих параллельно, сливающихся в реки больших размеров, которые сами нередко раздробляются на рукава или даже более мелкие потоки, а не то образуют затоки, без дальнейшего куда-либо выхода»¹. Этот подход Кареева, пишет Васильев, говоря современным языком, может обозначаться как глобально-системный. По сути, продолжает он далее, Кареевым предвосхищен «процесс осмысления глобализации общественного развития, ставший характерной чертой развития человечества во второй половине XX в.» [3, с. 126].

Важно, что Кареев не только теоретически разработал систему исторического знания от факта до философского обобщения, но и воплотил этот подход на практике. Примером тому служит семитомная «История Западной Европы в Новое время»² и «Общий ход всемирной истории»³ и другие работы историка. Центром, сердцевиной этих колоссальных исследований являются идеи универсальности и единства истории стран Европы. Арефьев, Давыденкова и Зыкин отмечают, что средневековую и новую историю стран Западной Европы Кареев рассматривал как «историю единого и целостного западноевропейского общества, когда на практике осуществлялся принцип культурно-исторического универсализма. Этому способствовали единая христианская религия (католицизм до Реформации и католическая и протестантская церкви Нового времени), единый хозяйственно-экономический уклад (феодалные отношения), однотипные варианты государ-

¹ Кареев Н.И. По большой дороге истории. – Москва : ИНФРА-М, 2020. – С. 46.

² Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время : (Развитие культур. и социал. отношений). Т. 1–7. – Санкт-Петербург : тип. И.А. Ефрона, 1892–1917.

³ Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории : очерки главнейших ист. эпох. – Санкт-Петербург : Брокгауз-Ефрон, 1903. – 303 с.

ственного устройства» [1, с. 700]. Авторы отмечают, что в этом Кареев близок к позициям С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, которые также писали о взаимовлиянии культур.

Отдельно следует сказать об уникальном библиографическом издании, подготовленном В.А. Филимоновым [17]. Он представляет собой максимально подробный указатель работ Кареева которых насчитывается около 900. И, по мнению Филимонова, эта цифра еще не окончательна. Сборник состоит из следующих разделов: основные даты жизни и творчества Кареева; основные работы Кареева; алфавитный список трудов; литература о Карееве. Отдельно выделены монографические и тематические сборники, авторефераты диссертаций, общие труды, исследования о Карееве в периодических изданиях и сборниках, материалы к биографии: юбилейные и памятные статьи, воспоминания, некрологи, публикации архивных источников. Также приводятся статьи из энциклопедий, словарей и справочников. Намечены следующие направления для поиска работ Кареева: доклады на сессиях Международного социологического института, в Париже, черновые варианты лекций, а также заметки Кареева в газетной и журнальной периодике [там же, с. 5–6]. Еще одним достоинством этого издания является то, что автором найдены по указателям псевдонимов работы Кареева, ранее не известные или приписываемые ему ошибочно. Прделана колоссальная работа по поиску и атрибутированию как работ Кареева, так и исследований его творчества. И это издание может стать своего рода «настойной книгой», несомненным подспорьем для любого, кто занимается творчеством ученого.

Заключение

Рассмотренная избранная историография творчества Н.И. Кареева показывает нам, что в его научном наследии есть как хорошо изученные моменты (например, Кареев как историк стран Западной Европы), так и менее (например, взаимосвязи методологических и исторических работ).

Тем не менее в отечественной историографии имя Кареева занимает достойное место. Ученые разных специальностей обращаются к его творческому наследию: историческому, философско-историческому, социологическому, методологическому. Изучается

его организаторская и педагогическая работа в Варшавском, Санкт-Петербургском, Петроградском университетах. Не меньший интерес вызывает малоизученная политическая и общественная деятельность историка; его участие в разных обществах и фондах. Символично, что имя блестящего историка, философа, социолога носит премия, учрежденная Российской академией наук за работы по всеобщей истории.

Список литературы

1. Арефьев М.А., Давыденкова А.Г., Зыкин А.В. Историософия Николая Ивановича Кареева: прошлое и настоящее // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, Вып. 4. – С. 698–702.
2. Васильев Ю.А. Феномен «Ecole russe»: историология Н.И. Кареева // Русский мир. – 2012. – № 1. – С. 72–81.
3. Васильев Ю.А. Феномен «Ecole russe»: теория истории Н.И. Кареева. Часть 2 // Русский мир. – 2010. – № 3. – С. 121–134.
4. Войцеховский С.Н. Историческая социология Н.И. Кареева и Н.С. Розова: сравнительный анализ идей // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 34–53.
5. Глотов М.Б. Участие Н.И. Кареева в процессах институционализации социологии в России // Социологический журнал. – 2020. – Т. 26. – № 2. – С. 144–152.
6. Долгова Е.А. «Одна профессура по социологии» : всероссийский конкурс и институционализация новой кафедры в Петроградском университете, 1919–1922 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2019. – Т. 22. – № 5. – С. 87–101.
7. Долгова Е.А., Малинов А.В., Слискова. В.В. Субъективный метод и оценка в науке (По материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук») // The Philosophy journal. – 2022. – Vol. 15, N 1. – P. 176–190.
8. Информационное письмо о конференции. – URL: <https://kpfu.ru/imoiv/jubilej-vydajuschegosya-russkogo-uchenogo-395895.html>
9. Козловский В.В. Осипов И.Д. Синтез истории и социологии в трудах Николая Кареева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. 3, № 4. – С. 86–98.
10. Кукушкина Е.И. Университеты и становление социологического образования в России // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 130–137.
11. Малинов А.В. Теоретико-методологические искания в русской исторической и философской мысли второй половины XIX – начала XX в. – Санкт-Петербург : Интерсоцис, 2008. – 464 с. – URL: <https://uchebnikfree.com/knigi-knistoriografiya/teoriya-istoricheskogo-protssessa-6098.html> (дата посещения : 13.03.2023).

12. Малинов А.В., Долгова Е.А. Социология как теоретическая наука (по материалам рукописи Кареева «Общая методология гуманитарных наук») // Социологический журнал. – 2020. – Т. 26, вып. 4. – С. 116–136.
13. Малинов А.В., Долгова Е.А. Логика методологии (к публикации «Логических предпосылок всякой методологии» Н.И. Кареева) // Russian sociological review. – 2017. – Vol. 16. – № 3. – С. 319–326.
14. Мамонова Ю.В. Н.И. Кареев как историк отечественной социологии : автореф. ... дисс. канд. социолог. наук. – Саратов, 2010. – 19 с.
15. Мамонова Ю.В. Н.И. Кареев о роли субъективной школы в генезисе и развитии русской социологии // Известия Саратовского университета. Сер. Социология, Политология. – 2008. – Вып. 1. – С. 66–69.
16. Наука и техника: вопросы истории и теории : материалы XLI Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук «Ученый и эпоха: к 170-летию со дня рождения Н.И. Кареева и С.В. Ковалевской» (26–30 октября 2020 г.). – Санкт-Петербург : СПбФ ИИЕТ РАН : Скифия-принт, 2020. – Вып. 36. – 316 с.
17. Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007) / Сост. В.А. Филимонов. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2008. – 224 с.
18. Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель : материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева. Сыктывкар, 5–6 декабря 2000 г. – Сыктывкар : [б. и.], 2002. – 221 с.
19. Очерк русской философии истории : антология / сост. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. – Москва : [б. и.], 1996. – 313 с.
20. Социология в трудах Николая Ивановича Кареева : сборник к 170-летию Н.И. Кареева. По материалам конференции Герценовского университета / ответ. ред. Воронцов А.В. ; науч. ред. С.Н. Малявин ; ред.-сост. Г.А. Иоффе. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. – 380 с.

УДК: 211; 303.446.4; 94(47).084.5 DOI: 10.31249/hist/2023.03.06

АПАНАСЕНОК А.В.*, КРАСИЛЬНИКОВА Е.И.** ИСТОРИЯ
СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ В ЗЕРКАЛЕ ОТЕ-
ЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье обсуждаются особенности изучения феномена Союза воинствующих безбожников СССР в советской, зарубежной и постсоветской историографии. Авторами констатируется несоразмерность уровня изученности истории этой организации ее масштабам и исторической роли. Показывается, что история Союза до сих пор преимущественно исследовалась в рамках государствоцентричного подхода, предполагающего взгляд на него только как орудие, созданное большевиками для решения идеологических задач. Утверждается, что дальнейшие исследования, в том числе создание обобщающий трудов по истории Союза, должны быть связаны с расширением методологических подходов, рассмотрением истории советского «безбожия» в контексте эволюции общественного сознания в России, СССР и мира в конце XIX – первой половине XX в.

Ключевые слова: Союз воинствующих безбожников; атеизм; антирелигиозная пропаганда; Советский Союз; историография.

APANASENOK A.V., KRASILNIKOVA E.I. The history of the league of militant atheists in mirror of domestic and foreign studies

* Апанасенок Александр Вячеславович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН; apanasenok@yandex.ru

** © Красильникова Екатерина Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета; katrina97@yandex.ru

Abstract. The paper discusses the peculiarities of studying or the League of Militant Atheists of the USSR phenomenon in Soviet, foreign and post-Soviet historiography. The authors state the disproportion of the level of investigation of the history of this organization to its scale and historical role. It is shown that the history of the League has so far been mainly studied within the framework of the state-centric approach, which assumes a view of it only as a tool created by the Bolsheviks to solve ideological problems. It is argued that further research, including the creation of generalizing works on the history of the League, should be associated with the expansion of methodological approaches, consideration of the history of Soviet «godlessness» in the context of the evolution of public consciousness in Russia, the USSR and the world in the late XIX – first half of the XX century.

Keywords: The League of Militant Atheists; atheism; anti-religious propaganda; Soviet Union; historiography.

Для цитирования: Апанасенок А.В., Красильникова Е.И. История Союза воинствующих безбожников в зеркале отечественных и зарубежных исследований. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 3. – С. 136–152. – DOI: 10.31249/hist/2023.03.06

Минувший 2022 г. ознаменовался столетием с момента образования СССР. Этот символический «юбилей» – повод подумать о том, насколько хорошо изучены процессы и явления, определявшие своеобразие, а порой и уникальность исчезнувшей цивилизации.

Одной из «визитных карточек» советского строя, несомненно, был активно насаждавшийся атеизм. В свою очередь, самым ярким проявлением атеистического движения в стране явилось возникновение и развитие Союза воинствующих безбожников. В самом кратком виде история этой организации выглядит следующим образом. В 1922 г. в советской России начала издаваться газета «Безбожник». Вокруг этого печатного органа довольно оперативно сложился круг постоянных корреспондентов и читателей, который в 1924 г. официально превратился в Общество друзей газеты «Безбожник». В 1925 г. съезд его членов с подачи высших партийных инстанций постановил создать всесоюзное антирелигиозное общество, которое получило наименование «Союз безбожников». Основной задачей союза стала системная антирелиги-

озная работа, которая выражалась в подготовке и издании антирелигиозной литературы, соответствующей агитации на местах, борьбе с традиционной обрядностью при одновременной популяризации «советских ритуалов» и т.д. В «переломном» 1929 г., когда властью была поставлена задача быстрого культурного преобразования масс, организация приобрела общеизвестное теперь название «Союз воинствующих безбожников» (СВБ) и перешла к более агрессивным методам атеистической работы. Во второй половине 1930-х годов в СВБ стали проявляться признаки кризиса, а в 1941 г., вскоре после начала Великой Отечественной войны, Союз фактически прекратил свою деятельность. Формально он был ликвидирован в 1947 г., когда функции координатора атеистической пропаганды были переданы Всесоюзному обществу «Знание» [см., напр.: 29; 30].

На пике своей истории СВБ формально выглядел олицетворением мощи культурной революции, обещанной большевиками. К началу 1930-х годов кроме газеты им издавалось несколько собственных журналов, а также прочая агитационная литература как минимум на 12 языках. В 1930 г. ее объем, по подсчетам С. Рамет, составлял 800 млн страниц [52, р. 14]. В 1932 г. Союз декларировал наличие 5,5 млн членов, что превышало численность самой ВКП (б) [50, р. 2]. Даже если вслед за Д. Перисом считать эти данные «потемкинскими деревнями» атеизма [50, р. 2], размах движения не может не впечатлять.

Заметная роль СВБ в довоенной истории СССР общеизвестна. Деятельность союза многократно описывалась в художественной литературе и обсуждалась в публицистике, а массовые представления о ней создали почву для разнообразных мифов и исторических анекдотов. Однако можно ли говорить об адекватном научном осмыслении феномена СВБ? Упомянутый выше Д. Перис – автор единственной монографии, целиком посвященной истории союза – в 1998 г. отмечал, что, несмотря на масштабы и драматическую миссию СВБ, ему уделено «удивительно мало внимания» в исторической литературе [50, р. 2]. Насколько объективен оказался американский исследователь, оценивая уровень научного осмысления феномена советских «безбожников» в XX в.? Есть ли основания утверждать, что в XXI в. историографическая ситуация существенно изменилась? Стоит ли говорить об актуальных задачах,

стоящих перед исторической наукой в связи со слабой изученностью тех или иных аспектов прошлого СББ? Ниже авторы стараются дать ответы на эти вопросы.

История СББ в советской литературе

Изучение деятельности СББ было начато еще в довоенный период. Первыми «историками» Союза оказались в основном его активные члены, стремившиеся подчеркнуть выдающиеся успехи (реальные или мнимые) организации на антирелигиозном фронте. Первым объемным изданием такого рода стал сборник работ, посвященных борьбе с религией, выпущенный в честь 15-летия Октябрьской революции. В нем, например, можно было познакомиться со статьями В. Шишакова об основных вехах становления воинствующего безбожия [40] или прочитать работу В. Калинина о динамике роста и социального состава СББ за первые семь лет его существования [13]. В том же 1932 г. была издана брошюра Н.К. Амосова, поставившего своей целью осветить достижения антирелигиозной работы «на пороге» второй пятилетки [2]. Специальные издания выпускались и к «юбилейным» датам в истории самого СББ – его десятилетию [24] и 15-летию [44]. В них собраны факты из отчетов центрального аппарата Союза, по стилю изложения больше напоминающие победные реликвии, чем аналитические тексты (впрочем, встречаются и признания «отдельных недостатков»). Естественно, говорить об объективности в этих случаях не приходится: публикации СББ 1930-х годов презентуют не то, чем был Союз, а скорее то, чем он хотел быть. Впрочем, с точки зрения понимания целей и особенностей идеологии СББ его «юбилейные» издания могут быть весьма полезны современным историкам.

Определенной историографической (как, впрочем, и источниковедческой) значимостью обладают труды руководителей СББ – Е. Ярославского и его заместителя А. Лукачевского. Первый в заключительном томе своего сочинения «Против религии и церкви» дает исчерпывающее представление об образе мыслей «воинствующего безбожника» [42], второй в специальном учебнике для рабочих антирелигиозных кружков характеризует типовые методы

работы союза и приводит массу колоритных примеров из его практики [36].

В послевоенный период академические публикации, специально посвященные Союзу, стали редкостью. Смещение партийного акцента на развитие «научного» атеизма сделало сколь-нибудь серьезный анализ «перегибов» 1920–1930-х годов проблематичным как с идеологической, так и с этической точек зрения. Единственной более-менее развернутой работой, посвященной истории СВБ, стала статья Б.Н. Коновалова, в которой автор относительно академично (по сравнению со своим предшественниками) нарисовал общую картину развития Союза, постаравшись избежать идеологически неприемлемых сюжетов [14]. Он же, а также В. Мазохин впоследствии подготовили для журнала «Наука и религия» заметки по поводу 40- и 50-летнего юбилеев СВБ, в которых отразили господствовавший в СССР взгляд на пропаганду атеизма как важную составляющую культурной революции [15; 19].

Деятельности СВБ закономерно касались биографы руководителя Союза Е. Ярославского [27; 37], а также авторы, изучавшие положение религиозных организаций в СССР в условиях распространения атеизма [см., напр.: 3; 9; 20]. И у тех, и у других можно обнаружить ряд интересных фактов, однако в целом их работы мало что дают с точки зрения понимания феномена СВБ и его роли в общественно-политической / культурной истории СССР. С одной стороны, советские авторы 1950–1980-х годов не имели возможности пользоваться множеством архивных документов, основывали свои работы на «парадных» материалах т.е. газетных публикациях и официальных отчетах, завышавших успехи «безбожников» в борьбе с конфессиональной культурой и лакировавших реальные практики. С другой стороны, в данный период практически не было шансов выстроить независимый исследовательский дискурс. Идеологические рестрикции и историческая логика КПСС предопределяли выводы о постепенном восхождении к массовому научному атеизму, а также перманентном совершенствовании партийного руководства антирелигиозной работой. Исследовать реальные причины невысокой эффективности этой работы (не говоря уже о нарушениях конституционного права граждан СССР на свободу совести) было также проблематично. Все эти обстоятельства заставляют считать послевоенные труды по истории атеизма вообще

и о СВБ, в частности, полезными скорее с точки зрения изучения бытовавших в СССР идеологических подходов к религии, чем для понимания реальных явлений 1920–1930-х годов.

СВБ в исследованиях зарубежных историков

Зарубежные историки (преимущественно англоязычные) чаще всего касались прошлого СВБ в контексте общего изучения истории религии в СССР. Интерес к соответствующей проблематике на Западе стал расти в послевоенный период, на фоне увеличения популярности Soviet Studies вообще. Как ни странно, первый труд, в котором западный историк уделил существенное внимание «безбожному» движению, с точки зрения отстаиваемых идей оказался не очень далек от публикаций советских авторов. В частности, американский исследователь Д. Кертис, представлявший «левую» интеллигенцию, в своем труде о взаимоотношениях власти и церкви в советской России взял за основу тезис о «контрреволюционной» деятельности церковных кругов [45]. Опираясь на материалы советской периодики, а также некоторые другие опубликованные источники, Кертис обосновал закономерность «безбожного» движения как естественной реакции защитников революции на деятельность реакционных сил.

Другие западные исследователи, как правило, рассматривали СВБ как часть выстроенной государством антирелигиозной машины, изначально ориентированную на выполнение идеологического заказа. Дж. Дилани в своей статье о происхождении советских антирелигиозных организаций связала особенности СВБ с результатами внутрипартийной борьбы середины 1920-х годов [46]. В. Коларз, Д. Поспеловский и С. Рамет с помощью примеров из истории СВБ демонстрировали методы организации советской антирелигиозной работы [49; 51; 52]. И. Тирадо и Г. Янг представили «безбожие» как государственный инструмент строительства «нового мира» в консервативной деревне [53; 54].

Линию изучения деятельности СВБ как закономерного проявления советской государственной политики продолжил Д. Перис [50]. Как отмечалось в начале работы, он оказался единственным автором, подготовившим объемную монографию о СВБ (в переводе на русский она называется «Штурм небес: советская лига воин-

ствующих безбожников»). Не претендуя на принципиальное изменение сложившихся исследовательских подходов, он тем не менее существенно обогатил научные представления о советском «безбожии», рассмотрев феномен в его разных проявлениях на общесоюзном и региональном уровнях. Кроме документов центрального аппарата СВБ Перис основательно изучил материалы Ярославского и Псковского отделений Союза с тем, чтобы разобраться «как это работало» в условиях разных регионов, вникнуть в специфику местных практик антирелигиозной деятельности. При этом Ярославль выступил для исследователя моделью крупного промышленного центра, а Псков – небольшого провинциального города на окраине России [50, р. 2–4]. В своей книге историк последовательно характеризует изменения государственной политики в отношении религии, которые произошли в России после революции 1917 г.; рассматривает особенности антирелигиозной пропаганды начала 1920-х годов и одновременно – факторы, которые обусловили создание СВБ; анализирует содержание печатных изданий СВБ 1920-х годов с целью понять, каким образом «безбожники» понимали атеизм. Далее Перис обращается к обстоятельствам создания и развития местных отделений СВБ в Ярославле и Пскове, анализирует их практики в контексте общегосударственной политики, исследует вопросы кадрового обеспечения СВБ. Последняя глава работы посвящена «закату» Союза, который связывается автором с изначальной ограниченностью в понимании феномена религии (религия для СВБ – это священники и церкви; упадок организованной церковной жизни в середине 1930-х годов сделал Союз «избыточным» органом пропаганды как в глазах государства, так и в глазах собственных членов). По ходу исследования историк делает весьма тонкие, а порой и парадоксальные выводы. Например, говорит о том, что СВБ отразил «большевистскую» политическую культуру, для которой были характерны максимализм, страсть к количественным показателям и бюрократичность одновременно [50, р. 150–174]. Неожиданным заключением Периса является утверждение о том, что СВБ страдал от «прохладного» отношения (а порой и враждебности) со стороны комсомола, профсоюзов, а также структур, ответственных за народное образование [50, р. 9].

Американский историк практически не исследовал социально-культурные предпосылки феномена «безбожия» 1920–1930-х годов, он редко вспоминает про формально общественный статус СВБ, преимущественно концентрируя внимание на органической связи союза с большевизмом. Тем не менее написанная им книга оказалась наиболее фундаментальным трудом среди написанных до и после ее выхода в 1998 г.

В XXI в. западные историки касались истории СВБ лишь мимоходом. Например, деятельность организации кратко рассматривается П. Фрозом в контексте истории насильственной секуляризации в СССР [47], а также З. Нокс в исследовании обсуждения трансформации религиозной жизни советских граждан после революции 1917 г. [48]. Наконец, автор объемного труда по истории советского атеизма (издан на английском языке в 2018 г. и на русском в 2021 г.) В. Смолкин уделяет лишь несколько страниц анализу риторики и деятельности СВБ и его председателя, как и большинство западных авторов рассматривая Союз исключительно в качестве государственного инструмента атеизации населения [32, p. 109–116, 119–120].

СВБ в постсоветской историографии

В первые постсоветские годы в отечественной историографии произошли фундаментальные сдвиги. Стремление преодолеть последствия идеологического диктата КПСС вкупе с «архивной революцией» резко поменяли отношение исследователей к профессиональной истории: из полумаргинальной области она превратилась в одно из наиболее популярных полей для исследования. В начале 1990-х годов в свет выходит ряд работ М.И. Одинцова [23], В.А. Алексеева [1], О.Ю. Васильевой [8], посвященных проблемам церковно-государственных отношений и фактически «задавших тон» для последующих исследований. Ключевой проблемой для них становится проблема гонений на церковь и верующих, а центральной для исследовательской практики оказывается тематика репрессий, чему в заметной степени способствует выход в 1995 г. на русском языке монографии сторонника концепции тоталитаризма Д. Поспеловского [26]. Соответственно, СВБ, упоминаемый в большинстве постсоветских трудов по истории государ-

ственно-церковных отношений в СССР 1920–1930-х годов, выступает олицетворением государственного курса на грубую антирелигиозную пропаганду и быстрое подавление проявлений конфессиональной культуры. Доведенная до крайности, эта позиция приводит к идее о Союзе как «воплощении зла», характерной, например, для подготовленного в 1994 г. А. Нежным сборника с характерным названием «Комиссар дьявола» [21]. Работе свойственен упрощенный черно-белый подход к оценке неоднозначных процессов в довоенном СССР и явная политическая ангажированность, что делает ее в чем-то похожей на советские издания 1930-х годов.

Говоря о более взвешенных и академичных работах конца XX в., следует упомянуть небольшую статью Н.Б. Лебиной, в которой известная исследовательница повседневности рассмотрела историю репрессий в отношении Ленинградской организации союза во второй половине 1930-х годов. Автором прослеживаются судьбы руководителей местной организации СВБ и делается вывод о катастрофическом падении уровня работы ленинградских ячеек из-за прихода на место репрессированных новых, малоподготовленных атеистов из среды партийных и комсомольских работников [17, с. 156–157]. В традициях «культурной истории» выполнена статья И.Н. Дониной, которая обратилась к автобиографиям ленинградских «безбожников» с целью изучения влияния новых советских дискурсов на общественную психологию [10]. В этой работе через призму истории СВБ фактически рассматриваются усилия власти по замене старых конфессионально ориентированных норм новыми атеистическими и указывается на одно из последствий этой политики – рост напряженности в семейной жизни обычных граждан.

В первое десятилетие XXI в. небольшой цикл статей о деятельности СВБ подготовил тамбовский историк А.А. Слезин [29; 30; 31]. Давая общую характеристику Союзу как инструменту государственной политики подавления, он уделяет основное внимание методам работы «безбожников», а также реакции на них населения. Слезин утверждает, что активисты СВБ боролись не столько с идеей Бога, сколько с «контрреволюционной силой» и старым мировоззрением вообще, но при этом дает довольно низкую оценку эффективности их деятельности: «с помощью экстре-

мистских действий безбожники внедряли отнюдь не атеистические убеждения, а вызывали страх и озлобленность в верующих» [29, с. 134]. В статье, посвященной организации антирелигиозных праздников в 1920-е годы, историк также проводит мысль о том, что задачи СВБ не исчерпывались антирелигиозной работой. Он показывает, что возможность «безбожников» демонстративно и безнаказанно «попирать» старую культуру порождала в советском социуме представление об особом положении комсомольцев и коммунистов с одной стороны, и о бесправии священнослужителей и верующих – с другой. Это, в свою очередь, формировало психологию вседозволенности по отношению к «социально-чуждым» и готовило общество к массовому участию советских граждан в борьбе с «врагами народа» [31, с. 90].

В 2007 г. была защищена единственная на сегодняшний день кандидатская диссертация, целиком посвященная истории СВБ [25]. Ее автор – С.В. Покровская – в некоторой степени ориентировалась на положения и выводы, предложенные в охарактеризованном выше труде Д. Периса. В диссертации рассмотрены основные этапы истории союза, его структура, численность и социально-профессиональный состав, в общем виде охарактеризованы формы и методы антирелигиозной пропаганды, позиции руководителей Союза. Есть в диссертации небольшой, но интересный (и весьма редкий) сюжет о взаимодействии СВБ с представителями зарубежных организаций «свободомыслящих».

Различные подходы лидеров партии большевиков к организации антирелигиозной работы, а также проявления этих подходов в деятельности СВБ 1920-х годов проанализированы в статье Е.М. Лучшева, опубликованной в 2012 г. [18]. Здесь же можно прочитать о спорах в среде «безбожников» относительно желательного уровня централизации Союза и особенностях работы издательства «Безбожник».

Основной тенденцией развития историографии СВБ в последнее десятилетие стал рост исследовательского интереса к деятельности его ячеек в разных регионах СССР. В частности, в последние годы вышли статьи о «безбожниках» в Ростове [35; 39], Горьковской области [5; 6], Чувашии [11; 12], Саратовском Поволжье [41], на Урале [16; 43], в Подмоскovie [22]. Появились публикации об антирелигиозной работе СВБ в регионах с пре-

имущественно неправославным населением – Татарстане [33], Казахстане [4], Бурятии [28; 38]. Как правило, это небольшого объема статьи или материалы конференций, в которых авторы с опорой на местные архивные документы кратко характеризуют основные вехи становления и развития местных ячеек СВБ. Обычно рассматриваются вопросы численности местных отделений, описываются направления их работы в том виде, в каком они представлялись в официальных постановлениях, перечисляются формы и методы антирелигиозной деятельности. Результаты работы ячеек чаще всего характеризуются довольно формально – в виде статистики привлеченных членов, проведенных лекций, изданных / распространенных брошюр и т.п. Иногда исследователями просто характеризуются отдельные эпизоды из истории местных отделений СВБ, см., напр.: [7; 34]. Среди публикаций, в которых явно выражено авторское стремление к критическому анализу рассматриваемых документов, можно выделить «свежую» статью В.В. Никонина о деятельности кружков СВБ в восточном Подмоскowie. Содержание документов местных ячеек союза сопоставляется в ней с оценками «безбожной» работы, дававшимися местными партийными инстанциями. В результате автором делается вывод о низкой эффективности СВБ в Подмоскowie и преобладании «декоративных» функций Союза над сугубо практическими [22].

Нередко в статьях историков из российских регионов можно встретить колоритные зарисовки «безбожного» быта или выдержки из документов, отражающих дух времени. Например, тот же В.В. Никонин пишет про сельского учителя из Бронницкого уезда, совмещавшего работу в «безбожной» ячейке с чтением «апостола» и пением в церкви [22, с. 62]. А.В. Сушко представляет колоритные детали плана «антирелигиозного наступления-похода» Омской городской организации СВБ по случаю «великого перелома» 1929 г. [34, с. 192–194].

Публикации, подготовленные на основе региональных материалов, несомненно, дают определенное представление о специфике функционирования местных отделений СВБ в Советском Союзе. Однако в большинстве случаев это представление довольно поверхностное: объем и содержание соответствующих работ дает возможность говорить лишь о взгляде «в первом приближении».

Что можно сказать по итогам общего обзора литературы, посвященной истории СВБ? Прежде всего следует отметить пока еще сохраняющуюся несоразмерность российской историографии данной проблемы той заметной роли, которую Союз сыграл в отечественной истории. Наиболее серьезным научным трудом о нем до сих пор остается монография Д. Периса, изданная 25 лет назад в США. В России, несмотря на характерный для постсоветской гуманитарной науки интерес к конфессиональной истории, публикации такого масштаба отсутствуют, и первые десятилетия XXI в. в этом смысле «прорывными» не стали.

История СВБ, конечно, не забыта. Анализ литературы оставляет впечатление растущей популярности этой темы у исследователей. Заметное количество статей о деятельности Союза в разных регионах СССР, появившихся в последнее десятилетие, дает надежду на появление обобщающих трудов в обозримой перспективе. В то же время содержание большинства имеющихся публикаций выглядит относительно однотипным. Обычно историки обращаются к проблемам организации работы СВБ, формам и методам антирелигиозной пропаганды. При этом деятельность Союза как в России, так и на Западе исследуется в рамках институционального (государствоцентричного) подхода: общественная организация фактически рассматривается как инструмент в руках атеистического государства. Большинство авторов предлагает читателю следующую схему: в результате революционных преобразований в России установилась власть, поставившая перед собой задачу искоренения религиозных «пережитков» и создания «нового мира». Отделение школы от церкви, законодательные запреты на внецерковную религиозную деятельность, а также репрессивные меры в отношении священнослужителей и церковного актива не могли обеспечить нужного результата по «расцерковлению» населения. Государству требовался мощный инструмент антирелигиозной пропаганды (а заодно и культурной революции в целом), которым и стал СВБ. Соответственно, история этой организации рассматривается в тесной взаимосвязи с динамикой государственной политики 1920–1930-х годов, а основным предметом исследования становится организация антирелигиозной работы.

С этой исследовательской логикой трудно поспорить – она выглядит совершенно естественной. Но – не единственно возмож-

ной. СВБ все-таки был общественной организацией, членство в нем было добровольным. Трудно поверить, что почти все члены союза (огромное количество граждан) оказались записаны в «безбожники» принудительно, а многочисленные публикации были лишь результатом механического тиражирования антирелигиозных текстов из Москвы. Масштаб организации заставляет искать в феномене СВБ не только реализацию политических установок государства, но и отражение фундаментальных духовных процессов. Таковые имели место не только в молодой советской России, но и в поздней Российской империи и были связаны с разочарованием части населения в церковных порядках, а где-то – религии вообще. Думается, что чрезмерный оптимизм СВБ не мог не иметь определенных оснований в виде поддержки (пусть и ограниченной) «безбожных» идей в массах, а местные отделения опирались не только на конъюнктурные соображения, но и энтузиазм определенной части своих членов, считавших борьбу с религией правильным начинанием. Предпосылки и мотивы деятельности таких «убежденных» граждан изучены довольно слабо, что делает отражение истории Союза в зеркале отечественной историографии довольно однобоким. История СВБ как организации, фактом своего существования отразившей некоторые сдвиги в сфере общественного сознания в первые десятилетия XX в., и фактическое расцерковление части отечественного социума, пока не написана. Соответственно, думается, что параллельное изучение «государственного» и собственно «общественного» начал в истории СВБ, частичный отход от государствоцентричного подхода в пользу историко-антропологического пошли бы на пользу отечественной историографии. Будущий обобщающий труд по истории Союза, наряду с характеристикой антирелигиозных взглядов большевиков, обязательно должен содержать сюжеты об особенностях «расцерковления» масс, происходившего вне зависимости от революционных событий 1917 г.

Еще одна проблема историографии СВБ – изучение его истории как некоей «вещи в себе», отсутствие исследовательских параллелей между сообществом «безбожников» СССР и агентами секуляризации в других странах. В конце XIX – начале XX в. в Европе появилось довольно много антирелигиозных организаций с точки зрения своей идеологии более или менее близких СВБ (в

1925 г. многие из них объединились в Интернационал свободомыслящих пролетариев). Ярко проявили себя мексиканские «безбожники» во время знаменитой «Войны кристерос» 1926–1929 гг. Вписать прошлое Союза воинствующих безбожников СССР в общий контекст мирового «безбожного» движения, провести международные параллели значило бы существенно расширить представления о СББ, увидеть в нем не только продукт большевистского максимализма, но и отражение эпохи.

Список литературы

1. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. – Москва : Россия молодая, 1992. – 299 с.
2. Амосов Н.К. Антирелигиозная работа на пороге второй пятилетки. – Москва : ГАИЗ, 1932. – 48 с.
3. Атеизм в СССР: становление и развитие / Академия обществ. наук при ЦК КПСС, Ин-т науч. атеизма ; редкол.: А.Ф. Окулов и др. – Москва : Мысль, 1986. – 238 с.
4. Березин М.А. «Штурм небес»: деятельность Союза воинствующих безбожников в Северном Казахстане в предвоенные годы // Церковь. Богословие. История. – 2022. – № 3. – С. 104–114.
5. Варакин С.А. Союз воинствующих безбожников накануне и в годы Великой Отечественной войны (на материалах Горьковской области) // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – URL: <http://www.science-education.ru/120-16577> (дата обращения 12.01.2023 г.).
6. Варакин С.А. Деятельность Союза воинствующих безбожников среди крестьянства в начале 1930-х годов (на материалах Нижегородского края) // Клио. – 2018. – № 4(136). – С. 114–119.
7. Варакин С.А. «Школу нужно превратить в маяк воинствующего безбожия...»: антирелигиозная работа Союза воинствующих безбожников в советской школе в начале 1930-х годов (на материалах Нижегородского края) // Современная научная мысль. – 2020. – № 1. – С. 54–60.
8. Васильева О.Ю. Русская православная церковь и советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории. – 1993. – № 8. – С. 40–54.
9. Воронцов Г.В. Ленинская программа атеистического воспитания в действии (1917–1937 гг.). – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 174 с.
10. Донина И.Н. «Автобиографии безбожников» как вид массового источника по социальной психологии рубежа 1920–1930-х годов (по материалам рукописного отдела Государственного музея истории религии) // Клио. – 1998. – № 3. – С. 58–66.
11. Евдокимова А.Н. Роль Союза воинствующих безбожников в борьбе с православными праздниками в Чувашской республике в 20–30-е годы // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские

- чтения : сб. трудов Всероссийской научной конф. / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : Среда, 2019. – С. 197–202.
12. Евдокимова А.Н., Лянкина А.Л. Деятельность Союза воинствующих безбожников по распространению антирелигиозной печати в Чувашии в 1920–1930-е годы (постановка проблемы) // Вестник Чувашского ун-та. – 2020. – № 2. – С. 15–25.
 13. Калинин В. Динамика роста и социального состава СВБ // Воинствующее безбожие за 15 лет. 1917–1932 : сборник / под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. – Москва : ОГИЗ-ГАИЗ, 1932. – С. 344–355.
 14. Коновалов Б.Н. Союз воинствующих безбожников // Вопросы научного атеизма. – 1967. – Вып. 4. – С. 63–93.
 15. Коновалов Б. Союзу воинствующих безбожников – 60 лет // Наука и религия. – 1985. – № 12. – С. 19–20.
 16. Куренбина О.А., Скотникова Е.А. Союз воинствующих безбожников 1920-х годов : аспекты памяти // Историко-педагогические чтения. – 2019. – № 23. – С. 216–219.
 17. Лебина Н.Б. Деятельность «воинствующих безбожников» и их судьба // Вопросы истории. – 1996. – № 5/6. – С. 154–157.
 18. Лучшее Е.М. Союз воинствующих безбожников СССР: создание, начало деятельности // Труды Государственного музея истории религии. – 2012. – № 12. – С. 189–207.
 19. Мазохин В. Рука об руку: 50 лет со времени образования Союза воинствующих безбожников // Наука и религия. – 1975. – № 6. – С. 52–54.
 20. Маят Е.В., Ульянов Г.В. Атеисты за работой. – Москва : Советская Россия, 1966. – 102 с.
 21. Нежный А. Комиссар дьявола : сборник о подавлении религии в России при Советской власти. – Москва : Протестант, 1993. – 269 с.
 22. Никонов В.В. Деятельность Союза воинствующих безбожников на территории восточного Подмосковья в 1920–1930-е годы // Ученые записки Орловского гос. ун-та. – 2022. – № 3(96). – С. 61–67.
 23. Одинцов М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений 1917–1938 гг.). – Москва : Знание, 1991. – 63 с.
 24. Олещук Ф.Н. Х лет Союза воинствующих безбожников. – Москва : ОГИЗ-ГАИЗ, 1936. – 80 с.
 25. Покровская С.В. Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность (1925–1947) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2007. – 38 с.
 26. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – Москва : Республика, 1995. – 511 с.
 27. Савельев С.Н. Емельян Ярославский – пропагандист марксистского атеизма. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 104 с.
 28. Синицын Ф.Л. Антибuddийская деятельность Союза воинствующих безбожников (1925–1941) // Информационная безопасность регионов. – 2012. – № 1(10). – С. 153–157.

29. Слезин А.А. Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-годов // Вопросы истории. – 2005. – № 9. – С. 129–135.
30. Слезин А.А. Роль союза безбожников в реализации государственной политики в отношении религии (1924–1929 гг.) // Вестник Калининградского юридического ин-та МВД России. – 2009. – № 2(18). – С. 85–90.
31. Слезин А.А. Антирелигиозные праздники 1920-х годов // Вопросы истории. – 2010. – № 12. – С. 82–91.
32. Смолин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 552 с.
33. Сулейманов Р.Р. Союз воинствующих безбожников в Татарской АССР в 1920-е годы // Мусульманский мир. – 2015. – № 2. – С. 16–52.
34. Сушко А.В. «В основу антирелигиозного наступления должно быть положено всестороннее и коренное оживление деятельности безбожной организации...»: план антирелигиозного наступления-похода Омской городской организации Союза Воинствующих Безбожников с 15/XII-29 г. по 15/II-1930 г. // Вестник Омского ун-та. Серия Исторические науки. – 2019. – № 1(21). – С. 189–195.
35. Табунщикова Л.В. Союз воинствующих безбожников на Донской земле: вехи истории (1929–1941 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12–1(86). – С. 172–176.
36. Учебник для рабочих антирелигиозных кружков / под ред. А.Т. Лукачевского ; с предисл. Е.М. Ярославского. – 3-е изд. доп. и испр. – Москва : Безбожник, 1929. – 336 с.
37. Фатеев П.С. Емельян Михайлович Ярославский. – Москва : Мысль, 1980. – 112 с.
38. Цыремпилова И.С. Опыт и практики антирелигиозной работы в 1920–1930-е гг. на территории Байкальского региона (по материалам деятельности Союза воинствующих безбожников) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2013. – № 4(12). – С. 50–58.
39. Шадрин А.В. Союз воинствующих безбожников в документах Центра документации Новейшей истории Ростовской области // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XVI Международной научной конференции : в 2 ч. – Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2017. – С. 490–496.
40. Шишаков В. Союз воинствующих безбожников (1925–1931 гг.) // Воинствующее безбожие за 15 лет. 1917–1932 : сборник / под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. – Москва : ОГИЗ-ГАИЗ, 1932. – С. 323–339.
41. Яковлева Ж.В. Организации Союза воинствующих безбожников Саратовского Поволжья в антирелигиозной кампании 1930-х годов // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 3–2(27). – С. 85–104.
42. Ярославский Ем. Против религии и церкви. Т. 4. За преодоление религии. – Москва : ОГИЗ-ГАИЗ, 1935. – 419 с.

43. Яшина М.А. Роль «Союза безбожников» в антирелигиозной политике советского государства в 1920–1930-е годы: на материалах Урала // Известия Алтайского государственного ун-та. – 2013. – № 4–2(80). – С. 104–108.
44. XV лет Союза воинствующих безбожников СССР: стеногр. отчет торжеств. собрания / Центр. совет Союза воинств. безбожников СССР. – Москва : ГАИЗ, 1940. – 32 с.
45. Curtiss J. The Russian Church and the Soviet State. – Boston : Little, Brown, 1953. – 387 p.
46. Delaney J. The Origins of Soviet Antireligious Organizations // Aspects of Religion in the Soviet Union, 1917–1967 / R. Marshall (ed.). – Chicago : Univ. of Chicago press, 1917. – P. 103–130.
47. Froese P. Forced Secularization in Soviet Russia: Why an Atheistic Monopoly Failed // J. for the Scientific Study of Religion. – 2004. – Vol. 43, N 1. – P. 35–50.
48. Knox Z. Russian Religious Life in the Soviet Era // The Oxford Handbook of Russian Religious Thought / Ed. by C. Emerson, G. Pattison, R.A. Poole. – Oxford : Oxford univ. press, 2020. – P. 60–75.
49. Kolarz W. Religion in the Soviet Union. – London : Macmillan, 1961. – 518 p.
50. Peris D. Storming the heavens the Soviet League of the Militant Godless. – New York : Cornell univ. press, 1998. – 237 p.
51. Pospelovsky D.A. A history of soviet atheism in theory, practice and the believer : 3 vol. Vol. 1. A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Antireligious Policies. – New York : St. Martin's Press, 1987. – XVII, 189 p.
52. Religious policy in the Soviet Union / Ed. by Sabrina Petra Ramet. – Cambridge : Cambridge univ. press, 1993. – 361 p.
53. Tirado I. The Revolution, Young Peasants, and the Komsomol's Antireligious Campaigns (1920–1928) // Canadian-American Slavic Studies 26. – 1992. – N 1/3. – P. 97–117.
54. Young G. Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village. – University Park : Pennsylvania State univ. press, 1997. – 307 p.

УДК: 303.929; 94(47).084.3–5; 94(510).091–92

DOI: 10.31249/hist/2023.03.07

ВОЛКОВА И.В.* ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРОБЛЕМЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СССР С ГОМИНЬДАНОМ В 1923–1942 гг.

Аннотация. В обзоре проанализированы работы отечественных исследователей по различным аспектам военно-политического сотрудничества СССР с Гоминьданом в 1923–1942 гг. Рассмотрена эволюция концептуальной основы оценки советской политики в отношении Китая в указанный период от классового подхода к геополитическому. Изменение научных взглядов от позиции интернационализма мирового революционного и коммунистического движения к многофакторному анализу системы международных отношений.

Ключевые слова: советско-китайские отношения; военное-политическое сотрудничество СССР и Китая; Гоминьдан; революционное движение в Китае 1923–1927 гг.; японо-китайская война 1937–1945 гг.; Коминтерн и Гоминьдан.

VOLKOVA I.V. National historiography on the problem of military and political cooperation of the USSR with the Kuomintan in 1923–1942

Abstract. The review analyzes the work of domestic researchers on various aspects of the military-political cooperation between the USSR and the Kuomintang in 1923–1942. The evolution of the conceptual basis for assessing the Soviet policy towards China from the class

* © Волкова Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, методист факультета среднего профессионального образования ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО «АмГПУ»); mlee1992@mail.ru

approach to the geopolitical one is shown. Changing scientific views from the position of internationalism of the world revolutionary and communist movement to a multifactorial analysis of the system of international relations.

Keywords: Soviet-Chinese relations; military-political cooperation between the USSR and China; the Kuomintang; the revolutionary movement in China in 1923–1927; the Japanese-Chinese war in 1937–1945; the Comintern and the Kuomintang.

Для цитирования: Волкова И.В. Отечественная историография о проблеме военно-политического сотрудничества СССР с Гоминьданом в 1923–1942 гг. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 3. – С. 153–167. – DOI: 10.31249/hist/2023.03.07

Первая половина XX в. стала периодом усиленного внимания СССР к дальневосточному направлению внешней политики, в котором существенная роль отводилась выстраиванию отношений с Китаем. В течение 1923–1942 гг. характер связей Москвы и Гоминьдана дважды претерпевал резкие изменения: от всесторонней поддержки с 1923 г. в гражданской войне в Китае до резкого идеологического конфликта в 1927 г., и от сближения стратегических интересов в 1937 г. в обстановке начала японо-китайской войны 1937–1945 гг. до фактического свертывания сотрудничества в 1941–1942 гг. Отечественной историографией был накоплен большой объем трудов, разносторонне характеризующих развитие советско-китайского сотрудничества в 1923–1942 гг., различающихся по своей методологической и концептуальной основе.

В советской историографии (1920-е – начало 1990-х годов) курс СССР в отношении Гоминьдана оценивался с позиций «интернационализма» и поддержки мирового революционного, коммунистического и антиимпериалистического движения, помощи «прогрессивным» политическим силам Китая, боровшимся за национальную независимость. Приоритетное внимание при этом уделялось Коммунистической партии Китая (КПК).

Первые аналитические работы, касающиеся политики СССР в отношении Гоминьдана, были опубликованы в конце 1920-х годов. Свой взгляд на развитие национально-революционного движения в Китае, причины кризиса советско-китайских отношений и

«поражения китайской революции» представили видные деятели ВКП(б) и Коминтерна. Поскольку появление данных работ было тесно связано с обострением фракционной борьбы в ВКП(б), для авторов на этом этапе характерна острая поляризация мнений. Так, Л.Д. Троцкий указывал на необходимость скорейшего образования Советов в Китае и связывал проблемы революционного движения в этой стране с недостаточным вовлечением в него рабочих и крестьянских организаций [1, с. 43]. Его оппоненты из правящей группы в ВКП(б) – М.Г. Рафес, П.А. Миф, Л.И. Мадьяр и др., напротив, настаивали на сохранении единого фронта и постепенной переориентации Гоминьдана на прокоммунистические позиции путем поэтапного отсека наиболее консервативных элементов [24; 27; 32].

Дискуссии конца 1920-х годов по китайскому вопросу и стратегии развития мирового революционного движения отличались тенденциозностью и постепенно превратились в один из инструментов подавления внутрипартийной оппозиции. С поражением последней в советской историографии надолго установилась общая линия на игнорирование ошибок Кремля, Коминтерна по отношению к Гоминьдану, а также объяснение провала советского курса в Китае изменой Чан Кайши и нерешительностью КПК.

Данная тенденция отчетливо прослеживается в работах Б.Г. Сапожникова, посвященных истории гражданской войны в Китае [34; 35]. Не касаясь непосредственно темы советского участия в конфликте, он проанализировал события 1924–1927 гг. в Китае и пришел к выводу о поражении там революционного движения вследствие усиления классовых противоречий в едином фронте. Политика Чан Кайши с 1927 г. рассматривалась им с позиций «измены революции» и «буржуазной реакции», а единственным выразителем интересов большинства населения Китая представлялась КПК.

В 1950–1980-х годах вышли монографии обзорного характера по истории международных и советско-китайских отношений М.С. Капицы, Н.Г. Севостьянова, В.Я. Сиполса, М.А. Дубинского [15; 16; 36; 38]. Вопросам внешнеэкономических связей Китая была посвящена работа М.И. Сладковского [40]. Общим для этих исследований являлось отсутствие параллелей между политикой СССР в отношении революционного движения и изменениями

внутриполитической обстановки в Китае. Сквозным мотивом для обоснования советской помощи «китайскому народу» служила идея интернационализма и пролетарской дружбы.

Серьезным шагом к осознанию внутренних мотивов сближения Москвы и Кантона в 1920–1930-е годы стала работа Р.А. Мировицкой [26]. Исходя из анализа интересов Гоминьдана и СССР, она увидела совместную заинтересованность обеих сторон в сильном независимом Китае. По мнению Мировицкой, это объясняло, почему и после смерти Сунь Ятсена в 1925 г. сотрудничество не было немедленно свернуто, а продолжалось до тех пор, пока разрыв не был предопределен усилением в Гоминьдане правых сил.

Взаимодействие СССР и Гоминьдана в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. получило отражение в работах Б.А. Бородина, А.Г. Яковлева, Б.Г. Сапожникова, а также коллективном труде «Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа» [6; 7; 35; 56]. В них была восстановлена картина вторжения императорских войск в Китай, формирования единого антияпонского фронта. Особое внимание уделено организации и осуществлению военно-технической помощи СССР Национальному правительству, в том числе деятельности советских военных советников и летчиков, а также действий Москвы и Нанкина на международной арене. Общим в этих работах стало противопоставление корыстных интересов Японии, Франции, США и Великобритании к Китайской Республике и интернационалистической внешней политики Советского Союза. Агрессия Японии в отношении Китая напрямую связывалась с политикой «умиротворения» Токио, попустительства его экспансии со стороны Западной Европы и США. Действия Кремля, напротив, объяснялись с позиций борьбы за мир и оказания помощи «братскому народу», ставшему жертвой нападения страны Восходящего солнца. Большое значение придавалось советско-китайскому договору о ненападении 1937 г. и формированию единого антияпонского фронта Гоминьдана и КПК. Эти события оценивались как ключевые факторы, способствовавшие стремительному сближению Москвы и Нанкина, и как доказательство соблюдения Кремлем союзнических обязательств в части невмешательства во внутренние дела Китая.

Отдельно следует выделить публикации Ю.В. Чудодеева и Г.В. Астафьева [2; 47; 48], раскрывающие вопросы о размерах, формах и способах оказания Советским Союзом военной помощи Китаю на начальном этапе японо-китайской войны 1937–1945 гг. По мнению авторов, именно Москва предоставила наиболее существенную поддержку Национально-революционной армии (НРА), в то время как западноевропейские державы и США были более заинтересованы в сохранении экономических связей с Токио. Ю.В. Чудодеев также подчеркивает исключительную значимость деятельности в Китае советских летчиков-добровольцев, отмечая, что они приняли на себя основной удар численно превосходящих ВВС Японии [46].

В целом советской историографией накоплено большое количество материала о сотрудничестве СССР и Гоминьдана в военной и политических сферах, однако оно получило идеологизированную, преимущественно, одностороннюю оценку. Внимание исследователей концентрировалось на деятельности Чан Кайши и политических процессах, протекавших в Китае, в то время как влияние СССР на них по большей части оставалось нерассмотренным. После окончания в конце 1920-х годов дискуссий в ВКП (б) и ИККИ о внешнеполитической стратегии Кремля в отношении Гоминьдана в отечественной историографии утвердился тезис об обусловленности действий Москвы защитой общественного блага, отстаивания «интересов китайского народа». Не получили освещения роль Исполкома Коминтерна и советских политических инструкторов в расколе Гоминьдана и единого фронта в 1927 г., влияние фракционной борьбы в ВКП (б) на формирование советского внешнеполитического курса, геополитические интересы СССР на Дальнем Востоке в 1923–1942 гг. (прежде всего в северо-восточных провинциях Китая, Синьцзяне и Внешней Монголии).

Современная российская историография (1990-е годы – по настоящее время) отличается иной методологией исследований, для которой характерен широкий спектр подходов к изучению советско-китайского сотрудничества в 1920–1930-е годы. Главной ее чертой является поиск во внешнеполитической концепции СССР в отношении Китая геополитических мотивов. Взаимодействие двух государств воспринимается как составляющая сложной многофакторной системы международных отношений.

Примером нового методологического подхода к истории международных отношений в Дальневосточном регионе являются труды А.Д. Воскресенского и коллектива авторов под руководством А.Д. Богатурова [8; 21; 39]. В них создана модель сложной системы международных отношений, равновесие в которой зависит от комплекса внутренних и внешних факторов. Концепция многофакторного равновесия А.Д. Воскресенского представляет историю развития советско-китайских отношений как целостный процесс, каждый этап которого неразрывно связан с предыдущим и оказывает прямое влияние на последующий. Контакты двух стран рассматриваются в широкой исторической перспективе с учетом баланса сил в регионе и геополитических интересов СССР, Китая, Японии, США и западноевропейских держав. Это дает возможность точнее воссоздать последовательность исторических событий и выявить мотивы, обуславливавшие периоды сближения и расхождения позиций Советского Союза и Китайской Республики.

Применительно к этапу советско-китайского сближения в 1920-е годы в политической сфере следует выделить труды Н.Л. Мамаевой, А.В. Панцова, М.В. и В.М. Крюковых. Данные исследования поднимают проблематику роли СССР в стратегии Гоминьдана, эволюции внешнеполитических приоритетов последнего и отношения его к теории и политической практике международного коммунистического движения, влияния Коминтерна на национально-революционное движение в Китае и т.д.

В работе Н.Л. Мамаевой обращает на себя внимание критический подход к оценке политики, реализуемой Коминтерном в Китае [25]. Автор отошла от концепции, возлагавшей вину за распад в 1927 г. единого фронта и последующий разрыв сотрудничества с Москвой исключительно на Чан Кайши. Она сделала вывод о формировании в руководстве СССР и Гоминьдана неидентичных подходов к теории и практике революции. Ситуация усугублялась переоценкой Москвой своего влияния на внутривосточные процессы в Китае, а также отсутствием последовательной программы действий в самом Коминтерне. Все это привело к постепенному накоплению взаимных претензий. Попытка радикализации массового движения, предпринятая Коминтерном без учета программных установок Гоминьдана, была негативно воспринята руководством последнего. Н.Л. Мамаева делает акцент на том, что

прекращение сотрудничества Гоминьдана и СССР напрямую зависело от различий в сформированных ими моделях революции, однако в целом опыт Китая показал эффективность взаимодействия национально-революционного и коммунистического движений.

Дальнейшее развитие современных подходов к проблеме советско-китайского сотрудничества продемонстрировала работа А.В. Панцова [31]. Указывая на классовый характер политики СССР, автор подчеркивает, что декларируемый Москвой курс на поддержку Кантона на практике трансформировался в стремление через КПК и Коминтерн добиться установления в Китае просоветского режима. Этот процесс был связан с изменением в руководстве ВКП(б) подхода к национальной революции. Следствием попытки Кремля осуществить коммунизацию Гоминьдана стало выступление Чан Кайши 20 марта 1926 г. Таким образом, кризис советско-китайских отношений 1927 г. был обусловлен неучтенным в Москве стремлением Чан Кайши к проведению независимой политики. При этом в отличие от Н.Л. Мамаевой, А.В. Панцов не склонен видеть противоречий в действиях ИККИ и ВКП(б), расценивая Коминтерн в качестве теневого инструмента Кремля, осуществлявшего те направления внешнеполитического курса, которые не укладывались в официально декларируемую линию Москвы.

М.В. и В.М. Крюковы, обратившись к архивным документам России, Китая, США, Англии, Японии и Германии, проследили изменения внешнеполитической доктрины Кремля, ее целей и методов реализации [22]. Авторы доказывают, что в 1917–1926 гг. идея мировой революции как конечной цели советской внешней политики была пересмотрена в пользу защиты государственных интересов СССР. Неудачи Москвы в диалоге с Гоминьданом были связаны с отсутствием последовательной программы действий, негативным влиянием внутрипартийной борьбы в ВКП(б), ориентацией НКВД на силовые методы, пренебрежительным отношением к мнению противоположной стороны.

Кроме того, в современных исследованиях отчетливо намечилось изменение подхода к оценке личности Чан Кайши. Так, академик С.Л. Тихвинский раскрывая политическую историю Китая и его контактов с СССР на основе анализа биографий Чжоу Эньлая и Сунь Ятсена, сделал акцент на противопоставлении их

«преданности идеалам революции» реакционной политике Чан Кайши, основанной на антисоветских и антикоммунистических лозунгах [42]. Однако в работах Ю.М. Галеновича прослеживается иной подход [9]. На основе анализа биографии и менталитета лидера ГМД он пришел к выводу, что переход Чан Кайши на антикоммунистические позиции был продиктован стремлением к защите партийных интересов Гоминьдана, к построению сильного и независимого Китая.

Российская историография не обошла вниманием и сотрудничество СССР с Гоминьданом в военной сфере. В частности, А.И. Картунова рассмотрела военный аспект политики ВКП(б) и Коминтерна как неотъемлемую часть их общей стратегии в отношении революционного движения в Китае 1923 – июля 1927 г. [17]. Возникновение данного фактора она связала с осознанием Кремлем особого влияния армии на политические процессы в этой стране, невозможности развития революционного движения без опоры на силовые методы. А.И. Картуновой выделены как наиболее эффективные стороны сотрудничества СССР и ГМД в военной сфере (подготовка командных кадров для НРА, разработка планов Восточных и Северного похода), так и проблемные (конфликт между В.К. Блюхером и М.М. Бородиным, колебания Москвы в вопросе о целесообразности и времени начала Северного похода, неэффективность работы Северной группы советских военнополитических советников). Прекращение сотрудничества в военной сфере исследователь связывает, прежде всего, с политическими просчетами: преувеличением «народности» НРА, несвоевременной радикализацией революционного движения и недооценкой военной силы Чан Кайши.

Подготовке кадров для партийных институтов Гоминьдана и НРА посвящены работы Д.А. Спичак, А.Г. Юркевича [41; 51; 52; 53; 54]. В исследованиях А.Г. Юркевича об участии советских специалистов в организации Высшей военной школы Гоминьдана на о. Хуанпу (Вампу) поднята важная проблема влияния школы на характер национально-революционного движения в Китае в 1920-е годы и формирование режима Чан Кайши. Подчеркнуто существенное различие стратегий военного строительства НРА, разработанных советскими военными советниками, и Чан Кайши. Москва делала ставку на внедрение в войска ГМД командных кад-

ров, прошедших специальную и политическую подготовку под руководством советских специалистов, а Чан Кайши – на сосредоточении на базе учебных полков Вампу ударного «ядра» армии. Работы Юркевича позволяют на примере школы Вампу глубже понять внутренние мотивы военной политики, реализуемой советскими советниками в Китае в 1923–1927 гг.

Подробный анализ деятельности органов советской внешней разведки в Китае содержится в монографии В.Н. Усова [44]. Связь групп советских военно-политических советников при Гоминьдане с Коминтерном, ГРУ и ОГПУ являлась неотъемлемой составляющей их работы. Таким образом, данное исследование органично дополняет комплекс трудов, характеризующих сотрудничество СССР и Гоминьдана в 1920-е годы.

Для изучения советско-китайского сотрудничества в области авиации в рассматриваемый период основополагающей работой является монография А.А. Демина [14]. В первой части книги автор прослеживает становление ВВС Китайской Республики и роль в этом процессе материально-технической и иной помощи СССР. Особое внимание уделено вкладу советских летчиков в противостояние с авиацией Японии на начальном этапе японо-китайской войны 1937–1945 гг. Более широко вопросы участия советских военнослужащих в боевых действиях на территории Китая рассматриваются в монографиях А.В. Окорокова [29; 30].

Характерной особенностью постсоветской историографии является усиление внимания к вопросу о сферах влияния на Дальнем Востоке, где пересекались интересы СССР, Китая и Японии. Политика Токио в регионе стала предметом исследования ряда авторов, среди которых следует выделить А.А. Кошкина, Е.А. Горбунова, А.В. Шишова, К.Е. Черевко [11; 12; 18; 19; 20; 45; 49]. Конечно, по-прежнему дискуссионным остается ряд вопросов, таких как проблема происхождения меморандума Танаки или вопрос о роли советско-японского договора о нейтралитете в советско-китайских отношениях [37]. Однако исследования взаимоотношений СССР и Японии стали серьезным шагом в оценке серьезности военной угрозы дальневосточным территориям СССР в 1930-е годы и столкновения интересов Москвы и Токио в Синьцзяне, Маньчжурии и Монголии. В частности в публикациях В.П. Ямпольского дана характеристика обстановки на советско-маньчжур-

ской границе, особое внимание уделено провокациям, организованным японскими спецслужбами в 1930-е годы [57; 58; 59]. Службе русских белоэмигрантов в китайской и японской армии посвящены работы С.С. Балмасова и Е.В. Яковкина [3; 55]. Изучением роли Синьцзяна в советско-китайских отношениях и влияния СССР на политические процессы в Северо-Западных провинциях Китая в первой половине XX в. занят В.А. Бармин [4; 5]. Политике Коминтерна в МНР и «монгольскому вопросу» в развитии контактов Кремля и правительства Чан Кайши посвящена работа С.Г. Лузянина [23]. В монографиях Н.П. Рябченко и А.В. Шубина поднимается дискуссионный вопрос об оценке советско-японских конфликтов на озере Хасан и р. Халхин-Гол, как о прямой военной помощи Китаю со стороны СССР [33; 50].

В настоящее время развивается интерес к рассматриваемой тематике. Следует отметить наличие в современной отечественной периодике работ, посвященных советской внешней политике в отношении Китая в 1920-е годы. В частности в статье Д.И. Герасимова анализируется процесс лавирования СССР между Гоминьданом и КПК в рамках подготовки и функционирования первого единого фронта в период 1918–1927 гг. Автор поднимает вопросы столкновения задач НКВД и Коминтерна в Китае, противоречий советского внешнеполитического курса, выраженных в параллельном стремлении к созданию плацдарма для распространения коммунистических идей и защите собственных геополитических интересов в Азиатском регионе [10].

Однако в большей степени внимание исследователей сосредоточено на военно-политическом сотрудничестве СССР и Гоминьдана на начальном этапе японо-китайской войны. Так в статье Я.Я. Гришина и Б.Г. Ахметкаримова освещены основные аспекты дипломатического взаимодействия и практической реализации поддержки, оказанной СССР Китаю в борьбе с агрессией Японии [13]. И.С. Назаренко поднят важный вопрос о проблемах и противоречиях в советско-китайских отношениях на фоне общего сближения в 1937–1941 гг. Среди обозначенных автором противоречий стремление Москвы и Нанкина к затягиванию двусторонних переговоров и попытки дипломатического диалога с Японией, оказание СССР помощи КПК, находящейся в конфронтации с правительством Чан Кайши, продажа Советским Союзом КВЖД, стремление

Гоминьдана к вовлечению СССР в войну с Японией и др. [28, с. 33–34, 36]. Таким образом, в отечественной историографии продолжается анализ и переосмысление мотивов и процессов во взаимоотношениях СССР и Китая [37].

Подводя итоги следует отметить, что отечественными исследователями успешно разрабатываются проблемы влияния Коминтерна и ВКП(б) на внутривнутриполитические процессы в Китае, негативных факторов в политике Москвы, повлекших кризис советско-китайских отношений в конце 1920-х годов. Изучаются значение армии и Высшей военной школы Вампу в объединении страны под властью Гоминьдана, роль советских военных советников и летчиков в японо-китайской войне. Вместе с тем в современных исследованиях только начат процесс анализа связей между государственными интересами СССР и Китая на Дальнем Востоке и их влияния на развитие двустороннего военно-политического сотрудничества. Дополнительного исследования требуют конкретные параметры, характеристики военно-политической помощи СССР Китаю в период 1923–1942 гг. Сохраняющееся в большинстве работ обособленное рассмотрение советско-китайских контактов в 1920-е и 1930-е годы с проведением хронологической границы либо по распаду единого фронта в 1927 г., либо по конфликту на КВЖД в 1929 г. мешает целостному восприятию механизма внешнеполитических связей СССР и Гоминьдана.

В связи с этим представляется более перспективным рассмотрение двух периодов сотрудничества как целостного и преемственного процесса формирования советской политики в отношении Китая. Первый этап сближения СССР и Гоминьдана приходился на 1923–1927 гг., когда ведущей сферой выступало политическое взаимодействие. Второй период 1937–1942 гг. характеризовался смещением приоритетов в военную область. Данная трансформация курса внешней политики СССР на Дальнем Востоке зависела от изменения баланса сил в регионе и интересов Москвы. На протяжении 1923–1942 гг. позиция СССР в отношении ГМД, первоначально развивавшаяся в русле поддержки мирового революционного движения и, как следствие, взаимодействия на основе близости политических программ, была пересмотрена в пользу стратегического партнерства на базе совместного сопротивления военной угрозе со стороны Японии. Политико-идеологи-

ческая составляющая, доминировавшая в деятельности советских специалистов в Китае в 1920-е годы, в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. уступила место прагматичным методам, направленным на повышение боеспособности вооруженных сил ГМД, обеспечение поддержки в Китае движения сопротивления.

В дальнейшем это открывает перед исследователями не только задачи оценки мотивов сближения, развития и прекращения сотрудничества СССР и Гоминьдана с точки зрения Москвы, но и с позиций сопредельной стороны, а также других участников международных отношений. Это несомненно создает перспективу для дальнейших исследований столь сложной многогранной темы как военно-политическое сотрудничество СССР и Гоминьдана.

Список литературы

1. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927: в 4 т. – Москва : Издательский центр «Терра», 1990. – Т. 2. / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. – 255 с.
2. Астафьев Г.В. Интернациональная помощь СССР Китаю (1917–1945) // Вопросы истории. – 1984. – № 9. – С. 74–82.
3. Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. – Москва : Центрполиграф, 2007. – 559 с.
4. Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях в 1918–1931 гг. // Проблемы Дальнего Востока. – 1999. – № 4. – С. 113–122.
5. Бармин В.А. Синьцзян в истории советско-китайских отношениях в 1931–1934 гг. // Проблемы Дальнего Востока. – 1999. – № 6. – С. 91–103.
6. Бородин Б.А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937–1941 гг. – Москва : Мысль, 1965. – 198 с.
7. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа / К.П. Агеев, П.Н. Бобылев, Т.С. Манаенков [и др.]. – Москва : Воениздат, 1975. – 188 с.
8. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. – Москва : Московский общественный научный фонд : Издательский центр научных и учебных программ, 1999. – 408 с.
9. Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши. – Москва : Муравей, 2000. – 368 с.
10. Герасимов Д.И. Между Гоминьданом и КПК: политика Советского государства в Китае (1918–1927 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. – 2022. – № 5. – С. 14–32.
11. Горбунов Е.А. Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. – Москва : Вече, 2010. – 464 с.

12. Горбунов Е.А. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. – Москва : Вече, 2002. – 512 с.
13. Гришин Я.Я., Ахметкаримов Б.Г. Советско-китайское взаимодействие в борьбе с японскими оккупантами в 1937–1939 гг. // Россия – Китай: история и культура : сб. статей и докладов участников XIV Международной научно-практической конференции, Казань, 11–13 ноября 2021 года. – Казань : Изд-во АН РТ, 2021. – С. 63–70.
14. Демин А.А. Авиация великого соседа : в 2-х кн. – Москва : Фонд содействия авиации «Русские витязи», 2008. – Кн. 1: У истоков китайской авиации. – 544 с.
15. Дубинский А.М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны. 1937–1945 гг. – Москва : Мысль, 1980. – 279 с.
16. Капица М.С. Советско-китайские отношения. – Москва : Госполитиздат, 1958. – 424 с.
17. Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 – июль 1927 г.). – Москва : Ин-т Дальнего Востока РАН, 2001. – 303 с.
18. Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. – Москва : Вече, 2011. – 400 с.
19. Кошкин А.А. Россия и Япония: узлы противоречий – Москва : Вече, 2010. – 480 с.
20. Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 480 с.
21. Кризис и война: международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30–40-х годах / Е.Г. Капустян [и др.] ; отв. ред. А.Д. Богатуров. – Москва : МОНФ, 1998. – 351 с.
22. Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии: первое десятилетие советской политики в Китае : в 2-х т. – Москва : Памятники исторической мысли, 2015. – Т. 2 : 1922–1926. – 608 с.
23. Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. – Москва : Огни, 2003. – 320 с.
24. Мадьяр Л.И. Современное состояние китайской революции: дискуссия в коммунистической академии. – Москва : Изд-во коммунистической академии, 1929. – 84 с.
25. Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. – Москва : РОССПЭН, 1999. – 376 с., илл.
26. Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е годы). – Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 237 с.
27. Миф П.А. Китайская революция. – Москва : Партийное издательство, 1932. – 332 с.
28. Назаренко И.С. Проблемы и противоречия, возникшие в ходе оказания военно-технической помощи Советского Союза Китаю в 1937–1941 гг. // Материалы военно-истор. семинара «Военные конфликты XX в.: история и современность» : сб. статей военно-исторического семинара, Санкт-Петербург, 15 мар-

- та 2022 года. – Санкт-Петербург : ФГКБОУ ВО «МБАА» МО РФ, 2022. – С. 33–38.
29. Околоков А.В. В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. – Москва : Вече, 2013. – 336 с.
30. Околоков А.В. Русские добровольцы. – Москва : Яуза : Эксмо, 2007. – 368 с.
31. Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). – Москва : Муравей-Гайд, 2001. – 456 с.
32. Рафес М.Г. Китайская революция на переломе. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Московский рабочий, 1927. – 224 с.
33. Рябченко Н.П. О Китае и российско-китайских отношениях. – Владивосток : Дальнаука, 2016. – 258 с.
34. Сапожников Б.Г. Китай в огне войны (1931–1950). – Москва : Наука, 1977. – 351 с.
35. Сапожников Б.Г. Первая гражданская революционная война в Китае 1924–1927 гг. Военно-истор. очерк. – Москва : Гос. изд-во политической литературы, 1954. – 100 с.
36. Севостьянов Г.Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны. – Москва : Изд-во социально-экономической литературы, 1961. – 557 с.
37. Сидоров А.Ю. Проблема заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932–1937 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – № 1. – С. 122–138.
38. Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. – Москва : Международные отношения, 1979. – 320 с.
39. Системная история международных отношений : в 4 т. – Москва : Московский рабочий, 2000. – Т. 1 : События 1918–1945 гг. / под ред. Д.А. Боготурова. – 510 с.
40. Сладковский М.И. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. – Москва : Внешторгиздат, 1953. – 382 с.
41. Спичак Д.А. История подготовки кадров китайской Компартии и Гоминьдана в московских учебных центрах Коминтерна: цели, методы, результаты (1921–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2010. – 261 с.
42. Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949 : по материалам биографии Чжоу Эньлая. – Москва : Восточная литература, 1996. – 575 с.
43. Троцкий Л.Д. Коммунистический Интернационал после Ленина (Великий организатор поражений). – Москва : Принтима, 1993. – 312 с.
44. Усов В.Н. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX в. – Москва : Дом Конфуция, 2011. – 384 с.
45. Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. – Москва : Вече, 2003. – 384 с.
46. Чудодеев Ю.В. На земле и в небе Китая: советские военные советники и летчики-добровольцы в Китае в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. – Москва : Ин-т востоковедения РАН, 2017. – 224 с.

Отечественная историография о проблеме военно-политического сотрудничества СССР с Гоминьданом в 1923–1942 гг.

47. Чудодеев Ю.В. Советские военные советники в Китае (1937–1942 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. – 1988. – № 2. – С. 117–124.
48. Чудодеев Ю.В. Советские летчики в Китае // Проблемы Дальнего Востока. – 1989. – № 4. – С. 131–139.
49. Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. – Москва : Вече, 2001. – 576 с.
50. Шубин А.В. Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис 1933–1940 гг. – Москва : Алгоритм, 2016. – 496 с.
51. Юркевич, А.Г. «Верное ядро Вампу». К 90-летию «партийной военной школы Гоминьдана» // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – № 6. – С. 122–131.
52. Юркевич А.Г. Военная школа Хуанпу в политической стратегии Чан Кайши (1924–1928 гг.) // Вестн. Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – № 9. – С. 136–143.
53. Юркевич А.Г. Советские советники и Чан Кайши: две стратегии военного строительства (1920-е гг.) // Вестн. РУДН. Серия История России. – 2009. – № 3. – С. 41–48.
54. Юркевич А.Г. Военная школа Хуанпу и китайская революция // Проблемы Дальнего Востока. – 1985. – № 3. – С. 112–115.
55. Яковкин Е.В. Русские солдаты Квантунской армии. – Москва : Вече, 2014. – 320 с.: ил. – (Военные тайны XX века).
56. Яковлев А.Г. СССР и борьба китайского народа против японской агрессии (1931–1945 гг.) // Ленинская политика Москвы в отношении Китая (1917–1967) : сб. статей / АН СССР, Ин-т Дальнего Востока ; отв. ред. М.И. Сладковский. – Москва : Наука, 1968. – С. 68–120.
57. Ямпольский В.П. «...не хочешь находиться в тюрьме – изъяви желание сотрудничать с разведкой». Подрывная работа японских спецслужб против Советского Союза // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 12. – С. 29–33.
58. Ямпольский В.П. Ё. Мацуока: «Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска» // Военно-исторический журнал. – 2000. – № 3. – С. 50–55.
59. Ямпольский В.П. На границе тучи ходят хмуры // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 12. – С. 44–50.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 63.3

DOI: 10.31249/hist/2023.03.08

ЕВСТЮНИН В.А.* ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ (XIV в.)¹

Аннотация. В обзоре рассматривается ряд исследований последних лет по истории средневекового Причерноморья, а также публикация Трапезундской хроники Михаила Панарета. Исследования и хроника освещают историю региона в период глубоких катаклизмов, охвативших весь Старый Свет, дают представление о его развитии. Наиболее полно раскрываются аспекты политической и социальной истории, особенности взаимодействий между народами и культурами. Описаны также природные и иные глобальные факторы, влиявшие на историю Причерноморья в Средние века, среди которых эпидемии, землетрясения, солнечные затмения.

Ключевые слова: Причерноморье в XIII–XIV вв.; Генуэзская Газария; Тана (Азов, Азак); Византийский Понт; средневековая Кафа; «Трапезундская хроника» Михаила Панарета.

EVSTIUNIN V.A. Black sea region in the era of global cataclysms (XIV century)

Abstract. The review examines new research on the history of the medieval Black Sea region and the newest publication of the Trebizond Chronicle by Mikhail Panaretos. Research and chronicle describe the

* © Евстюнин Владислав Анатольевич – аспирант кафедры истории и мировой политики Тюменского государственного университета; vinnetski@gmail.com

¹ Обзор подготовлен при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-01592, <https://rscf.ru/project/23-28-01592/>

history of the region during the period of cataclysms that engulfed the entire Old World, give representation of the development of the region during this period. The books reveal especially aspects of political and social history, features of interactions between peoples and cultures. The authors also described natural and other global factors that influenced the history of the Black Sea region in the Middle Ages, including epidemics, earthquakes, solar eclipses.

Keywords: the Black Sea region in the thirteenth and fourteenth centuries; the Genoese Gazaria; Tana (Azov, Azak); the Byzantine Pontus; medieval Caffa; Michael Panaret's «Trapezundian Chronicle».

Для цитирования: Евстюнин В.А. Причерноморье в эпоху глобальных катаклизмов (XIV в.). (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 3. – С. 168–175. – DOI: 10.31249/hist/2023.03.08

Причерноморье на протяжении веков выступало пространством столкновения интересов великих держав. В середине XIV в. этот регион оказался затронут целым рядом природных и политических катаклизмов, охвативших весь Старый Свет. Сначала из крымского очага вспыхнула эпидемия чумы, Черная смерть, поразившая Азию, Африку и Европу, унесшая до 2/3 населения городов. Затем в Византии и Трапезунде проявился сильнейший тектонический разлом, эхом отозвавшийся по другую сторону Черного моря – в Крыму. Гражданские войны стали разрывать на части к тому времени утратившую могущество Византийскую и Трапезундскую империи, ханство Хулагуидов, а затем и Золотую Орду.

Эти глобальные вызовы нашли отражение в монографии доцента департамента истории Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук Е.А. Хвалькова «Генуэзские колонии в Причерноморье: эволюция и трансформация», в публикации «Трапезундской хроники» Михаила Панарета, осуществленной академиком РАН, заведующим кафедрой истории Средних веков МГУ С.П. Карповым и ведущим научным сотрудником лаборатории истории Византии и Причерноморья в Средние века МГУ Р.М. Шукуровым, в монументальном труде того же С.П. Карпова «История Таны (Азова) в XIII–XIV вв.», в книгах доцента кафедры истории Средних веков МГУ Э.Г. Жордании «Византийский Понт

и Грузия» и главного ведущего научного сотрудника лаборатории исторической географии и регионалистики Тюменского университета А.Г. Еманова «Небесный Иерусалим или Вавилон: выбор судьбы средневековой Кафы / Феодосии».

Монография Е.А. Хвалькова «Генуэзские колонии в Причерноморье: эволюция и трансформация» [5], вышедшая в издательстве Раутледж, посвящена политическим, административным, экономическим, социальным и культурным аспектам истории Генуэзской Газарии¹ с XIII в., когда генуэзцы обосновались в регионе, – по 1475 г., когда Кафа, ее столица, была завоевана османами. В истории Газарии автор выделяет три периода. В течение первого из них (с XIII в. до 1380-х годов) происходит формирование системы генуэзских торговых колоний на северных берегах Черного и Азовского морей. При этом автор считает необходимым обратить особое внимание на роль «незападных» народов, тюрок (татар, арабов, сирийцев, армян, грузин, славян, караимов, евреев, а также греков) в процессах, интерпретируемых им как колонизационные, выявить их вклад в становление синкретичного общества Генуэзской Газарии, доминирование в котором принадлежало латинянам. Второй период (с 1380-х годов до 1453 г.) завершается событием, которое во многом предопределило дальнейшую судьбу Генуэзской Газарии. Падение Константинополя привело к установлению полного контроля османов над проливами Босфор и Дарданеллы. В результате управление частично изолированными от метрополии колониями было передано Генуей Банку Святого Георгия. В ходе третьего периода (1453–1475) наблюдается «трансформация» достигших в предшествующую эпоху высокого уровня развития генуэзских колоний, которые получают сеньориальный правовой статус. Отмечается усиление власти латинян в поселениях, обусловленное, по мнению автора, скорее внешними факторами, чем естественным развитием системы управления. Однако уже в 1474 г. Кафа и большинство остальных итальянских поселений в Причерноморье оказываются под властью османов.

Публикация «Трапезундской хроники» Михаила Панарета [4], последовательно излагающей историю Трапезундской импе-

¹ *Gazaria*, т.е. Хазария – термин, которым средневековые итальянцы обозначали земли Северного Причерноморья. Соответственно, «Генуэзская Газария» – та часть региона, где располагались генуэзские поселения.

рии от момента ее образования в апреле 1204 г. до конца XIV столетия, включает факсимиле единственной сохранившейся рукописи из Библиотеки Марчаны в Венеции, транскрипцию, перевод и комментарии. Хроника описывает упадок Византийской и Трапезундской империй, на смену которым пришли новые талассократии (морские державы) – Генуя и Венеция; фиксирует распад державы ильханов в Иране, появление туркменов, разгул чумы, которая не пощадила даже правящих особ. Как отмечают переводчики и комментаторы Хроники, изложение истории в ней представлено, главным образом, сквозь призму описания действий представителей правящей династии Трапезунда, Великих Комнинов. Соответственно, жанр произведения определяется ими как «династическая хроника». Повествование велось хронистом от первого лица, описания событий порой лапидарны, а порой впечатляют своей полнотой, акцентируя внимание на действиях правителей и иных персон, обличенных властью, как светских, так и духовных. При этом хронист находит место как для выдержек из собственной биографии, так и для фиксации любопытных природных явлений, наподобие солнечного затмения.

В комментариях особенно ценным является русскоязычное толкование языковых особенностей хроники. В частности, отмечается тот факт, что изредка и спонтанно Панарет заменял слова классического греческого языка принятыми в среднегреческом иноязычными неологизмами (иранизмами, тюркизмами, латинизмами и т.д.). Примером может служить слово «майдан» – персидский термин, обозначавший торговую площадь в Трапезунде за пределами городских стен.

Монография академика С.П. Карпова [3] представляет собой всестороннее исследование истории Таны (Азова, Азака) XIII–XIV вв., сделанное на основе богатейших архивов Венеции, Генуи, «Архива Датини» в Прато, рукописных фондов Библиотеки Марчаны и Музея Коррер, а также уникальных артефактов Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника. В рассматриваемый период Тана превратилась в крупный транспортный центр, в котором соединялись маршруты средиземноморской и черноморско-азовской навигации, Великого шелкового и Великого мехового путей. Но еще значимей была роль Таны в обеспечении растущих городов Северной Италии продоволь-

ствием – зерном, осетровой рыбой и черной икрой, которая тогда считалась пищей городских плебеев, а также дешевой рабочей силой – рабами. За право доминирования в Танае не на жизнь, а на смерть сразились талассократии Генуи и Венеции. Череду кровопролитных морских войн и баталий подрывала ресурсами обеих морских держав, что дало шанс развитию локальной навигации понтийских греков, армян, грузин, зихов (адыгов). При хане Джанибеке был впервые создан флот Золотой Орды, которая, впрочем, не успела получить выгоды от своего нового статуса, поскольку после убийства хана Джанибека впадала в затяжную смуту – «Замятню» по терминологии русских летописей.

Со страниц этого труда С.П. Карпова Тана, основанная венецианцами на территории золотоордынского Азака, предстает мультикультурным городом. В нем можно было увидеть католические костелы и православные церкви, мусульманские мечети и иудейские синагоги. Имелись венецианский и генуэзский, греческий и армянский, еврейский и русский кварталы. В караван-сараях продавались восточные специи и северные меха, драгоценные камни Востока и воск Севера, парчовые материи и шерстяные сукна, разнообразные кожи и воск и многое другое. В многочисленных мастерских трудились ювелиры и гончары, косторезы и кузнецы, судостроители и каменщики, плотники и стеклодувы и иные искусные мастера.

Новые грани истории Причерноморья открывает книга Э.Г. Жордании «Византийский Понт и Грузия» [2]. Термин «Византийский Понт» используется в ином значении, нежели просто для обозначения северо-восточной области Малой Азии и существовавшей на ее территории Трапезундской империи – наследницы Византии, но для обозначения особой культуры Причерноморского (Понтийского) региона, «византийской», главным образом, по причине лидирующей роли в ней православного христианства. В книге раскрывается вклад в ее формирование Грузинского государства, картвельского (грузинского) населения Понта, Грузинской православной церкви. Значительное внимание уделяется вопросу о взаимодействии данной культуры с культурами тюрок накануне османского завоевания Трапезунда.

Исследование базируется на широком круге источников, грузинских, греческих, армянских, латинских, персидских и ту-

рецких, как письменных, так и вещественных. На их основе реконструируются византийская, трапезундская и картвельская (грузинская) картины мира, взаимовосприятие народов, обитающих в рамках изучаемого региона. Рассматривается также этимология терминов «лазы» и «чань», а также других более частных кавказских этниконов. Отмечается, в частности, что термин «лазы» обозначал картвелов, проживавших на прибрежных территориях, а термин «чань» указывал на картвелов, обосновавшихся в горных регионах Понта.

Наконец, в книге А.Г. Еманова «Небесный Иерусалим или Вавилон» [1] рассматривается история одного из крупнейших генуэзских центров средневекового Северного Причерноморья – Кафы (современная Феодосия). Этот город в греческих энкомиях, латинских элогиях, армянских говасанках восхвалялся как Небесный Иерусалим, дарующий спасение благочестивым гражданам, но в лихие години бед и несчастий оплакивался в греческих френах, латинских лакримациях, армянских вохпах, еврейских кинотах как Вавилон, обреченный пасть за великие прегрешения. Со страниц книги город предстает как космополис, в котором бок о бок проживали горожане десятка конфессий, порядка ста этносов со своими языковыми и культурными особенностями. В отличие от городов Запада, где национальные меньшинства – евреи, цыгане, арабы – подвергались сегрегации, поражению в правах, в Кафе, как показывает автор, сформировалась такая система городского гражданства, при которой лица любого этнического происхождения имели доступ во все три категории городского населения – *habitatores*, *burgenses* и *cives*. Городское право, в свою очередь, учитывало обычаи греков, армян, татар, евреев и других этнических групп. В дело- и судопроизводстве использовались латинский, греческий и татарский языки. Сакральный покровитель города Св. Георгий почитался итальянцами как Джорджо, греками как – Георгиос, армянами как – Геворг, арабами как – Джирджис, тюрками и татарами как – Хызр, кавказцами как – Уастырджи. Характерна, отмечает автор, каменная икона с изображением Св. Георгия, который имел явно тюркское лицо с широкими скулами и узкими глазами, был облачен в латинский (западноевропейский) доспех, а сам образ был обрамлен надписью на греческом языке.

В историографии средневековая Кафа обычно фигурирует как генуэзская колония. Однако, как показывает автор, термин «*colonia*» не встречается ни в одном источнике. В документах эпохи она определяется как *civitas*, т.е. свободный, самоуправлявшийся город, обладавший высшим суверенитетом. Кафа имела свою военную организацию, свой военный флот, к XV в. включавший 50 быстроходных галеот и бригантин, базировавшийся во всех укрепленных пунктах по берегам Западного, Северного и Восточного Причерноморья. Глава города имел право заключать договоры с правителями других государств. Город обладал собственными штандартом и гербом, в которых в качестве символа использовались алая тамга и полумесяц. В первой четверти XV в. город чеканил свою монету – медный пул с изображением тамги и Св. Георгия, двуязычную серебряную дангу и золотой дукат. В космополитичной культуре Кафы получили развитие традиции латинского, греческого, армянского, арабского и еврейского среднего и даже высшего образования, сложился один из первых центров востоковедения с опытом перевода Священного Писания на турецкий и персидский языки.

В целом рассмотренные публикации дают определенное представление о тенденциях развития Причерноморья в XIV–XV вв., природных и иных глобальных факторах, влиявших на историю региона в данный период. Наиболее полно раскрываются аспекты политической и социальной истории, особенности взаимодействий между народами и культурами.

Список литературы

1. Еманов А.Г. Небесный Иерусалим или Вавилон: выбор судьбы средневековой Кафы / Феодосии. – Санкт-Петербург : Алетей, 2022. – 734 с. – (Новая Византийская библиотека. Исследования).
2. Жордания Э.Г. Византийский Понт и Грузия. Вопросы исторической географии и этнотопонимии Юго-Восточного Причерноморья в XIII – XV вв. – Санкт-Петербург : Алетей, 2022. – 274 с. – (Новая Византийская библиотека. Исследования).
3. Карпов С.П. История Таны (Азова) в XIII–XIV вв. : в 2 томах. Том 1. Тана в XIII–XIV вв. – Санкт-Петербург : Алетей, 2021. – 378 с. – (Новая Византийская библиотека. Исследования).
4. Михаил Панарет. О Великих Комнинах – Трапезундская хроника / пер. и комм. С.П. Карпова, Р.М. Шукурова ; изд. греч. текста А.М. Крюкова. –

Санкт-Петербург : Алетея, 2019. – 200 с. – (Новая Византийская библиотека. Источники).

5. Khvalkov E. The Colonies of Genoa in the Black Sea Region. Evolution and Transformation. – New York ; London : Routledge, 2018. – 636 p. – (Routledge Research in Medieval Studies).

УДК: 321.6; 94(450).094: 94(430).086 DOI: 10.31249/hist/2023.03.09

ЕМЕЛЬЯНОВА Е.Н.* ЕВРОПЕЙСКИЙ ФАШИЗМ В 20–30-е годы XX в.: ПРИЧИНЫ ПРИХОДА К ВЛАСТИ

Аннотация. В обзоре рассматривается проблема прихода к власти фашизма в Италии (1922.) и в Германии (1933) в работах современных российских и зарубежных ученых. Изучаются причины этого явления. Анализируются различные теории и подходы. Делается вывод о том, что столь сложное явление как фашизм нуждается в дальнейшем изучении.

Ключевые слова: итальянский фашизм; германский фашизм; причины прихода фашистов к власти.

EMELIANOVA E.N. European fascism in the 20–30s of the XX century: reasons for coming to power

Abstract. The review deals with the problem of fascism coming to power in Italy (1922) and Germany (1933) in the works of modern Russian and foreign scientists. The reasons for this phenomenon are being studied. Various theories and approaches are analyzed. It is concluded that such a complex phenomenon as fascism needs further study.

Keywords: Italian fascism; German fascism; the reasons for the fascists' rise to power.

Для цитирования: Емельянова Е.Н. Европейский фашизм в 20–30-е годы XX в.: причины прихода к власти. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: Исто-

* Емельянова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); e.n.emelyanova@mail.ru

рия. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 3. – С. 176–193. – DOI: 10.31249/hist/2023.03.09

По мнению многих современных историков (Р. Де Феличе, Э. Нольте, Дж. Мосса, В.И. Михайленко, В.П. Любина и др.), фашизм – это явление историческое и относится ко времени 20-х – первой половины 40-х годов XX в. И все же тема прихода нацизма к власти в Европе представляется актуальной и сегодня. В современной российской и зарубежной литературе высказывается несколько точек зрения по этому вопросу. Анализ этих концепций и посвящена данная работа.

В статье академика Российской академии образования, профессора Л.С. Белоусова в Большой российской энциклопедии [2] дается определение итальянского фашизма: «Фашизм (от итальянского *fascio* – пучок, союз; *fascio di combattimento* – союз борьбы). 1) Праворадикальное политическое движение тоталитарного типа... 1919–1945 гг.)). И в другом месте: «Фашизм как идеология основан на воинствующем национализме, социальном дарвинизме, корпоративизме, расизме, милитаризме, решительном неприятии либерализма, социал-демократии и коммунизма. Фашизм как форма государственного правления предстает в виде тоталитарной системы, использующей для поддержания своего господства методы насилия и принудительный консенсус, опирающийся на силовые структуры и многопрофильные массовые организации, активно насаждающей ненависть к внутренним и внешним врагам и культ вождя, претендующей на формирование нового типа отношений в обществе и воспитание «нового человека», жестко регулирующей экономику и социальные отношения, стремящейся к территориальной экспансии и мировому господству» [2, с. 214–217].

Причины прихода фашизма к власти в публикации кратко определяются следующими факторами: массовым недовольством широких слоев населения ухудшением материального положения, растущим разрывом в уровнях доходов различных групп общества, итогами Первой мировой войны, унесшей миллионы человеческих жизней; глубоким разочарованием Версальской системой международных отношений и послевоенной социальной реальностью» [там же].

Рост революционной активности в Европе (революция в России, революционные бои в Венгрии, Словакии и т.д.) вызвал ответную реакцию: Ноябрьская революция в Германии, «Красное двухлетие» в Италии крайне правых, считает автор. В противовес левому социалистическому движению на правом политическом фланге появились радикальные националистические группы. Весной 1919 г. консолидировалось фашистское движение в Италии. В начале 1919 г. экстремистские группы в Германии объединились в организацию, которая в 1920 г. стала называться Национал-социалистической немецкой рабочей партией (НСДАП). Вслед за фашистскими партиями в Италии и Германии были образованы националистические организации во многих странах Европы. К середине 1930-х годов в более чем 20 государствах Европы и Америки существовало до 40 фашистских партий и групп. В Дании, Греции, Нидерландах («Национал-социалистическое движение»), Венгрии (партия «Скращённые стрелы»), Финляндии («Патриотическое народное движение») и ряде других стран фашисты были представлены в парламентах и местных органах власти. В Великобритании существовал Британский союз фашистов во главе с аристократом О. Мосли, в Норвегии по образцу НСДАП была создана партия «Национальное объединение» во главе с В. Квислингом [там же].

Еще одной причиной популярности фашизма в итальянском и германском обществах, недовольных итогами Первой мировой войны, стала внешнеполитическая программа Муссолини и Гитлера, открыто провозгласивших своими целями «превращение Средиземного моря в итальянское озеро» и завоевание «жизненного пространства для немцев» [там же]. Оба государства начали военную реализацию своих планов во второй половине 1930-х годов: Италия с вторжения в Эфиопию в 1935 г., Германия с аннексии Австрии и Чехии в 1938–1939 гг.

В своей монографии «Режим Муссолини и массы» [1] А.С. Белоусов подробно рассматривает политическую систему итальянского фашистского государства. Он считает, что приход Муссолини к власти в Италии связан с сознательным выбором наиболее влиятельной части правящего блока, который увидел в фашистской организации способность достигнуть целей социально-политической стабильности и «порядка» в стране. Это решение

было принято правящей элитой под влиянием социально-экономических, политических, моральных и психологических тенденций, существовавших в итальянском обществе после Первой мировой войны и периода революционного подъема [1, с. 345].

Следующим обстоятельством, приведшим фашистов к управлению государством, стала возросшая роль масс в определении путей будущего исторического развития. Муссолини сумел овладеть настроением масс, на волне их недовольства стать главой правительства и направить нацию на решение конкретных задач («мобилизовать сверху»).

Многие историки указывают, что Муссолини предложил обществу третий путь. А.С. Белоусов определяет фашистский режим в Италии как тоталитарный. «В отличие от большинства авторитарных режимов прошлого, тоталитарная власть пыталась “мобилизовать” массы на пути их “соучастия”, т.е. интеграции в складывавшуюся систему общественных отношений в качестве “носителей”, “деталей” тоталитарного механизма... Такая “человеческая модель” должна была соответствовать одиозному и амбициозному проекту тоталитарной системы, нацеленному на формирование идентичности гражданского общества, государства и нации», – пишет автор [там же]. Для осуществления данного исторического «эксперимента» Муссолини использовал два инструмента: насилие и согласие. Насилие он применял преимущественно в начальной стадии, в ходе борьбы за утверждение своей власти, и на завершающем этапе, в фазе крушения. Между этими двумя волнами репрессий лежал относительно спокойный период, «когда в рамках диктатуры установилась прочная и многосторонняя связь между государственной функцией подавления и тоталитарным механизмом формирования массового согласия» [1, с. 346]. Тогда использовались не столько методы прямого силового воздействия, сколько элементы экономического, социального, политического, правового, идейного, морального и психологического давления на массы. В этом – одна из главных особенностей итальянской тоталитарной модели, считает автор [там же]. Все это способствовало установлению социально-политической стабильности в обществе и гарантировало фашистскому режиму определенную историческую перспективу.

Создавалась мифическая модель идеального общества всеобщей гармонии, к которому Италия должна неуклонно приближаться. В связи с этим усиливалась роль государства в политической и экономической жизни. В политической сфере власть опиралась на капиллярную сеть ассоциаций (профсоюзы, «Дополаворо», спортивные, женские, юношеские и т.д.). Эти организации охватывали большую часть населения и находились в подчинении у фашистской партии [1, с. 347]. В Италии сложилась система эффективного регулирования социальных отношений. Правительство Муссолини проводило экономические меры в духе кейнсианства (индексация зарплаты, коллективные договоры, социальное страхование). Еще одним компонентом идеалистической модели государства стала фашистская идеология. «Помимо собственных “идейных ценностей” фашистская субкультура вобрала элементы католической и социалистической традиции, историко-патриотической и обновленческой, традиционализма как такового. Внутренне скрепленная воинствующим национализмом, она стала легко доступной формой самовыражения значительной части итальянского общества», – пишет А.С. Белоусов [1, с. 348].

Но консенсус в итальянском сообществе был весьма условным. Если понимать под ним формальное подчинение фашистской власти и молчаливое согласие с ее действиями, то такая цель в 1930-е годы была достигнута. Но если иметь в виду свободное и осознанное одобрение политики правящего класса, то такой массовой опоры у фашистского правительства в Италии не было. «Приспособление не тождественно добровольной поддержке. Такой поддержкой со стороны трудящихся, во всяком случае, промышленного рабочего класса, режим Муссолини не располагал никогда, ибо по сути своей всегда оставался режимом антинародным», – делает вывод автор [1, с. 350].

Очень интересное и важное исследование А.С. Белоусова имеет один минус. Определение фашистских режимов Муссолини, Гитлера и советского режима Сталина как тоталитарных фактически уравнивает все три. Но советский режим не был фашистским. Автор сам изменил свое мнение в последующих работах, дав более глубокое определение фашизма в Большой российской энциклопедии [2].

Следует отметить, что на работы отечественных историков 1990-х – начала 2000-х годов оказала влияние западная историография (Р. Де Феличе [7], Э. Джентиле [8] и др.). В некоторых из этих трудов фашизм рассматривается как тип тоталитарного общества или вариант современного государства. Вместе с тем российские исследователи не только развили западную теорию, но и внесли в нее ряд новых важных положений, которые более объективно раскрывают сущность европейского нацизма. А.С. Белоусов указывает на то, что фашизм был выбором не столько нации, сколько правящей элиты, увидевшей в нем возможность консолидации общества для достижения внешнеполитических целей. Исследования ученого свидетельствуют, что консенсус, установленный итальянским фашистским режимом, был неустойчив, поскольку значительная часть общества под давлением властей приспосабливалась к нему, но не поддерживала полностью. Особенно это касается позиции рабочего класса, что в конечном счете привело к созданию движения Сопротивления и ликвидации диктатуры Муссолини в Италии. Одной из главных причин прихода фашизма к власти считается рост революционного движения и стремление правящих элит и большей части европейского общества избежать революции, стремление выбрать третий путь, отличный от либерализма и коммунизма.

Более детально о расстановке политических сил в Италии в начале 20-х годов XX в. и причинах прихода к власти Муссолини пишет в своей работе «Революция и контрреволюция в Европе 1917–1923 гг.» [9] Джон Пол Ньюмен (Национальный университет Ирландии, Мейнот).

В отличие от Германии, государственное устройство в Италии представляло собой пример либеральной политической культуры, недостаточно устойчивой, чтобы удержаться на плаву в бурях революции и контрреволюции 1917–1923 гг. В начале войны в итальянском обществе шла борьба между сторонниками нейтралитета, желавшими держаться подальше от обостряющегося конфликта, и сторонниками войны, которые стремились к тому, чтобы Италия присоединилась к воюющим сторонам и таким образом получила вместе с победителями военные трофеи. Сторонники интервенции надеялись, что Италия достигнет в ходе войны завершения национального объединения (великого проекта Рисор-

джименто XIX в.) путем возвращения территорий, до войны входивших в состав Австро-Венгрии. В 1915 г., когда Италия все еще колебалась между Антантой и Центральными державами, Британия предложила ей территории Далмации в обмен на участие в боевых действиях. Этого было достаточно, чтобы политические и военные лидеры Италии вступили в войну к удовольствию многочисленного военного лагеря, в рядах которого было немало бывших социалистов, включая будущего фашистского лидера Бенито Муссолини. Но вступление Италии в войну выпустило джинна из бутылки, усилило националистические настроения в обществе. Когда на Парижской мирной конференции миротворцы, в частности президент США Вудро Вильсон, поставили под сомнение территориальные требования Италии и передали земли, на которые она рассчитывала, ее соседу, недавно образованному Королевству сербов, хорватов и словенцев, по всей Италии прокатились массовые протесты [9, р. 105–106]. Италия, будучи страной-победительницей, испытала национальное унижение, поскольку ее претензии не были удовлетворены. Она не заняла среди стран Антанты то место, на которое претендовала. В то время как итальянские лидеры пытались решить вопрос спорных территорий путем международной дипломатии, некоторые активисты начали прямой захват.

В 1920 г. в портовом городе Фиуме (Риека), за который боролись как итальянцы, так и югославы, поэт, националист и авантюрист Габриэле Д'Аннунцио предпринял военное наступление, возглавив националистов, ветеранов итальянской армии, захватил его и провозгласил независимым [9, р. 106].

Италия попала в водоворот гражданских волнений. Это требовало взвешенной внутренней политики. Серия забастовок на промышленном Севере в 1919–1920 гг., «красное двухлетие», поставило страну на грань социалистической революции. Революционное наступление в Италии стало такой же реальностью, как и в Германии. Коммунистическая революция казалась привлекательной идеей для многих рабочих и крестьян. Демократы, консерваторы и националисты преувеличивали размах революционного движения. «Революционная угроза» для Италии стала поводом для активного противодействия ей со стороны фашистов. Фашисты – это группы ополченцев, у которых не было четкой политической программы, кроме идей антикоммунизма, антилиберализма и ан-

тисемитизма, а также чувства оскорбленного национального достоинства, появившегося в результате установления Версальской системы. Фактически, как и контрреволюция в других странах, итальянский фашизм был одновременно продуктом войны (многие из его членов были ветеранами боевых действий, включая самого Муссолини) и негативного опыта послевоенного периода – в данном случае «искаленной победы», а также социалистического брожения внутри страны. Подобно Д'Аннунцио и его добровольцам, фашисты обещали более действенным способом добиться того, чего не смогли сделать политики в Риме [9, р. 106–107].

В Италии, как и везде, существовали: политический центр, революционные и контрреволюционные силы. Но здесь, в отличие от Германии, контрреволюционная угроза политическому центру была более серьезной и непосредственной. В противовес социалистической угрозе, которая значительно ослабла после «красного двухлетия», быстрым темпом нарастало масштабное фашистское движение, неотъемлемой частью которого стало применение насилия.

Все это было недооценено итальянским правительством: призрак большевизма и популярные националистические лозунги самих фашистов поколебали позицию либерального центра в Италии, который пригласил Муссолини и его сторонников в правительство в 1922 г., полагая, что таким образом он сможет одновременно мобилизовать демократические круги против коммунизма и укротить самих фашистов.

Это был серьезный просчет, по сути, такой же, как тот, который позже допустили правоконсервативные лидеры Веймарской республики в отношении национал-социализма в 1933 г. Фашисты позже перепишут этот эпизод, представив его как «завоевание» власти, назвав «Маршем на Рим». На самом деле контрреволюция вошла в коридоры власти в Италии через открытую дверь – по приглашению [9, р. 107].

Либералы в Италии сделали после войны две роковые ошибки в отношении фашистской угрозы. Во-первых, их лидеры неправильно поняли суть самого фашистского движения. Итальянский политик и мыслитель Бенедетто Кроче утверждал, что фашизм не представляет угрозы установленному политическому порядку, что он безопасен, поскольку не имеет программы. Его неправильное

понимание природы фашизма красноречиво говорит о более общем непонимании контрреволюции в Европе в 1917–1923 гг. Такие заявления представляли контрреволюцию просто как безвредный инструмент, которым можно воспользоваться при необходимости. Вторая ошибка вытекала из первой, поскольку, хотя политический центр рассматривал фашизм как что-то неизвестное, он все же связывал свои худшие опасения по поводу революции и нестабильности с социалистами, не понимая, что на самом деле это политическое движение было глубоко расколото (не в последнюю очередь из-за указания Коминтерна левой фракции порвать с оставшейся, гораздо большей частью социалистов). Центр уступил контрреволюции. Из-за этой череды просчетов временный союз с фашистами казался ему допустимым и, более того, необходимым.

В Италии контрреволюция восторжествовала, но только потому, что ее допустили к власти ее противники: левое крыло, которое просто не могло конкурировать с фашистским насилием, и политический центр, больше всего опасавшийся коммунистической революции [9, р. 107–108].

Таким образом, Ньюмен отмечает следующие причины утверждения фашизма в Италии: необходимость завершить процесс объединения и формирования нации, начатый в период Рисорджименто в XIX в.; негативные для Италии результаты Первой мировой войны, когда страна не получила того, на что рассчитывала, вступая в войну на стороне Антанты; обещание фашистов вернуть «украденную победу»; оскорбленное национальное чувство итальянцев; усиление националистических настроений в обществе; рост революционной активности в Италии (1919–1920); страх либералов, находящихся у власти, перед коммунистической революцией; непонимание ими сущности и опасности фашизма; передача правящими кругами власти Муссолини для спасения Италии от коммунизма и умиротворения самих фашистов, развернувших масштабное насилие в стране; неспособность расколотого левого движения противостоять фашизму.

В интервью д-ра ист. наук, профессора Уральского государственного университета В.И. Михайленко «Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена» [6] поднимаются дискуссионные вопросы истории итальянского фашизма, в том числе затрагиваются экономические причины прихода Муссо-

линии к власти. Эту тему изначально исследовали представители научной школы Р. Де Феличе (Италия). Ученые этого направления связывали установление фашизма с задачами ускоренной модернизации итальянского общества в период между двумя мировыми войнами.

27 октября 1922 г. итальянский король Виктор Эммануил назначил главой правительства лидера фашистского движения Бенито Муссолини. Как и позднее Гитлер, Муссолини пришел к власти мирным путем на волне всеобщего недовольства. Причин этому несколько. Михайленко отмечает, что Первая мировая война ускорила процессы социальной и государственной модерности, начатые Великой французской революцией. Политика перестала быть делом только элит. На арену истории вышли массы, которые требовали своего вовлечения в государственное управление и даже претендовали на власть. За влияние на эти массы боролись различные политические силы.

Автор указывает на несколько сценариев развития для Италии: «эволюция или революция / контрреволюция, проект модерна или абсолютизация традиции, демократия или авторитаризм, демократия представительная (либеральная демократия) или демократия прямая (тоталитарная), партийная система или синдикалистская» [6, с. 7]. После Первой мировой войны, по мнению Михайленко, у либералов и консерваторов не было шансов овладеть массами, поскольку предложенные ими модели модернизации не оправдали себя в предыдущий период и вызвали всеобщее разочарование. Тотальная секуляризация государств, снижение роли религии способствовали развитию рациональных и фетишистских светских идеологий, которые в свою очередь начали борьбу с церковью за влияние на общество. Усилились националистические настроения [там же]. Автор подводит читателя к мысли о том, что фашизм оказался наиболее востребованной идеологией в Италии, поскольку предложил третий путь, отличный от капитализма и коммунизма.

Михайленко отмечает, что помимо задач модернизации причинами прихода Муссолини к власти в 1922 г. были: исторические традиции, цивилизационные особенности, своеобразие исторического и экономического развития Италии, соотношение экономических и политических сил, харизма лидера и т.д. [6, с. 8].

Историк дает следующее определение фашизма: «Фашизм был явлением политического модернизма, который претендовал на противоборство с рационалистической, либеральной и либерально-демократической модерностью, противопоставив ей альтернативную модерность, националистическую и тоталитарную, основанную на милитаризации, сакрализации политики и на тотальном подчинении индивидуума государству. Итальянский фашизм претендовал на всемирную универсальность, и до середины 30-х годов это находило свое подтверждение в проведении Римом международных фашистских конгрессов. Свой опыт они пытались рекламировать как “третий путь”, альтернативный капитализму и коммунизму» [6, с. 8–9].

Еще одной задачей, которую должно было выполнить фашистское правительство – это объединение итальянской нации. «На момент прихода фашистов к власти прошло чуть более шести десятилетий после объединения Италии, – отмечает автор. – Однако поставленная Рисорджименто задача создания национального государства не была решена либеральным и консервативным политическим классом. Первая мировая война выполнила задачу “плавильного котла”, в котором происходило формирование итальянской нации. Ее ядром стала, по определению Муссолини, “окопная аристократия”, в которой смешались различные социальные слои и региональные группы. Батраки, рабочие, предприниматели, адвокаты оказались одетыми в те же самые солдатские шинели, их ожидала одинаковая судьба, которая затем стала судьбой всей нации» [6, с. 9].

Муссолини как личность, по мнению автора, сыграл немалую роль в этом процессе, поскольку он представлял собой тип политика, который был своим парнем и для простых людей, и одновременно играл роль аристократа для высшего общества. Эта двойственность Муссолини позволила ему установить консенсус в обществе [6, с. 9–10].

Большое внимание Михайленко уделяет экономической деятельности фашистского правительства в Италии. «Масштаб и эффективность государственного регулирования были впечатляющими. Это и организация общественных работ, финансируемых государством, таких, как мелиорация и освоение целинных земель, городское строительство, прокладка новых автострад, индустриа-

лизация. Их результатом становились сокращение безработицы, реальный рост доходов населения. В рамках освоения целинных земель формировался новый «национальный» класс мелких сельских землевладельцев. До 40 тыс. человек переселились на осушенные земли. В новой сельской инфраструктуре возникли пять новых городов. В 1937 г. фашистское правительство объявило «войну латифундиям», начав экспроприацию земель крупных помещиков. Эти действия коснулись прежде всего районов Пульи, Кампании и Сицилии. Реформа была приостановлена высадкой союзников на Сицилии» [6, с. 11–12]. Фашистский режим «оседлал» в своих интересах, по мнению В.И. Михайленко, преимущества перехода от доиндустриального к индустриальному обществу и идеалы Рисорджименто. Фашистское государство объявлялось наследником Римской империи, продолжателем дела Мадзини и Гарибальди, строителем «новой цивилизации» [6, с. 12]. В представлении фашистов государство и нация были синонимами. «Для фашиста все в государстве, ничего человеческого и духовного, представляющего ценности, не существует вне государства», – провозглашал Муссолини [там же].

Одним из первых в капиталистическом мире итальянский фашистский режим начал осуществлять концепцию частно-государственного сотрудничества [6, с. 13]. Важным для общества было и то, что фашистский режим открыл социальные лифты для продвижения по службе людей из низов.

Фашизм был призван, по мнению автора, ликвидировать господство в политике и экономике представителей доиндустриальной эпохи. «В течение десятилетия старый политический класс был полностью отстранен от власти. Тем не менее становилось очевидным, что фашистские институты являются фасадом конструкции, за которой скрывался альянс фашистской верхушки с королевским двором, военными кругами, частично с судебной властью и поддержавшей фашизм финансовой и промышленной олигархией. Муссолини лично осуществлял политический компромисс между фашистскими институтами, королевским двором, военными, финансовой и промышленной олигархией» [там же].

Муссолини пытался переходом на рельсы милитаризации и объявлением маленькой, но победоносной войны в Абиссинии (1935–1936) активизировать итальянскую экономику, а заодно

стимулировать подъем патриотических настроений в обществе. Частично ему это удалось. Но наиболее радикальная часть фашистского движения, представленная батраками, рабочими, мелкой и средней буржуазией, интеллигенцией, разочаровалась в экономической, социальной и внешней политике Муссолини уже к середине 1930-х годов [6, с. 13].

Михайленко не скрывает, что на его исследования, так же, как и работы сторонников концепции тоталитаризма, повлияли труды западных исследователей, прежде всего Р. Де Феличе. Но российский ученый внес много нового. Об этом очень хорошо в своей статье «Особенности итальянского фашизма. К дискуссии по интервью проф. В.И. Михайленко» написал д-р ист. наук В.П. Любин (ИНИОН РАН). Он отмечает, что уральский ученый впервые выдвинул «концепцию частно-государственного сотрудничества» в фашистской Италии, а также заметил важную роль Муссолини в установлении консенсуса в обществе. Именно Муссолини лично осуществлял политический компромисс между фашистскими институтами, королевским двором, военными, финансовой и промышленной олигархией [3, с. 14].

Вместе с тем Любин отмечает, что ставшая модной теория модернизации «отставших», «пришедших вторыми» к колониальному дележу стран, пытавшихся догнать и перегнать передовые западные государства, еще нуждается в дальнейшем изучении [3, с. 13].

В отличие от Михайленко Любин отмечает, что одной из главных причин прихода фашистов к власти был рост революционного движения не только в Италии, но и во всей Европе, а также победа большевистской революции в России. Фашизм должен был противостоять коммунизму как внутри Италии, так и на международной арене. «...Когда исследуют фашизм и нацизм, нельзя забывать о противостоянии доминировавших в первой половине XX в. идеологий и состоявшихся в политической практике, основанных на данных идеях, режимов на западе и на востоке Европы». О том же ранее писали европейские ученые Х. Арендт, Э. Нольте и др. Нольте в своих трудах отстаивал идею «консервативной революции» в Германии как ответа на большевистский вызов. А позднее определял период с начала Первой до конца Второй мировых войн как эпоху «мировой гражданской войны» [3, с. 11].

Любин согласен с Михайленко в том, что фашизм ставил задачу индустриализации аграрной итальянской экономики и предлагал создать патерналистское «социальное государство». В отличие от марксизма и коммунизма фашизм предлагал построить «национальное государство» с преданными его идеям подданными, «новыми людьми», итальянцами, разделяющими фашистские взгляды [3, с. 11–12].

Автор считает, что не следует сбрасывать со счетов фактор классовой борьбы в Италии, способствовавший захвату власти Муссолини. «Увлечшись опровержением коминтерновского определения фашизма, автор интервью (В.И. Михайленко. – *Е.Е.*) оставил в тени отношения власти и капитала в Италии. Следовало бы обратить внимание на такие факторы, например, что как политический деятель Муссолини не смог бы прийти к власти и оставаться главой государства, диктатором, на протяжении более 20 лет без поддержки отдельных групп крупного итальянского капитала, и к тому же еще и поддержки королевского двора...» [3, с. 14]. В этом отношении Любин полностью солидарен с Белоусовым.

В другой своей работе «Эксперимент Итальянской коммунистической партии в XX в. (1921–1991)» Любин отмечает, что определенная часть ответственности за приход фашистов к власти в Италии лежит на Коминтерне и левых партиях (итальянских социалистах и коммунистах), которые в начале 20-х годов не смогли объединить усилия, чтобы противостоять установлению режима Муссолини [4, с. 177]. Та же трагическая ошибка была допущена в Германии в 1933 г., когда власть захватил Гитлер.

Проблеме раскола в социалистическом движении посвящена и работа профессора НИУ ВШЭ и католического университета Айхштетт-Ингольштадт (Германия) Леонида Люкса «Лев Троцкий в борьбе против Гитлера, Сталина и сталинской “теории фашизма” (1930–1933)» [5]. Он анализирует ошибки немецких рабочих партий (КПГ и СДПГ), а также III Интернационала, способствовавшие, по мнению автора, установлению власти фашистов в Германии. Этот вопрос рассматривается с точки зрения оппозиционера и противника И.В. Сталина – Л.Д. Троцкого.

Одну из главных причин, по которой рабочее движение не сумело противостоять приходу фашистов к власти в Германии, автор статьи видит в политике Коминтерна, в недооценке сталин-

ским руководством нацистской опасности. Троцкий уже в начале 1930-х годов критиковал сталинский подход и нежелание коммунистических теоретиков видеть разницу между демократией и фашизмом [5, с. 270–271].

Рабочие партии, которые в Германии, в отличие от Италии, играли огромную роль, не сумели объединиться и совместно противостоять нацизму. Это стало второй причиной утверждения Гитлера у власти. Вина вновь возлагается и автором, и Троцким на сталинский Коминтерн.

Сталин, стремясь подчинить себе III Интернационал и европейские компартии, выдал из них всех оппозиционеров, сторонников единства с социал-демократией. Левый курс в СССР и ВКП(б) был перенесен на международный уровень и служил одной цели – укреплению личной власти советского вождя.

«Политические группировки, не являвшиеся просталинскими, были исключены из коммунистических партий, а всем некоммунистическим партиям была объявлена непримиримая война. После “чистки” своих рядов зарубежные коммунисты, по примеру большевиков в России, стали претендовать на то, что только лишь они могут представлять истинные интересы своих наций», – пишет Люкс [5, с. 270]. Эта стратегия, добавим мы, делала III Интернационал послушным орудием советской внешней политики. Обратной стороной стала полная изоляция компартий в европейских странах.

В борьбе с социал-демократией и другими партиями Коминтерн дошел до того, что распространил термин «фашизм» почти на все некоммунистические движения [там же]. Троцкий резко критиковал теорию «социал-фашизма» и ее вдохновителя – Сталина. «Как полагал Троцкий, единственным способом для предотвращения захвата власти фашистами было выступление единым фронтом КПП и СДПГ. Но сталинское руководство, писал он, признает только один вид единого фронта – когда все остальные партии беспрекословно выполняют приказы лидеров Коминтерна» [5, с. 271]. Троцкий критиковал и социалистическую партию. Он обвинил германскую социал-демократию в лояльности к буржуазному государству. Троцкий отмечал, что руководство СДПГ не верило в возможность прихода фашистов к власти. Сами нерешительные в революционной ситуации, социал-демократы полагали, что такая

же нерешительность свойственна и фашистам. В итоге оказались неспособны противостоять Гитлеру в захвате власти [5, с. 27].

Следующей причиной непонимания опасности фашизма была, по мнению Л. Люкса, недооценка сталинским руководством антисоветской направленности германского фашизма. «С 1919 г. большевики не видели в немецком национализме силы, которая могла бы представлять опасность для Советской России. В Москве тогда считалось аксиомой, что немецкий национализм направлен только против Запада, против Версальской системы. Но так как большевики и себя считали ее противниками, то ничего не имели против ужесточившихся с 1929–1930 гг. выступлений немцев против “оков Версаля”» [5, с. 272]. «Назначение Гитлера рейхсканцлером не вызвало беспокойства у руководства СССР, – продолжает автор в другом месте. – Тот факт, что его правительство представляло коалицию между НСДАП, Германской национальной народной партией и беспартийными консерваторами, действовал скорее умиротворяюще. В этом правительстве было много политиков, которые на протяжении ряда лет были хорошо знакомы Москве и служили гарантами продолжения Рапалльской политики, например министр иностранных дел Константин фон Нейрат или министр обороны Вернер фон Бломберг. От этих прусских консерваторов, представлявших большинство в правительстве, Москва ожидала сдерживающего влияния на Гитлера. Да и сами немецкие консерваторы чувствовали свое явное превосходство в коалиционном правительстве по отношению к НСДАП. Фон Папен, сыгравший заметную роль при утверждении нового правительства, сказал тогда: “Через два месяца мы загоним Гитлера в угол”» [5, с. 273].

Кроме того, в Германии, в отличие от Италии, существовали мощные рабочие партии, которые, как полагали в советском руководстве, не позволят Гитлеру узурпировать власть. Люкс считает, что большевики надеялись, что германский фашизм начнет войну против Запада.

Троцкий, по мнению автора, напротив, осознавал, что приход Гитлера к власти приведет к войне Германии против СССР [5, с. 272–273]. Гитлер сам писал об этом в так называемой «Второй книге», подготовленной им в 1928 г., но опубликованной лишь в начале 1960-х годов. В ней он указывал, что «любой обладающий жизненной силой народ неизбежно склонен к экспансии за счет

других... Самым подходящим объектом для немецкой экспансии является Россия. “Русский хаос”, писал Гитлер в 1928 г., откроет дорогу немецкой внешней политике к ее единственной цели – завоеванию жизненного пространства на Востоке» [5, с. 273].

Троцкий предлагал советскому руководству в момент прихода нацистов к власти провести частичную мобилизацию. Он ожидал, что даже установление фашистского правительства и столкновение национал-социалистов с рабочими вызовут гражданскую войну и революцию в Германии [5, с. 274–275].

Однако сталинисты расценили эти советы как провокацию. Куусинен еще в сентябре 1932 г. справедливо заявил, что Троцкий «добивается, чтобы Советский Союз без всякой необходимости ввязался во внешнеполитическую авантюру и тем самым поставил на карту свою безопасность»¹.

В этом, на наш взгляд, главное отличие Троцкого от Сталина. Троцкий хотел уничтожить Версальскую систему и зажечь мировой пожар революции, даже путем гибели Советского государства. Сталин любыми способами стремился избежать войны.

Люкс приводит еще одну интересную версию прихода Гитлера и Сталина к власти, высказанную Троцким. Лидер мировой революции утверждал, что такое развитие событий было обусловлено не личными качествами этих людей, а объясняется действием анонимных исторических сил, которые, так сказать, «воспользовались» этими политическими фигурами [5, с. 276]. Люкс с такой постановкой вопроса категорически не согласен. Он отмечает, что и Гитлер, и Сталин оказались на олимпе власти, потому что обещали своим народам решить стоящие перед Германией и СССР экономические и внешнеполитические задачи. Сталин осуществил «революцию сверху». В то время как национал-социалистическая партия Германии, как считали Троцкий и теоретики Коминтерна, была лишь «новым типом буржуазной партии» [там же]. В таком понимании фашизма – главная ошибка коммунистов, считает автор. Вопрос: пытались ли национал-социалисты кардинально изменить западную модель, в статье остался без ответа.

Представленные в обзоре работы в целом отражают весь спектр теоретических взглядов на фашизм. Российские и зарубеж-

¹ XII пленум ИККИ. Стенографический отчет. 1934. С. 6–8.

ные историки, исследовавшие проблему с точки зрения тоталитарной теории, концепции модерна, классового подхода, все же учитывают в своих трудах достижения всех трех концепций. Тема фашизма настолько сложна, что нуждается в дальнейших исследованиях.

Список литературы

1. Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. – Москва: Изд-во МГУ, 2000. – 368 с.
2. Белоусов Л.С. Фашизм // Большая российская энциклопедия / Отв. ред. Ю.С. Осипов. – Том. 33. Уланд – Хватцев. – Москва : БРЭ, 2017. – С. 214–217. – URL: https://bigenc.ru/world_history/text/4706908 (дата обращения 04.12.2022).
3. Любин В.П. Особенности итальянского фашизма. К дискуссии по интервью проф. В.И. Михайленко // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2014. – № 1 (125). – С. 8–15.
4. Любин В.П. Эксперимент Итальянской коммунистической партии в XX в. (1921–1991) // Рязановские чтения (Седьмые): материалы международной научной конференции «100 лет Институту К. Маркса и Ф. Энгельса» / ГПИБ библиотека России; науч. ред. И.Ю. Новиченко, сост.: И.С. Кучанов, Е.Н. Струкова. – Москва, 2023. – 316 с. С. 173–186.
5. Люкс Л. Лев Троцкий в борьбе против Гитлера, Сталина и сталинской «теории фашизма» (1930–1933) // Историческая экспертиза. – 2020. – № 1. – С. 268–283.
6. Михайленко В.И. Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2013. – № 1 (112). – С. 6–17.
7. De Felice R. Rosso e Nero / A cura di P. Chessa. – Milano, 1995. – 167 p.
8. Gentile E. Il fascismo in tre capitoli. – Roma; Bari, 2006. – 139 p.
9. Newman J.P. Revolution and Counterrevolution in Europe 1917–1923 // The Cambridge history of Communism. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2017. – Vol. 1: World revolution and socialism in one country, 1917–1941 / ed. by S. Pons, S.A. Smith. – P. 96–120.

УДК: 303.446.4; 321.64; 329.18

DOI: 10.31249/hist/2023.03.10

БАБЕНКО О.В.* ФАШИЗМ В НОВЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ (2019–2022)

Аннотация. В обзоре рассматриваются новые публикации польских авторов по теории и истории фашизма. Выявляется круг проблем, которыми интересуются польские ученые: понятие «фашизм», экономическое право фашистской Италии, футбол как орудие фашистской пропаганды, «черная педагогика», фашизация жизни в предвоенной Польше и т.д. Некоторые исследователи предполагают, что фашизм был и имеет место в демократических странах.

Ключевые слова: итальянский фашизм; германский нацизм; Б. Муссолини; А. Миллер; «черная педагогика».

BABENKO O.V. Fascism in new publications of Polish scholars (2019–2022)

Abstract. The review examines new publications by Polish authors on the theory and history of fascism. The circle of problems that Polish scientists are interested in is revealed: the concept of fascism, the economic law of fascist Italy, football as a tool of fascist propaganda, «black pedagogy», fascisation of life in pre-war Poland, etc. Some researchers suggest that fascism has been and is taking place in democratic countries.

Keywords: Italian Fascism; German Nazism; B. Mussolini; A. Miller; «black pedagogy»

* Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); o.v.babenko@mail.ru

Для цитирования: Бабенко О.В. Фашизм в новых публикациях польских ученых (2019–2022). (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 3. – С. 194–205. – DOI: 10.31249/hist/2023.03.10

В настоящем обзоре представлены как статьи общего характера, посвященные теории и истории фашизма, так и публикации по частным вопросам. Польских исследователей – ученых из страны, которая претерпела колоссальный моральный и материальный ущерб от нацистской Германии в годы Второй мировой войны, не может не интересовать такое явление как фашизм. В последние годы они все чаще публикуют исследования о природе и сути фашизма, его проявлениях в отдельных странах, в том числе в Польше. Следует отметить, что польские авторы зачастую не делают разграничений между нацизмом и фашизмом, схожими лишь в концептуальном плане. Термин «фашизм» используется в их работах гораздо чаще, чем «нацизм». Под фашизмом они подразумевают в том числе и германский нацизм.

Статья Мацея Маршала (Вроцлавский университет) [1] посвящена понятию «фашизм» и экономической жизни фашистской Италии. Автор отмечает, что фашистская доктрина и политический строй Муссолини глубоко изучены в научной литературе [1, s. 321]. Однако при исследовании этой проблематики возникают трудности в связи с определением понятия «фашизм». Латинское слово «fascis» дословно переводится как «связка» или «пучок». В Древнем Риме так называли пучки прутьев с топорами в середине – знаки достоинства магистратов, которые носили в целях подчеркивания авторитета власти и единства государства. Другой термин – «fascio» (*итал.* объединение, союз) – начал использовать Бенито Муссолини в годы Первой мировой войны для того, чтобы втянуть Италию в войну на стороне Тройственного союза и подчеркнуть национальное единство страны. В то же время употребление этого понятия не было прерогативой Муссолини – оно использовалось представителями разных политических сил. Понятие «фашизм» является предметом многочисленных дискуссий. Так, американский исследователь В. Лакер полагает, что фашизм не является юридическим термином, но лица, использующие его, обязаны дать этому термину какое-то определение. А другой ученый, итальянец Р. де Феличе, выделил девять интерпретаций фа-

шизма на основе исторического, политического, католического, психологического, социологического, социально-экономического и других подходов [1, s. 322].

Считается, что фашизм организационно оформился на заседании Общества промышленности и торговли в Милане 23 марта 1919 г., где около 100 его участников провозгласили собственный национализм [1, s. 321–322]. В этот день Муссолини создал свою партию – «Итальянский союз борьбы» («*Fasci italiani di combattimento*»). Первоначально взгляды членов фашистской партии представляли собой смесь национализма, социализма, синдикализма и популизма. Но с годами они приняли единую политическую доктрину фашизма, главным создателем которой называли Муссолини.

Итальянский фашизм не ограничивался политическими постулатами, он касался и социально-экономической сферы. Одним из элементов доктрины Муссолини был корпоративизм, оказавший решающее влияние на становление конституционного, административного, экономического и других видов права. Социально-экономическая программа фашистов предусматривала ограничения для рыночной экономики и отказ от либеральных принципов управления народным хозяйством. Она была противовесом идеологии классовой борьбы, созданной социалистами и коммунистами. Корпорации представляли собой по сути «отделения фашистской партии», имели «вид и характер синдикалистских ассоциаций» [1, s. 323]. В 1923–1925 гг. за ними была признана монополия на представление интересов работников. Большую роль в корпоративистской организации экономической жизни Италии сыграл договор от 2 октября 1925 г., подписанный в Риме Конфедерацией фашистских корпораций, согласно которому занятые в промышленности работники и работодатели признали взаимные права на репрезентацию своей работы.

Изменения в экономической жизни Италии нашли свое отражение в правовых актах 1926–1928 гг., касавшихся отношений работников и работодателей, а также судопроизводства. Так, например, работодатель, чья деятельность привела к массовому увольнению работников без серьезных на то оснований, приговаривался к штрафу в 100 000 лир. А работники, прервавшие работу по собственной вине, карались штрафом от 100 до 1000 лир либо заключением на срок до двух лет [1, s. 325]. Спорные вопросы об-

щего характера рассматривались апелляционными судами. Судебная власть была наделена широкими полномочиями, поскольку судья имел право менять трудовые отношения и нормы труда.

Маршал приходит к выводу о том, что фашистское законодательство в области экономики зарождалось одновременно с доктриной фашизма, «имело оригинальный характер и служило политическим целям вождя фашистской Италии – Муссолини» [1, s. 328].

Анна Ольхувка (Вроцлавский университет) в историографической статье [2] рассматривает футбол как один из инструментов фашистской пропаганды. Она пишет, что этот вид спорта уже давно не считается просто развлечением [2, s. 243]. Он стал предметом дискуссий историков и культурологов, социологов и экономистов, физиологов и биомехаников, темой кинофильмов и книг.

Одной из стран, живущих футболом, является Испания. Интересно, что испанское общество отвернулось от этого вида спорта после смерти генерала Франко в 1975 г., и футбол погрузился в забвение. Внимание к нему вернулось с выходом первых книг на тему использования спорта тоталитарными режимами. В проанализированной автором испанской литературе с конца 1980-х годов появлялись труды о связи футбола с политикой. Они касались ситуации в гитлеровской Германии, Италии Муссолини, франкистской Испании, Португалии Салазара и в латиноамериканских диктаторских странах. В них показано, в частности, насколько быстро футбол стал орудием фашистской пропаганды. Так, например, К. Салас пишет о компрометации Норвегией Третьего рейха во время Олимпийских игр в Берлине 1936 г., о «матче смерти» в Киеве 1942 г. между бывшими советскими футболистами и солдатами Люфтваффе, о победе испанской команды, представлявшей собой репрезентацию режима Франко, над англичанами в 1950 г., о польском футболе в годы Второй мировой войны и т.д.

Ф. Сенегини рассматривает первую женскую футбольную команду Италии – «Группу миланских футболисток» («Gruppo calciatrici milanesi»), бросившую вызов дуче. Физическое развитие женщин в Италии Муссолини находилось под жестким контролем властей, которые заботились о здоровье будущих матерей. Футбол в связи с его высокой скоростью и риском получить отражающиеся на репродуктивной системе травмы был признан небезопасным

для молодых женщин. Девочкам и девушкам разрешалось заниматься легкой атлетикой, гимнастикой или играть в мяч в соответствии с разработанными для них упрощенными правилами. Сенегини показывает, что в фашистской Италии, где, казалось бы, не было места индивидуальному, молодые футболистки нашли возможность жить свободно от идеологического контроля. Девушки играли в футбол и обсуждали актуальные общественно-политические темы, превратив свои спортивные встречи в клуб для дискуссий. В данном случае низкий общественный статус женщин в Италии Муссолини был поставлен под вопрос и совмещен с большой ролью футбола в политике.

А. Ольхувка считает, что исследования испанских авторов наметили поле для проведения научной работы по рассматриваемой проблематике в дальнейшем. Она выражает надежду на появление богатых фактологически польских работ о связи футбола с историей [2, s. 249].

В статье Магдалены Табернацкой (Вроцлавский университет) [3] предпринята попытка анализа условий, повлиявших на возникновение нацизма и фашизма. Она написана на основе трудов доктора философии, психологии и социологии Алис Миллер (1923–2010) – швейцарской ученой с польско-еврейскими корнями. Миллер была одной из основательниц исследовательского течения, изучающего так называемую «черную педагогику». Она полагала, что дискриминационные явления и склонность к применению насилия в обществе являются результатом воспитания, основанного на применении «угнетающих и репрессивных практик» [3, s. 364]. Ее исследования способствовали развитию современных концепций прав детей, а также юридического регулирования вопросов воспитания детей в целом.

Миллер, по утверждению Табернацкой, искала ответ на вопрос о том, какие психологические механизмы привели к становлению общества, в котором могли развиваться нацизм и фашизм. Ее научные труды («Бунт тела», «Драма одаренного ребенка», «Порабощенное детство. Скрытые источники тирании» и др.) были посвящены двум основным проблемам: 1) условиям, в которых немецкое общество стало послушным орудием в руках нацистов, занимавшихся истреблением евреев и славянских народов; 2) особенностям личностей руководителей Третьего рейха и выявлению

причин возникновения у них тех черт характера, которые привели к превращению их в нацистов. Раскрытие этих проблем было осуществлено посредством анализа основ «черной педагогики», повлиявшей на формирование немецких граждан. Миллер считала, что последняя была направлена на подавление воли ребенка путем открытого либо завуалированного давления, манипуляций и насилия с целью превратить его в послушного раба [3, s. 368]. Дети, полностью подчиненные воли взрослых, в будущем стали основой общества нацистской Германии. А лица с рабской психологией воспитывали своих детей в таком же духе.

Как пишет автор, Миллер попыталась также выяснить, почему рожденные в течение 30 лет перед приходом к власти Гитлера миллионы немецких детей во взрослом возрасте не отвергли нацизм. Она сводит ответ на этот вопрос к генетической теории, называя приспешников Гитлера «жертвами воспитания» [3, s. 369]. Эти люди, по мнению Миллер, «подвергались физическим пыткам и унижениям», а позднее «выплескивали подавленные чувства гнева и бессильной ярости на невинных жертв» [там же]. В нацистской Германии «черная педагогика» была элементом школьного образования и воздействия на детей в семьях, применявшимся в целях воспитания будущих солдат и их матерей. В качестве дополнения к точке зрения Миллер Табернацкая приводит мнение директора американской школы в Берлине конца 1930-х годов Г. Цимера, утверждавшего, что нацистская система образования более опасна, чем армия Рейха [3, s. 371]. А в современной Германии дети воспитываются по-разному. В тех семьях, где жестокости и унижения по-прежнему играют большую роль, испытывавшие боль молодые люди выбирают и атакуют невинных жертв, подводя под это идеологические причины.

Еще один вопрос, интересовавший Миллер, – факторы, повлиявшие на формирование руководителей фашистской Германии. Исследовательница не нашла среди последних ни одного человека, который не получил бы сурового воспитания. Так, например, Рудольф Гесс и Генрих Гиммлер воспитывались в духе полного послушания, нарушение которого наказывалось методами «черной педагогики», физическим насилием со стороны их отцов.

Кроме того, Миллер считала, что «каждый диктатор заставляет трепетать свой народ так же, как он сам трепетал в детстве»

[3, s. 373]. В связи с этим она писала о необходимости противодействовать сосредоточению власти в руках одного лица, что может привести к тирании.

На основе сочинений Миллер Табернацкая приходит к выводу о том, что «черная педагогика» была одним из решающих факторов формирования в Германии 1930-х годов тоталитарного общества, «полностью подчиненного нацистской идеологии» [3, s. 374]. Основы «черной педагогики» способствовали выявлению внутренних врагов государства – евреев и славян, не соответствовавших фашистской модели человека. Подавление воли гражданина привело в предвоенной Германии «к фактическому признанию бесправия и террора ключевыми принципами существования этого государства» [там же].

Статья Адама Велёмского (Университет кардинала Стефана Вышиньского в Варшаве) [4] посвящена наукотворчеству французского философа Жоржа Сореля (1847–1922) и появлению политического мифа фашизма в Италии. В Польше Сорель известен как философ-марксист, однако такое его восприятие представляется автору статьи не совсем верным.

Велёмский пишет, что в начале XX в. мифы играли огромную роль в науке и политике [4, s. 64]. В частности, Сорель был автором собственного политического мифа. Он превратил марксизм из рационалистической идеологии в «живое представление о всеобщей забастовке» [4, s. 66]. Философ утверждал, что революция свершится на последней фазе борьбы на баррикадах. Рабочие станут рисковать жизнью не ради идеологии, которую не понимают, а ради того, чтобы сделать мир лучше «романтическим» революционным путем.

Сорель скончался в 1922 г., успев выразить поддержку большевизму в России и фашистскому режиму в Италии. Автор называет его «романтическим революционером» [там же]. При этом он признает, что концепция Сореля была направлена против всех и всего: против либерализма, демократии, коммунистической ортодоксальности и ревизионизма социал-демократов. Сорель отрицал современную ему культуру, политические теории и методы анализа. Он любил Средневековье и католические семейные ценности. Его интересовала надстройка социальной базы революции, которую он видел не связанной с экономическими и общественными

факторами. Рабочий класс, по его мнению, имел деструктивный потенциал, направленный на уничтожение либерального мира. Сорель больше помышлял о культурной (национальной), а не о политической революции. Поэтому на созданный им миф обратили внимание националисты и фашисты. Ведь именно национальная революция была призвана уничтожить существовавший статус-кво.

Велёмский считает, что сорелианско-националистический миф имел в Риме значительную социальную базу из борцов с Версальским договором, который не сделал Италию великой мировой империей [4, s. 69]. Муссолини и его сторонники переделали миф о пролетарской революции в миф о национально-синдикалистской революции, которая должна была свергнуть мещанский мир. Сорель также питал ненависть к мещанству. Итальянские фашисты читали его письма, многие были на них воспитаны. Как пишет автор, сегодня уже никто не подвергает сомнению схожесть идей Сореля и Муссолини [4, s. 69]. Он подчеркивает, что само понятие фашизма как политического мифа имеет сорелианские корни [там же]. Для Муссолини мифом была сама нация, которую ставил во главу угла и Сорель.

В заключительной части статьи Велёмский констатирует, что в польской исторической науке, политологии и юриспруденции фашизм и нацизм относятся к категории идеологий вследствие их всеобъемлющего виденья мира. В то же время другие идеологии имеют рациональный и систематический характер, чего нет у фашизма и нацизма. Поэтому автор предлагает выделить их из числа идеологий и назвать «политическими мифами», «рассматривая при этом Сореля как отца этой политологической концепции» [4, s. 70].

Публикация Шимона Врубеля (Варшавский университет) [5] посвящена понятию «фашизм». Автор задается вопросом, чем является фашизм, «если это не только политическая идеология, но и сердечная склонность» [5, s. 143]. Через 70 лет после издания книги «Авторитарная личность» известного немецкого философа и социолога Теодора В. Адорно (1903–1969) Врубель пытается осмыслить сегодняшний фашизм, имеющий место в демократических странах. Сочинения Адорно составили основу источниковой базы его исследования.

По причине того, что мы не имеем однозначного определения понятия «фашизм», последнее присутствует в научных исследованиях во многих значениях. Так, Адорно писал об американцах, «готовых к фашизму», но при этом считающих себя консерваторами либо либералами. Другими словами, он рассуждал об антидемократических тенденциях в демократической стране – США. А антидемократической пропаганде, по его мнению, подвержена «потенциально фашистская личность» [5, s. 147].

«Люди, готовые к фашизму», – это те, которые готовы принять фашизм, если он станет сильным и признанным общественным движением. При этом расположение к фашизму не зависит от классовой принадлежности или классовой позиции. Люди склонны принимать такие политические проекты, которые соответствуют их экономическим интересам. Однако в случае с фашизмом экономические интересы не играют решающей роли. Для авторитарной личности характерна бессознательная агрессия, не связанная с собственными объектами, которые заменяются на другие. Такими объектами были, например, евреи, перед которыми люди нееврейских национальностей испытывали страх как перед чужаками. Автор соглашается с Адорно, написавшим, что он и его современники живут в потенциально фашистское время [5, s. 149].

Врубель полагает, что и в наши дни капитализм является небезопасным и реакционным, «авторитарной формацией», которая «носит в себе зачатки фашизма» [там же]. При этом современный фашизм использует прогрессивные и технологические инновации своего времени. Нацизм появился в южной Германии, где была сильна римско-католическая традиция. Религия отвечала потребности нацистских вождей обладать «чем-то, за что ты можешь держаться» [5, s. 151]. В то же время им удалось нейтрализовать традицию и создать государство циников.

Для того, чтобы стать успешным политическим движением, фашизм должен найти поддержку у широких масс. Он не может сохранять свои позиции только при помощи репрессий и других механизмов подчинения, ему требуется поддержка большинства. Еще З. Фрейд считал, что фашизм рождается из растворения «я» отдельных людей в массе. Кроме того, на народ должен воздействовать нацистский демагог. Трудно определить, как он втирается в доверие к другим. Так, например, Адольф Гитлер вовсе не пред-

ставал в образе любящего отца нации или Супермена. Более того, существует связь между фашизмом, оккультизмом, месмеризмом и использованием гипноза в политических целях. Фашистский агитатор – это практически неизученный персонаж, которого можно подвергнуть только психоанализу. «Интеллектуальный анализ фашизма труден», – констатирует автор [5, s. 152].

Адорно считал, что фашизм приходит после либерализма, когда психология отдельной личности утрачивает всякий смысл и становится одним из элементов нацистской системы [5, s. 153]. Некоторые исследователи писали, что фашизм был «извращением стадного желания», а не только результатом гипноза. Существует и такое понятие, как постфашизм, т.е. фашизм, который еще не достиг своего пика и развивается далее.

Врубель отмечает, что в 1945 г. в Германии не было паники и неприятия существовавшего режима. Нацизм сплотил немецкий народ. Более того, он считает, что немцам вообще не удалось полностью уничтожить свою связь с нацизмом [5, s. 164]. В послевоенное время подчинение властям Германии рыночной экономики создало условия для возрождения нацизма. Автор утверждает, что нацистский режим основывается на том, чтобы нацист «не избегал демократии» [5, s. 165].

Публикация Давида Здруйковского (Белостокский университет) [6] посвящена декрету польского правительства от 22 января 1946 г. об ответственности за поражение Польши в сентябре 1939 г. и фашизацию государственной жизни, а также неизученному историками судебному процессу над генералом Станиславом Малеком.

30 мая 1940 г. в Польше была создана комиссия, преследовавшая цель сбора материалов, позволяющих определить ответственных за поражение страны в сентябре 1939 г. А в манифесте Польского комитета национального освобождения от 22 июля 1944 г. впервые появилось утверждение о фашизации государственной жизни в предвоенное время и о предателях, которые должны понести наказание. В число предателей попали польское правительство в эмиграции, переехавшее после разгрома Франции в Великобританию, и его делегатура в Польше. Было признано, что они осуществляли руководство нелегально на основе фашистской конституции 1935 г. Считалось, что правительство в эмигра-

ции сознательно затягивало борьбу с гитлеровцами и тем самым привело страну к катастрофе.

31 августа 1944 г. был издан декрет, содержавший меры наказания для фашистов и польских предателей. 22 января 1946 г. вышел еще один декрет – об ответственности за сентябрьское поражение и фашизацию государственной жизни, а 13 июня того же года – декрет, получивший известность как «малый уголовный кодекс». В последнем предвоенная Польша приравнивалась к Третьему рейху.

Польские чиновники и военные конца 1930-х годов отождествлялись с немецкими преступниками. Находившиеся в то время у власти в Польше коммунисты считали, что режим санации ничем не отличался от фашизма. Поэтому представители довоенного руководства страны подверглись репрессиям. Однако в январском декрете круг обвиняемых чинов не был четко определен, поэтому к ответственности можно было привлечь каждого, кто имел отношение ко Второй Речи Посполитой.

В качестве примера Здруйковский приводит судебный процесс над генералом Станиславом Малек, осуществлявшийся на основе декрета от 22 января 1946 г. Малек относился к предвоенным офицерам, служившим после Первой мировой войны в Народном Войске Польском. Процесс над таким высокопоставленным военным должен был, по мнению автора, «показать роль, какую играл январский декрет в послевоенной системе репрессий...» [6, s. 266].

Генерал был осужден военным судом. Процесс носил тайный характер, обвиняемый не имел адвокатов. Дело Малек было одним из 48 процессов, в которых осудили 92 офицеров Народного Войска Польского. Всех обвиняемых «вынудили признаться в преступлениях, которых они не совершали» [6, s. 267].

Малек был арестован 13 октября 1948 г. на основании обвинения в шпионаже согласно статье седьмой «малого уголовного кодекса». На момент ареста он был начальником штаба IV Военного округа во Вроцлаве. Автор считает, что главная причина ареста генерала заключалась в его политической неблагонадежности как офицера режима санации, а происходившая тогда советизация Польши подразумевала чистку Войска Польского от идейно чуждых элементов [6, s. 268].

Малека обвинили в том, что он «с конца 1924 до апреля 1930 г. на территории Бреста над Бугом, Пинска, Барановичей, Кобрина, Белой Подляски, Слонима и других прилегающих населенных пунктов, поддерживал фашистское движение в Польше, находясь в должности управляющего Независимого информационного отдела, наносил ущерб польской нации путем деятельного участия в борьбе с коммунистами и ликвидации коммунистических организаций...» [цит. по: 6, s. 272].

Малека приговорили к 12 годам лишения свободы. Однако уже в 1947 г. ему как тяжело больному человеку сократили срок заключения до 8 лет. 30 ноября 1966 г. генерал скончался, но был посмертно реабилитирован благодаря усилиям его дочери.

Список литературы

1. Marszał M. Przyczynek do dyskusji nad faszystowskim prawem gospodarczym // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. – 2019. – Vol. 66, N 1. – S. 321–329.
2. Olchówka A. Futbol w cieniu dyktatury // *Studia Europaea Gnesnensia*. – 2022. – N 24. – S. 243–249.
3. Tabernacka M. Retrospektywna perspektywa badań prowadzonych przez Alice Miller nad związkami czarnej pedagogiki i znaczeniem relacji rodzinnych dla kształtowania się postaw społecznych wspierających nazizm i faszyzm // *Studia nad Autorytaryzmem i Totalitaryzmem*. – 2021. – Vol. 43, N 4. – S. 363–374.
4. Wielomski A. Georges Sorel i narodziny faszystowskiego mitu politycznego // *International Studies: Interdisciplinary Political and Cultural Journal*. – 2022. – Vol. 27, N 1. – P. 63–72.
5. Wróbel S. Faszyzm jako symptom, funkcja i schemat ideologiczny // *Teksty Drukie*. – 2021. – N 3. – S. 143–165.
6. Zdrójkowski D. Dekret z dnia 22 stycznia 1946 r. o odpowiedzialności za klęskę wrześniową i faszyzację życia państwowego a proces karny generała Stanisława Małka w latach 1948–1950 // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. – 2020. – Vol. 72, N 2. – S. 263–280.

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК: 303.446.4; 321.1; 504.03

DOI: 10.31249/hist/2023.03.11

БОЛЬШАКОВА О.В.* ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ИСТОРИИ :
СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. КОММЕН-
ТАРИЙ К БИБЛИОГРАФИИ

Аннотация. В статье на примере массива литературы, посвященной разнообразным аспектам взаимоотношений человека и природы, представлен новый, качественный подход к составлению проблемно-тематической библиографии. Описывается методика работы над формированием выборки из 45 названий по материалам журнала The American historical review за 2022 г., обосновывается ее репрезентативность. Анализ содержания книг в контексте общего развития мировой науки позволил показать ведущие направления в этой области, включая такие дисциплины, как экоистория, история империй, экология города, история естествознания и медицины.

Ключевые слова: журнал The American historical review; библиография; экоистория; история науки; история империй; экология города; история медицины.

BOLSHAKOVA O.V. Human being and nature in history: recent foreign studies. Comment on the bibliography

Abstract. The article presents a new qualitative approach to compilation of subject bibliography, on the example of a body of literature devoted to various aspects of human being and nature relations in history, describes the methodology of the formation of a sample of 45 titles on the materials of the journal The American historical review for

* Большакова Ольга Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела руссиеведения Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН. РАН); jkmuf16@gmail.com

2022, and justifies its representativeness. An analysis of the contents of the books included in the list, carried out in the context of the general developments of world science, allowed to show key areas in the field including such disciplines as environmental history, imperial studies, urban ecology, and history of science and medicine.

Keywords: “The American historical review” journal; bibliography; environmental history; history of science; imperial studies; urban ecology; history of medicine.

Для цитирования: Большакова О.В. Человек и природа в истории: современные зарубежные исследования. Комментарий к библиографии. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 3. – С. 206–226. – DOI: 10.31249/hist/2023.03.11

Представленная вниманию читателя тематическая подборка литературы, посвященной истории взаимоотношений человека и природы, составлена по материалам журнала The American Historical Review (в научном обиходе – АНР) за 2022 г. Будучи органом Американской исторической ассоциации (American Historical Association), он является старейшим историческим журналом в США (печатается с 1895 г.) и по сей день задает золотой стандарт научной периодики. В настоящее время АНР выходит 4 раза в год (до 2021 г. – 5 раз), каждый номер объемом 500 и более страниц. Его отличительной чертой является большое количество рецензий на книги по самым разным областям исторического знания, из которых и было отобрано 45 названий, охватывающих публикации 2017–2021 гг.

Ранее ежегодно публиковалось от 800 до тысячи рецензий, но с началом перестройки журнала в 2020 г., затронувшей как его форму, так и содержание, их количество сократилось. Однако и 434 рецензии, вышедшие в 2022 г., дают достаточно материала для составления тематической библиографии. Сам факт рецензирования делает эти книги «референтными» и благодаря авторитету журнала вводит их в научный оборот.

Отличие предлагаемой подборки от стандартной библиографии, которая имеет дело только с названиями книг, заключается в том, что главным критерием отбора являлось их содержание – и прежде всего качество. В данном случае половина работы была

сделана редакторами АНР: рецензируемые в этом журнале книги, как правило, высокого уровня. Тем не менее все вошедшие в предварительный список 62 монографии были проверены *de visu* на предмет качества и соответствия тематике. В век цифровых технологий это делается с помощью таких ресурсов, как сайт самого журнала, сайт магазина Amazon, который наряду с издательской аннотацией содержит много другой полезной информации о книге и ее авторе и некоторых других. Ряд монографий имеется в открытом доступе, полностью или частично. При многолетнем опыте работы с потоками литературы в ИНИОН этой информации вполне достаточно. В результате часть книг была отсеяна и в окончательном списке осталось 45 названий.

Опубликованные в годовом комплекте АНР за 2022 год рецензии по заявленной теме составляют примерно одну седьмую от всего массива рецензий. Это много, учитывая разнообразие и многоаспектность исторической проблематики. Интересно, что эта пропорция косвенно подтверждается данными, касающимися исследований истории России / СССР и постсоветского пространства. За тот же 2022 год в АНР было помещено 14 рецензий на книги по данной тематике, из них два названия вошли в наш список, т.е. соотношение примерно такое же, 1:7.

Насколько репрезентативной является такая выборка, сделанная на основе не формальных, а содержательных критериев, но при этом по материалам только одного журнала, пусть и столь авторитетного, и только за один год? Что она дает историку и позволяет ли судить о состоянии мировой науки сегодня?

Безусловно, выборка имеет свои ограничения – хотя бы потому, что большинство отрецензированных монографий выпущено издательствами североамериканских университетов. Лишь малая их часть вышла в европейских издательствах или в таких транснациональных холдингах, как Oxford university press и Cambridge university press – все, естественно, на английском языке¹.

¹ Следует заметить, что журнал меняет политику рецензирования, хотя результаты перестройки окончательно проявятся, скорее всего, только в 2023 г. За весь 2022 г. в нем помещено лишь несколько рецензий на книги, опубликованные на испанском, французском и португальском, в то время как книг на других европейских языках, включая русский, уже нет.

Имеются ограничения как по хронологии (в журнале мало рецензий по Античности и Средневековью по сравнению с общим объемом имеющейся историографии), так и по географии. Основное внимание АНР уделяет Северной Америке и так называемому Атлантическому миру, что, однако, не исключает нарастающего интереса к Азии (прежде всего к Китаю), к Северной Европе и особенно к Африке.

Что касается авторов рецензированных монографий, большинство из них так или иначе ассоциированы либо аффилированы с научными учреждениями в Северной Америке – собственно, именно поэтому их исследования и публиковались в американских университетских издательствах. Однако нельзя упускать из виду степень глобализации науки, которая, во-первых, окончательно становится англоязычной. Ученые из разных стран все активнее издают свои работы на английском, превратившемся в *lingua franca* научной коммуникации. Во-вторых, очень многие по несколько лет работают то в одной, то в другой стране, и далеко не всегда на родине. Северная Америка, со своей мощной научной инфраструктурой, гораздо чаще предоставляет такие возможности. Этот момент хорошо заметен в представленной библиографии, где присутствуют как немецкие и итальянские, так и турецкие, и китайские, и индийские имена. С учетом названных особенностей современной глобальной науки (и не только исторической) можно сделать предварительный вывод, что представленная выборка позволяет составить мнение об общемировых тенденциях. Более того, она весьма репрезентативна как раз в отношении избранной темы.

Именно в США в 1960–1970-е годы зародились исследования по истории взаимоотношений человека и окружающей среды, и страна до сих пор сохраняет свое первенство в этой области. Как и американская историография в целом, подавляющее большинство работ по условно «экологической» проблематике сконцентрировано на периоде Нового времени. Что касается актуальности и новизны, которые считаются основными атрибутами качественного исследования, то они обеспечиваются самим характером науки, культивируемой в США: это нацеленность на «прорывы», на острые социальные вопросы, стоящие на повестке дня. Качеству научной продукции способствует добросовестная работа с публикациями редакторского состава как журналов, так и универ-

ситетских издательств, годами причисывающих рукописи при активном участии внешних рецензентов. Правда, политика издательств, как и журнала АНР, меняется: заметно движение в направлении публичной истории, с целью преодолеть пропасть между ней и «настоящей наукой». Но это отдельная тема для разговора, а пока, думается, можно заключить, что тематическая выборка является, хотя и с некоторыми оговорками, репрезентативной и достойна внимания научного сообщества.

Что же собой представляет та целостность из 45 монографий, которую ИАЖ «История», в поисках новых форм информационной работы, решил опубликовать на своих страницах? В дисциплинарном отношении это преимущественно экологическая история, хотя русский термин не совсем соответствует своему английскому эквиваленту «*environmental history*». В переводе с английского «*environment*» – окружающая среда, в самом широком значении, в то время как экология – это наука об окружающей среде, хотя в бытовом употреблении и подразумевает просто «природу». В то же время слово «экологическая» несет в себе определенные ассоциации с борьбой за охрану окружающей среды, что в какой-то степени созвучно английскому термину «*environmentalism*», обозначающему «зеленое» движение, возникшее в США в 1960-е годы на волне борьбы за гражданские права и свободы, против дискриминации и эксплуатации.

Это было время пересмотра мировоззренческих основ, на которых зиждилось американское общество. Происходят серьезные сдвиги в общественном сознании, в науке и культуре. Изменяется отношение к природе, которую перестают воспринимать как объект трансформации и использования – что дало большой импульс критике капитализма. Под влиянием морального императива и политических пристрастий того времени ставится под вопрос идея господства человека над природой, включавшая в себя нарратив борьбы с нею; на первый план выдвигается задача ее сохранения.

Новый интеллектуальный климат вызвал к жизни много исследований в самых разных областях знания, трактующих отношения человека и природы. В 1960–1970-е годы в США выходят первые фундаментальные работы, появляются кафедры и учебные программы, позволившие подготовить кадры специалистов, в 1974 г. создается Американское общество экологической истории. Не-

сколько позже «environmental history» начинает завоевывать Европу, где имелся основательный фундамент в виде наследия школы Анналов. Однако первое общество такого рода было создано там только в 1991 г. в Шотландии¹.

Исследования изначально носили междисциплинарный характер, поскольку историкам приходилось опираться на естественные науки – географию, геологию, химию, биологию, медицину и конечно же экологию. Представители этих и других дисциплин также вносили свой вклад, рассматривая природные и социальные объекты в их взаимосвязи. Возникли соответствующие субдисциплины: политическая экология, эосоциология, экология человека, экопсихология, экология города, эоархеология и др. Приставка «эко» используется здесь нами как условный эквивалент слова «environmental», и в дальнейшем для краткости мы будем применять термин «экоистория».

Следует заметить, что экоистория часто понимается узко – как история освоения и охраны природы (что определяет особый интерес к законодательству). Между тем область ее интересов гораздо шире и изменялась во времени.

Широту и разнообразие проблемного поля сегодняшней экоистории с успехом иллюстрирует книга о гражданской войне в Америке [Browning, Silver, 2020]. Не используя никаких новых источников, авторы сумели представить совершенно новый нарратив и раскрыть не известные ранее аспекты казалось бы вдоль и поперек изученной темы. Определив войну как «биотическое или биологическое событие», они рассмотрели сюжеты, связанные с распространением *болезней*, которые были вызваны скученностью людей и животных, принесших с собой микробы и вирусы из разных уголков страны. Заболеваемости способствовала *погода*, которая влияла и на сам ход военных действий. Холод, дожди и распутица ограничивали планы командующих; они серьезно ослабили и солдат, и животных, значительно увеличив потери. *Пища* – еще один важный аспект, демонстрирующий, как ее недостаток и нехватка в ней белков (и в какой-то период простой поваренной соли) обуславливали падение боеспособности. Как событие «эколо-

¹ Brüggemeier F.-J. Environmental history // International encyclopedia of the social and behavioral sciences. – Elsevier, 2001. – P. 4621–4622.

гическое», война принесла с собой *изменения в природной среде и ландшафте*, включая не только разрушения жилищ и инфраструктуры, но и *загрязнение*, сопутствующее скоплениям людей и *животных* – им также посвящена отдельная глава. Война и связанные с ней *миграции* оказали серьезное влияние на последующее формирование *городской и сельской среды* в районах военных действий. Анализируя ее наследие, авторы отмечают не только последовавшее развитие некоторых наук – например синоптики, занимающейся метеопрогнозами, или же ветеринарной медицины, но фиксируют настоящую трансформацию *представлений о взаимоотношениях человека и природы*, что отразилось в американском дискурсе *о природе*. Рождается движение *по охране окружающей среды* (conservation movement), создаются первые *национальные парки*.

Выделенные курсивом понятия и темы, значимые для сегодняшней экоистории, являются предметом изучения и других субдисциплин. Однако в новом тысячелетии прежняя междисциплинарность утратила свое значение, сменившись мультидисциплинарностью, которая подразумевает, что в одном исследовании используются методы и подходы разных наук; дисциплинарная принадлежность отходит сегодня на второй план. Большее значение имеют парадигмы, на основе которых анализируются те или иные сюжеты. В первую очередь это культурно-историческая, с ее интересом к тому, что люди думали о природе, как на ее основе строили свою идентичность, а также постколониальная, вобравшая в себя критические импульсы 1960-х, однако обогатившая их современными представлениями.

Раса, класс и гендер – три столпа зарубежной историографии, давно составлявшие проблемный стержень исторических исследований, дополнены, благодаря современной экологической перспективе, новой категорией: *nonhuman, more-than-human* – т.е. все, что не является человеческим, «больше, чем человеческое». Исходя из того, что природа и социум неразрывно связаны, взаимно переплетены, исследователи включают в рассмотрение не только очевидное – живые организмы, от домашних животных до вирусов, но и представителей двух других линнеевских царств природы, растительного и минерального, и «неодушевленные» вещи, даже такие абстрактные, как технологии.

Изучение всех этих предметов, по общему мнению, позволяет лучше понять, что означает быть человеком. Речь идет о современном понимании «человеческого», которое сильно изменилось под влиянием как наук о жизни, включая эпигенетику и нейробиологию, так и гуманитарной мысли, в которой завоевывает позиции неоматериализм с его вниманием к формирующему воздействию материальной среды на мир человека. Этот подход, критикующий модную концепцию антропоцена, модернистскую по своей сути¹, реализован в книге Тимоти ЛеКейна «Материя истории: как вещи создают прошлое» [LeCain, 2017].

ЛеКейна интересуют «попутчики» человека, сопровождающие его на дороге истории. Самыми непосредственными являются микробы и вирусы, количество которых в теле каждого индивида, по данным современной науки, намного превосходит число собственно «человеческих» клеток. Их деятельность, обеспечивая нормальную функцию организма, собственно и делает нас людьми в самом бытовом смысле этого слова. Проследившая историю некоторых «попутчиков» – техасских коров породы лонгхорн, шелковичных червей, медных рудников – и их влияние на выстраивание социальной иерархии, развитие промышленности, наконец, на глобализацию, автор призывает видеть сущностную креативность взаимодействий человека и материального мира [LeCain, 2017, p. 299].

Представленные в библиографии названия служат примером этих новых тенденций. Помимо вполне стандартной аграрной истории культивации риса в Южной Каролине [Smith, 2019] имеется история разведения и бытования свиней в раннесредневековой Европе, опирающаяся на данные археологии, этологии и биологии млекопитающих, но прежде всего на визуальные, литературные и юридические источники, что позволяет рассмотреть и социальную, и культурно-мифологическую составляющую [Kreiner, 2020]. «Переплетенная история» черепах и их ловцов на Карибах за последние 150 лет составляет центральный сюжет книги Шарики Кро-

¹ Антропоцен – эпоха в истории Земли, характеризующаяся тем или иным уровнем воздействия человеческой деятельности на экосистемы планеты. Датируется, как правило, началом неолита, что позволяет существенно расширить хронологические границы эоистории. Опора на этот концепт встречается в ряде работ из представленного списка.

уфорд [Crawford, 2020], в которой рассматриваются такие проблемы, как борьба за контроль над населением и ресурсами, расовое неравенство, политика нациестроительства в регионе, миграции, наконец, охрана окружающей среды и панамериканские модели труда и потребления. Один из «персонажей» книги ЛеКейна – шелковичный червь – оказался объектом исследования, посвященного попыткам развития шелководства в Атлантическом мире, т.е. во французских, испанских и британских колониях Северной Америки в XVII–XVIII вв. (и в Соединенных Штатах после войны за независимость). «История неуспеха», несбывшихся надежд на получение сырого шелка для европейских рынков позволяет показать многие грани раннего колониализма, с его предприимчивостью и тягой к научным экспериментам, а также пределы власти колонизаторов [Marsh, 2020].

Введение империй в исследовательское поле экоиории сделало ее глобальной, хотя в фокусе внимания чаще всего находится Британская империя и Атлантический мир, особенно его островная часть. С 1990-х годов сложилось целое направление в историографии, большое значение для которого имеет концепция «экологического империализма», введенная Альфредом Кросби¹. Основной тезис Кросби заключался в том, что в век империализма (с открытием Америк) воздействие человека на природу многократно усилилось. Он обращал внимание прежде всего на то обстоятельство, что белый человек принес с собой микробы и вирусы, к которым местное население не имело иммунитета, – однако местная флора и фауна оказывались губительными и для колонизаторов. Довольно быстро сложился набор основных тропов о разрушительном воздействии колониализма и глобализации на природную среду (развитие плантационного земледелия; сведение тропических лесов, что вело к эрозии почв; ввоз домашних животных, не эндемичных данной территории, что нарушало экосистему и несло угрозу биоразнообразию). Подчеркивалось, что освоение и заселение других континентов становилось капиталистическим предприятием по изъятию ресурсов, которое сопровождалось без-

¹ Crosby A.W. Ecological imperialism : the biological expansion of Europe, 900–1900. – New York : Cambridge univ. press, 1986. – 408 p.

удержной эксплуатацией и изменением первоначального ландшафта до неузнаваемости [см.: Roberts, 2019].

Проблемы угнетения коренного населения (обладавшего, по общему мнению исследователей, уникальными знаниями о природе) рассматриваются в постколониальной парадигме с ее интересом к «малым сим», беззащитным и безгласным. Тот же троп угнетения прилагался и к уязвимой природе, которая после вторжения белого человека быстро и очевидно деградировала: исчерпывались ресурсы, исчезали виды. Так что центральное место в экоиории империализма первое время занимали вопросы охраны природной среды, имевшие большое значение для политики имперских властей. Постепенно эти позиции стали пересматриваться, как, например, в книге о ранней французской колонизации Канады, где показана история создания там садов по образцу метрополии [Parsons, 2018]. Автор подчеркивает, что отличительными чертами этого широкомасштабного предприятия являлись привлечение знаний коренного населения и стремление поддерживать биологическую устойчивость.

Традиционной для историков империй темой являются проблемы освоения территорий, управления ими и формирования их границ, однако ее изучают и представители других дисциплин. Профессор антропологии из Кёльна М. Боллиг рассмотрел 150-летнюю историю пустыни Каоковельд, расположенной в Южной Анголе и Северной Намибии и получившей не так давно наименование «Засушливого рая». Эта история полна конфликтов, обусловленных колониализмом и его наследием, а будущее во многом определяется сегодняшними глобальными проблемами, включая изменение климата, спрос на дешевые полезные ископаемые и необходимость сохранять биоразнообразие [Bollig, 2020].

Однако постколониальная парадигма используется авторами далеко не всегда – чаще всего это предсказуемо касается исследований Османской империи [Husain, 2021]¹. Индийские историки, напротив, традиционно ее придерживаются, в том числе такой важной составляющей, как воображение колонизаторов, формировавшее их планы по использованию новых земель. Исследование

¹ О политике империостроительства в Османской империи в 1864–1890 гг. см. также: Dolbee S. Empire on the edge: Desert, nomads, and the making of an Ottoman provincial border // AHR. – 2022. – Vol. 127, N 1. – P. 129–158.

масштабной трансформации сельского мира, включая ландшафт, на примере Пенджаба показало, как работали эти идеи и практики – что заставляет пересмотреть аграрную историю многих регионов [Bhattacharya, 2019].

Интерес к ландшафту начал расти в 1980–1990-е годы, он становится предметом исследований как исторической географии, так и экоистории, с особым вниманием к его роли в конструировании национальной идентичности [Toyosawa, 2019]¹. Под влиянием культур-исторической парадигмы экзотический ландшафт интерпретировали как текст, изучали конструирование его образности в XVIII–XIX вв. (в особенности в викторианской Англии) и писали об «изобретении ландшафта» колонизаторами, подававшими живописность как «приглашение к контролю».

Столкнувшись с богатой природой новых территорий, европейцы испытывали огромное воодушевление и энтузиазм. Ботаники и коллекционеры собирают, описывают и привозят растения со всего мира, акклиматизируя их в Европе, но в то же время заселяют европейскими культурами Новый Свет [Parsons, 2018]. Активно развивавшаяся в XVIII в. ботаника (вершиной стали труды К. Линнея по классификации растений) интерпретируется историками не только как составная часть «цивилизаторской миссии» и инструмент колонизации, вполне в духе Э. Саида, но и как инструмент геополитического соперничества, позволивший, например, Франции и Англии ликвидировать голландскую монополию на пряности². Так что наука, особенно естественная, которая играла огромную роль в интеллектуальной жизни Европы XVII–XIX вв., составляет популярный сюжет в экоистории и рассматривается, как правило, в постколониальной перспективе.

В частности, орнитология, которой активно занимались британские офицеры в гарнизонах, разбросанных по всей территории империи, позволяет Кирстен Грир обратиться к изучению таких вопросов, как производство географического и климатологического знания, формирование представлений о расе, об имперской мас-

¹ Статью об истории о. Хоккайдо как образчика «экологического империализма» см.: Thornton M. A capitol orchard: Botanical networks and the creation of a Japanese 'Neo-Europe' // AHR. – 2022. – Vol. 127, N 2. – P. 573–599.

² Damodaran V. Environmental history // International encyclopedia of the social and behavioral sciences. – : Elsevir, 2015. – P. 753–754.

кулинности, о том, как «работает» империя [Greer, 2020]. В книге «Научное воображение в Южной Африке» дается масштабная картина изысканий в области астрономии, зоологии, ботаники и др. начиная с 1700 г. и по настоящее время, которые подкреплялись созданием музеев естественной истории, обсерваторий и ботанических садов [Beinart, Dubow, 2021]¹.

Несколько особняком стоит книга о науке в Османской империи XVII в.: отзываясь на научную революцию в Европе, с ее интересом к естествознанию, турецкая наука пошла, однако, своим путем, создав «практический натурализм», лишенный и европейского теоретизирования, и какой-либо связи с исламской философской традицией [Küçük, 2019]. Напротив, весьма космополитический взгляд представлен в монографии Пэй-И Чу, посвященной истории науки о вечной мерзлоте (мерзлотоведения) в России и СССР, в ее тесной связи как с социальным и политическим контекстом, так и с мировыми исследованиями в годы холодной войны и позднее [Peu-Yi Chu, 2021]. Актуальность использования автором гуманитарного подхода интеллектуальной истории к исследованиям антропоцена определяется всеобщей озабоченностью проблемами глобального потепления и загрязнения окружающей среды, наиболее заметными в Арктике.

В современной перспективе, когда камни и почва, океан и воздух перестали быть молчаливым «фоном» жизнедеятельности человека, популярные и прежде исследования климата и погоды обретают новую жизнь. В книге профессора Билефельдского университета Элеоноры Роланд впервые исследуется 300-летняя история ураганов в Новом Орлеане начиная с 1722 г., когда город был почти полностью уничтожен, и заканчивая знаменитой Катриной (2005). В центре внимания – проблема адаптации человека к непредсказуемой и опасной окружающей среде, особенно актуальная в контексте глобального потепления [Rohland, 2019].

В то же время отношения с природой все чаще рассматриваются в рамках концепта общества потребления, что особенно

¹ Об интересе к этой проблематике сегодня свидетельствует публикация в АНР за 2022 г. статьи о достижениях шведских ученых, включая К. Линнея, в сфере познания природы, призванных поставить ее на службу человеку: Wennerlind C. Atlantis restored: Natural knowledge and political economy in Early Modern Sweden // АНР. – 2022. – Vol. 127, N 4. – P. 1687–1714.

характерно для XX в. История освоения побережья Америки и рождения такого воплощения американской мечты, как пляж – высокотехнологичного, коммерциализованного пространства, которое является одним из атрибутов глобальной культуры досуга, представлена в двух монографиях [Ritchie, 2021; Wells, 2020].

Достаточно популярная тема – трансформации ландшафта, сохранение (консервация) определенных территорий с целью превращения их в рекреационные зоны либо просто в удобные для проживания места с адаптацией к современным реалиям. История изменений сельского ландшафта во Франции после 1945 г., когда трактор окончательно вытеснил лошадь, показывает «переизобретение» крестьянской жизни, органично включившей в себя атрибуты современности [Farmer, 2020]; не менее интересна история природного парка Альбуфера-де-Валенсия с его сложной экосистемой [Hamilton, 2018]. Тематически примыкает к ним история создания в России / СССР национальных парков, которые задумывались на рубеже XIX–XX вв., в 1930-е годы были реализованы в виде заповедников, и только туристический бум 1950–1960-х годов дал возможность приблизиться к заветной мечте [Roe, 2020]. К концу XX в. было организовано 35 национальных парков, сохраняющих уникальные ландшафты и одновременно доступных для туристов.

История парков и садов Детройта и его пригородов с конца XIX в. до наших дней [Cialdella, 2020] представляет собой разрыв с американской традицией сосредотачиваться на вредном воздействии токсичных выбросов на природную среду этого промышленного города. Автор предлагает иную версию экоистории Америки, подчеркивая тенденцию к примирению индустриального и сельского, что принесло свои плоды в виде возможности жить в современном промышленном городе, не жертвуя эстетикой и наслаждаясь прогулками под сенью деревьев. В том же ключе, однако с акцентом на современности, написана история знаменитой свалки Fresh kills на острове Стейтен-Айленд, куда с 1948 г. свозились отходы со всего Нью-Йорка. После 2001 г. здесь начались масштабные работы по рекультивации, полностью трансформирующие район в современный парк с зонами отдыха и развлечения. Автор, признанный специалист в области экоистории города,

осмысливает феномен свалки как нежелательное, но управляемое последствие массового потребления (Melosi M.V., 2020).

Новое прочтение окружающей среды заставляет обращать особое внимание на архитектуру, которая становится значимым предметом изучения для экологии города (urban ecology) и истории города (urban and environmental history). Серьезное исследование воздействия застройки на политическую историю Великобритании XX в. показано через рассказ о взлете, падении и переизобретении шести типов городского пространства: промышленной зоны (превратившейся в технопарк и бизнес-парк), торгового центра, района муниципальной застройки, частных домов, пассажей (моллов) и пригородных офисных (корпоративных) парков – этой приметы эпохи неолиберализма, наступившей в 1980-е годы [Wetherel, 2020]. Большой интерес в этом отношении представляет история архитектурного планирования и застройки Дубая – города-«выставочного образца», как его характеризует автор, профессиональный архитектор, принимавший участие в его проектировании в 1970-е годы [Reisz, 2020].

Еще одна книга по архитектурной тематике, отмеченная наградами научного сообщества, заслуживает особого внимания, учитывая большой интерес к истории нацистской Германии на Западе. Богато иллюстрированная «Северная утопия Гитлера» Деспины Стратигакос, профессора ун-та Торонто, посвящена планам строительства за Полярным кругом «Нордической империи» в оккупированной Норвегии и написана на основе архивных материалов [Stratigakos, 2020]. Как известно, немцы издавна восторгались Норвегией, ее историей и ее ландшафтами, и задуманная расовая утопия должна была не только улучшить генофонд, но и представить немцев наследниками викингов. Планы Третьего рейха по присоединению северного соседа включали в себя строительство не только хайвэя от Берлина на север, засекреченной морской базы и «культурной столицы» в Тронхейме, но и более широкой инфраструктуры, включавшей в себя центры досуга для германских солдат, центры «мать и дитя», а также постройку 23 особых национал-социалистических поселений на месте разрушенных норвежских городов. Наряду с архитектурным анализом проектов по созданию в оккупированной Норвегии нацистского ландшафта в книге уделяется внимание обстоятельствам их реализации и провала, в ко-

тором немалую роль сыграли силы сопротивления (и судьбам военнопленных, занятых в строительстве – в большинстве своем русских).

Немаловажный аспект исследований городской среды касается человеческого здоровья. С этой точки зрения рассматривается строительство инфраструктуры в средневековой Италии и политика городских администраций, имевшая своей целью создание здоровой обстановки, поддержание общественной гигиены, препятствующей распространению болезней [Geltner, 2019]. Автор убедительно демонстрирует, что публичное здравоохранение возникло задолго до Черной смерти, опустошившей Европу в XIV в. Его анализ систем и практик городского правления в Италии, и в домодерной Европе в целом, выходит далеко за рамки истории медицины. Точно так же исследования эпидемий чумы эпохи Раннего Нового времени не сводятся к «истории болезни», давая широкую картину состояния социума, политики властей и Церкви, а также культурных последствий бедствия, постигшего население Европы и Нового Света [MacKay, 2019; Hughes, 2021]. Не забыта и женская история, показывающая роль женщин-целительниц во Флоренции эпохи Ренессанса [Strocchia, 2019].

Исследования, посвященные истории медицины, болезням и здоровью, а также человеческому организму как таковому, составляют большой блок в представленной библиографии. Несомненно, интерес к работам по этой проблематике повысился в связи с пандемией COVID-19. В других обстоятельствах университетский учебник Майкла Хаммонда «Эпидемии и мир в Новое время» с высокой долей вероятности не был бы отобран для рецензирования в АНР [Hammond, 2020]. Заметно также, что рецензенты подходили к анализу книг уже вооруженные личным опытом – в частности, к историческому исследованию вакцинации против оспы, которое явно не относится к разряду научных прорывов [Bennett, 2020]. Конъюнктурный характер носит и выбор для рецензии книги «Американские инфекции: Эпидемии и право, от оспы до COVID-19», которую можно назвать справочником по истории американского законодательства, полезным в период пандемии [Witt, 2021].

Интерес редакции журнала к пандемии COVID-19 отразился также в публикации в 2022 г. специального форума, на котором

было уделено внимание ее медицинским, демографическим, экономическим и социальным последствиям, а также ее влиянию на научную, преподавательскую и музейно-просветительскую деятельность¹.

Однако, несмотря на вызванный текущей ситуацией перекося в сторону актуальности (явно за счет других исследований по медицинской проблематике), журнал рассмотрел некоторые интересные книги, посвященные не только инфекционным болезням. Две из них были изданы по итогам 100-летнего юбилея Первой мировой войны. В одной корректируется история немецкой военной психиатрии, имевшей дело с полученными на поле боя психическими травмами [Bennette, 2020]. Другая представляет собой исключительно оригинальное исследование, написанное на перекрестье истории медицины и интеллектуальной истории, с привлечением феноменологических рассуждений [Geroulanos, Meyers, 2018]. В ней подробно анализируются трансформации, произошедшие в понимании человеческого тела в итоге осмысления практического опыта военных врачей. В научной медицине возникает новый концепт тела как «уязвимой целостности», одновременно и организма, и индивида. Этот концептуальный сдвиг оказал влияние на такие разные области знания, как антропология, политэкономия, психоанализ и кибернетика.

Не менее оригинальное исследование также связано с опытом войны, только уже вьетнамской [Thuy Linh Nguyen Tu, 2021]. В центре внимания находится кожа – самый большой орган человеческого тела – и деятельность военных дерматологов, искавших средства предохранить ее от повреждений, в том числе химических. Подчеркивается расовый компонент дерматологических исследований, имевших в виду исключительно белых военнослужащих. Однако полученная в итоге фармацевтическая косметика стала после окончания войны важным атрибутом потребления для вьетнамских женщин, создав новый эталон красоты.

Заметно, что в своей политике рецензирования журнал явно отдает предпочтение оригинальным по своей концепции исследованиям, иногда в ущерб качеству (несколько названий было ис-

¹ The pandemic and history / Arnold D. [et al.] // AHR. – 2022. – Vol. 127, N 3. – P. 1341–1378.

ключено из списка именно по этой причине). Однако кажущаяся на первый взгляд почти эксцентричной тема обоняния, которая обрела особую актуальность благодаря опыту пандемии, отражает на самом деле давно возникший и весьма живой интерес. Он подтверждается публикацией в 2022 г. в AHR материалов нескольких дискуссий, освещающих как методологические аспекты исследований истории запахов и роли обоняния в повседневной жизни, так и музейные проекты¹. Помещена и рецензия на книгу о восприятии запахов в Средние века [Robinson, 2020]. Это одна из примет интереса к более широкой «истории органов чувств» (history of senses), которая набирает силу в последнее время.

Отзывчивость на актуальные вопросы нашла свое отражение в рецензии на культурную историю аппетита, отсылающую нас к той озабоченности проблемой ожирения, которой охвачено современное общество потребления (существует даже субдисциплина fat studies) [Williams, 2020]. В то же время и сама эконоистория выбирает сюжеты под влиянием тех проблем, которые стоят на повестке дня. В новом тысячелетии – это глобальное потепление, загрязнение окружающей среды – также глобальное, неравенство – социальное, расовое, гендерное; не теряет своей актуальности и проблема эксплуатации ресурсов.

С 2010-х годов на передний план выдвинулась тема миграций. Влияние транснациональных и внутренних миграций (и людских масс, и растений) на природу и ландшафт, а также на экономику и социум, рассмотрено на примере Боливии, запустившей в 1952 г. масштабный проект по освоению Амазонии, который превратил регион в агропромышленную империю [Nobbs-Thiessen, 2020].

Двухсотлетняя история ископаемого топлива – нефти, газа и угля – анализируется Бобом Джонсоном с точки зрения возникновения и распространения особой «энергетической культуры», которая укоренилась и в ритуалах повседневной жизни [Johnson,

¹ Smell, history, and heritage / Tullet W. [et al.] // AHR. – 2022. – Vol. 127, N 1. – P. 261–309; Whiffstory: Using multidisciplinary methods to represent the olfactory past / Leemans I., Tullett W., Bembibre C., Marx L. // AHR. – 2022. – Vol. 127, N 2. – P. 849–879; Making whiffstory: A contemporary re-creation of an Early Modern scent for perfumed gloves / Marx L., Ehrich S.C., Tullett W., Leemans I., Bembibre C., Odeuropa, and Museum Ulm // AHR. – 2022. – Vol. 127, N 2. – P. 881–893.

2019]. Подчеркивая центральную роль энергетических ресурсов в развитии капитализма и собственно модерности (современности), а также их определяющее значение для понимания места современного человека в мире, автор показывает также, как они работают в сфере «инфраполитики».

Хотелось бы завершить обзор библиографии книгой, написанной в русле региональной истории [Sanders, 2020]. Казалось бы, что актуального в сюжете о том, что означало растить детей в годы послевоенного беби-бума на американском Западном побережье? Однако в это же время возникают первые признаки озабоченности загрязнением окружающей среды и проблемой здоровья, которые определяли тогда многие родительские страхи. И подробный, эмоциональный и профессиональный рассказ об отношениях «отцов и детей» в Орегоне 1950-х годов позволяет лучше понять сегодняшнее поколение активистов, борющихся за спасение планеты.

Разумеется, представленная проблемно-тематическая библиография, будучи всего лишь «годовичным срезом», не претендует на всеобъемлющую полноту, и при ее оценке необходимо учитывать влияние такого общемирового катаклизма, как пандемия COVID-19. Тем не менее она дает общий абрис современной историографии, а обзор содержания монографий, включенных в список, позволяет выявить основные направления исследований, так или иначе затрагивающих тему «человек и природа в истории». Ведущее место здесь занимает экоистория, не менее важны и такие субдисциплины, как история империй, экология города, история естествознания и медицины. Одновременно читатель получает представление об основных сюжетах, рассматривающихся в зарубежной историографии, и о вопросах, которые сегодня ставят перед собой историки.

Все сказанное подтверждает тезис о релевантности предложенной методики отбора для составления небольших тематических библиографий, которые можно было бы публиковать на страницах ИАЖ «История». Необходимым условием при этом является подготовка содержательных аннотаций (на 1–1,5 тыс. знаков для каждой позиции). Такого рода публикации представляют собой первичный уровень науковедческого анализа и имеют высокий информационный потенциал, обеспечивая специалистов

своего рода навигатором в море современного исторического знания.

Список литературы

1. Beinart W., Dubow S. The scientific imagination in South Africa: 1700 to the present. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2021. – XI, 405 p.
2. Bennett M. War against smallpox: Edward Jenner and the global spread of vaccination. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2020. – XII, 424 p.
3. Bennette R.A. Diagnosing dissent: Hysterics, deserters, and conscientious objectors in Germany during World War One. – Chicago : Cornell univ. press, 2020. – 240 p.
4. Bhattacharya N. The great agrarian conquest: The colonial reshaping of a rural world. – Albany, NY : SUNY Press, 2019. – 542 p.
5. Bollig M. Shaping the African savannah: From capitalist frontier to Arid Eden in Namibia. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2020. – 412 p.
6. Browning J., Silver T. An environmental history of the Civil War. – Chapel Hill, NC : University of North Carolina Press, 2020. – 272 p.
7. Cialdella J. St. Motor city green: A century of landscapes and environmentalism in Detroit. – Pittsburgh : Univ. of Pittsburgh press, 2020. – XII, 227 p.
8. Crawford Sh.D. The last Turtlemen of the Caribbean: Waterscapes of labor, conservation, and boundary making. – Chapel Hill : Univ. of North Carolina press, 2020. – XII, 204 p.
9. Farmer S. Rural inventions: The French countryside after 1945. – New York : Oxford univ. press, 2020. – VII, 168 p.
10. Hamilton S.R. Cultivating nature: The conservation of a Valencian working landscape. – Seattle : Univ. of Washington press, 2018. – 312 p.
11. Geltner G. Roads to health: Infrastructure and urban wellbeing in Later Medieval Italy. – Philadelphia : Univ. of Pennsylvania press, 2019. – X, 259 p.
12. Geroulanos St., Meyers T. The human body in the age of catastrophe: Brittleness, integration, science, and the Great War. – Chicago : Univ. of Chicago press, 2018. – XII, 419 p.
13. Greenlees J. When the air became important: A social history of the New England and Lancashire textile industries. – New Brunswick, NJ : Rutgers univ. press, 2019. – 264 p.
14. Greer K.A. Red Coats and wild birds: How military ornithologists and migrant birds shaped empire. – Chapel Hill : Univ. of North Carolina press, 2020. – XIV, 174 p.
15. Hammond M.L. Epidemics and the modern world. – Toronto : Univ. of Toronto press, 2020. – XVI, 519 p.
16. Hughes J.Sch. The church of the dead: The epidemic of 1576 and the birth of Christianity in the Americas. – New York : New York univ. press, 2021. – XVIII, 245 p.
17. Husain F.H. Rivers of the Sultan: The Tigris and Euphrates in the Ottoman empire. – New York : Oxford univ. press, 2021. – X, 264 p.

18. Johnson B. Mineral rites: An archaeology of the fossil economy. – Baltimore : Johns Hopkins univ. press, 2019. – 256 p.
19. Kim D.S. Empires of vice: The rise of opium prohibition across Southeast Asia. – Princeton, NJ : Princeton univ. press, 2020. – 336 p.
20. Kreiner J. Legions of pigs in the Early Medieval West. (Yale Agrarian Studies.). – New Haven, CT : Yale univ. press, 2020. – XXIV, 340 p.
21. Küçük H. Science without leisure: Practical naturalism in Istanbul, 1660–1732. – Pittsburgh : Univ. of Pittsburgh press, 2019. – 336 p.
22. LeCain T.J. The matter of history: How things create the past. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2017. – 346 p.
23. MacKay R. Life in a time of pestilence: The Great Castilian Plague of 1596–1601. – New York : Cambridge univ. press, 2019. – XIII, 275 p.
24. Marsh B. Unravelling dreams: Silk and the Atlantic world, 1500–1840. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2020. – XIV, 487 p.
25. Melosi M.V. Fresh kills: A history of consuming and discarding in New York City. – New York : Columbia univ. press, 2020. – XV, 778 p.
26. Nobbs-Thiessen B. Landscape of migration: Mobility and environmental change on Bolivia's tropical frontier, 1952 to the present. – Chapel Hill, NC : Univ. of North Carolina press, 2020. – XVI, 323 p.
27. Parsons Chr.M. A not-so-new world: Empire and environment in French colonial North America. – Philadelphia : Univ. of Pennsylvania press, 2018. – 258 p.
28. Pey-Yi Chu. The life of permafrost: A history of frozen earth in Russian and Soviet science. – Toronto : Univ. of Toronto press, 2021. – 304 p.
29. Reisz T. Showpiece city: How architecture made Dubai. – Stanford, CA : Stanford univ. press, 2020. – X, 406 p.
30. Ritchie R.C. The lure of the beach: A global history. – Oakland : Univ. of California press, 2021. – 344 p.
31. Roberts Str.E. Colonial ecology, Atlantic economy: Transforming nature in early New England. – Philadelphia : Univ. of Pennsylvania press, 2019. – VIII, 271 p.
32. Robinson K. The sense of smell in the Middle Ages: A source of certainty. – New York : Routledge, 2020. – 238 p.
33. Roe A.D. Into Russian nature: Tourism, environmental protection, and national parks in the twentieth century. – New York : Oxford univ. press, 2020. – XIV, 344 p.
34. Rohland E. Changes in the air: Hurricanes in New Orleans from 1718 to the present. – New York : Berghahn Books, 2019. – XIII, 238 p.
35. Sanders J.C. Razing kids: Youth, environment, and the postwar American West. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2020. – XIV, 256 p.
36. Smith H.R. Carolina's golden fields: Inland rice cultivation in the South Carolina lowcountry, 1670–1860. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2019. – 258 p.
37. Stratigakos D. Hitler's Northern Utopia: Building the New Order in occupied Norway. – Princeton, NJ : Princeton univ. press, 2020. – X, 313 p.
38. Strocchia Sh.T. Forgotten healers: Women and the pursuit of health in Late Renaissance Italy. – Cambridge, MA : Harvard univ. press, 2019. – 354 p.

39. Toyosawa N. Imaginative mapping: Landscape and Japanese identity in the Tokugawa and Meiji eras. – Cambridge, MA : Harvard univ. press, 2019. – 322 p.
40. Thuy Linh Nguyen Tu. Experiments in skin: Race and beauty in the shadows of Vietnam. – Durham, NC : Duke univ. press, 2021. – 240 p.
41. Wetherell S. Foundations: How the built environment made twentieth-century Britain. – Princeton, NJ : Princeton univ. press, 2020. – 272 p.
42. Wells J. Shipwrecked: Coastal disasters and the making of the American beach. – Chapel Hill, NC : The Univ. of North Carolina press, 2020. – 258 p.
43. Williams E.A. Appetite and its discontents: Science, medicine and the urge to eat, 1750–1950. – Chicago : Univ. of Chicago press, 2020. – X, 433 p.
44. Withey A. Concerning beards: Facial hair, health and practice in England 1650–1900. – London ; New York : Bloomsbury Academic, 2021. – 344 p.
45. Witt J.F. American contagions: Epidemics and the law from smallpox to COVID-19. – New Haven, CT : Yale univ. press, 2021. – 184 p.

ПЕТРУХИНА Д.В.* ИДЕНТИЧНОСТЬ МАОРИ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. На протяжении восьми веков культура маори испытывала на себе влияние различных факторов: новых природных условий, попыток ассимиляции со стороны европейцев, формирования полиэтнического общества, распространения «западного» образа жизни. История, наполненная борьбой и противоречиями, находит отражение и в современных процессах формирования и развития идентичности маори. Анализ зарубежных научных исследований, статистических данных и новозеландской информационной среды дает возможность оценить динамику и масштабы существующих проблем. Несмотря на пренебрежительное отношение к маори в прошлом, в XXI в. власти Новой Зеландии делают шаги к выстраиванию в стране бикультурализма с элементами их мировоззрения.

Ключевые слова: этническая идентичность маори; культурное наследие маори; проблемы мультикультурализма в Новой Зеландии; культура киви; Договор Вайтанги.

PETRUKHINA D.V. New Zealand maori identity: history and contemporary challenges

Abstract. Over eight centuries, Maori culture has been influenced by various factors: new natural conditions, attempts at assimilation by Europeans, the formation of a multi-ethnic society, the spread of a «western» way of life. The history of struggle and controversy is also

* Петрухина Дарья Валерьевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); darkamercante@gmail.com.

reflected in contemporary Maori identity formation and development. The analysis of foreign research, statistics and the New Zealand information environment provides an opportunity to assess the dynamics and extent of the problems. Despite the neglect of Maori in the past, in the 21st century New Zealand authorities are taking steps to build biculturalism in the country with elements of their worldview.

Key words: Maori ethnic identity; Maori cultural heritage; issues of multiculturalism in New Zealand; Kiwi culture; Treaty of Waitangi.

Для цитирования: Петрухина Д.В. Идентичность маори Новой Зеландии: история и современные проблемы. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 3. – С. 227–246. – DOI: 10.31249/hist/2023.03.12

Изучение истории заселения островов Новой Зеландии различными культурными группами, их взаимодействие друг с другом и со специфическими природными условиями, не теряет своей актуальности и в XXI в. С появлением в политическом и социальном дискурсах проблем мультикультурализма и защиты прав коренных народов мира наиболее часто поднимаются вопросы сохранения этнической идентичности и культурного наследия маори. Современные научные исследования направлены на поиски теоретического и практического решения этой проблемы с использованием междисциплинарных подходов.

История и археология

Этнонимом маори, означающим «обычные люди», называют себя потомки первых переселенцев полинезийского происхождения, которые прибыли в Новую Зеландию в XIII в. До заселения человеком острова отличались от более северных архипелагов прохладным и влажным климатом, высокой лесистостью территории и полным отсутствием крупных хищных млекопитающих. Первые европейцы появились здесь только в конце XVIII в., и к этому времени природа островов уже подверглась заметному влиянию маори, которые высаживали новые сельскохозяйственные культуры (например, кумару), активно охотились на местных животных и часто расчищали территорию огнем способом [8, с. 175].

Археолог Й. Смит предложил условно разделить историю Новой Зеландии на три периода в зависимости от преобладающей в конкретный промежуток времени культуры: Маори, Пакеха¹ и Киви² [9, с. 368].

Период Маори начался в районе 1250–1300 гг., которыми датируются наиболее древние артефакты. Археологические данные, а также антропологический и лингвистический анализы позволяют предположить, что предки маори прибыли с Маркизских островов, островов Кука и островов Общества (Таити и близлежащих). Сходства материальной культуры и структуры поселений жителей перечисленных архипелагов может дать некоторое представление о первых переселенцах. Группы расселялись в соответствии с основными способами жизнеобеспечения: рыболовством, охотой и собирательством, разведением свиней и кур, выращиванием корнеплодов (Smith, с. 369). Некоторые из культурных аспектов Восточно-полинезийской культуры достаточно быстро изменились после прибытия их носителей в Новую Зеландию. В частности, необходимо было найти новые способы хранения урожая корнеплодов в более влажных и холодных условиях. Предположения о том, что основной дичью для маори служили птицы моа, археологически не подтверждаются. Главным источником мяса были морские млекопитающие, особенно в южных районах. На северных побережьях охота на моа сочеталась с рыбной ловлей и носила второстепенный характер.

Около 1500 г. стали появляться укрепленные поселения па (pā). В настоящий момент существует много различных предположений, какие именно изменения в жизни маори могли повлечь за собой появление па. По мнению Й. Смита, они являются эволюционным видом деревни или временного лагеря, т.е. отражают скорее поступательное развитие, чем коренную трансформацию [9, с. 370].

К сожалению, до сих пор не было найдено никаких археологических свидетельств первого посещения Новой Зеландии экспедицией Дж. Кука, поэтому период Пакеха ведет отсчет от 1792 г.,

¹ Пакеха – прозвище европейцев, восходящее в языке маори к названию злых духов со светлой кожей.

² Киви – эндемичная нелетающая птица, ставшая национальным символом Новой Зеландии, также – самоназвание новозеландцев.

когда европейцы не только высадились, но и остались на островах на относительно продолжительное время. На юге Южного острова были найдены следы пребывания 11 человек, охотившихся на тюленей и построивших в течение 1792–1793 гг. как минимум два дома и корабль. Об этом факте свидетельствуют найденные металлические, стеклянные и керамические предметы, а также следы строительства печи и материалы для кораблестроения.

На территории Новой Зеландии было несколько районов активного взаимодействия европейцев с маори, которое начиналось с ведения скоординированной хозяйственной деятельности. Вдоль западного и южного побережий Южного острова она была представлена охотой на тюленей, а на севере Северного острова – заготовкой древесины и китобойным промыслом. Интересно, что некоторые из найденных на Южном острове поселений не могут быть однозначно идентифицированы как принадлежавшие маори или европейцам, так как быт последних, живших на местных ресурсах, практически не отличался от быта первых.

Отношения с европейцами оказали большое влияние на способы жизнеобеспечения и структуру поселений маори, которые претерпели значительные изменения в начале XIX в. после заимствования картофеля и огнестрельного оружия. Картофель быстро распространился среди маори Северного острова и стал одной из основных возделываемых культур [9, с. 371]. Ружья заметно увеличили смертоносность нападений на па и заставили маори модифицировать свои укрепленные поселения. С 1807 по 1845 г. произошла серия кровопролитных столкновений между племенами маори, получившая название Мушкетные войны [1, с. 32]. Одним из результатов названных войн стало практически полное уничтожение народа мориори, проживавшего на островах Чатем. По состоянию на 2018 г. численность мориори составляет всего около 1000 человек.

Первое постоянное европейское поселение было основано миссионерами в Оихи (Северный остров) в 1814 г. Со второй четверти XIX в. в районах расселения европейцев заключается большое количество смешанных браков. Ключевым событием во взаимоотношениях европейцев и маори стало подписание в феврале 1840 г. Договора Вайтанги, ознаменовавшее собой установление в Новой Зеландии Британского колониального управления. В том же

году появились города с официальным статусом: Окленд, Веллингтон, Вангануи и Акароа. После начала колонизации численность маори стала резко снижаться из-за высокой младенческой смертности, постоянных эпидемий и недостатка ресурсов. Европейцами это рассматривалось как естественное следствие столкновения «примитивной» расы с более развитой [11, с. 40].

К началу периода Киви (1860-е годы), численность европейских переселенцев превысила население маори. Чуть менее 50% приезжих составляли англичане, в другую половину входили шотландцы, ирландцы, австралийцы, небольшие группы образовали немцы, скандинавы, китайцы, валлийцы и американцы. Прибывавшие в страну иммигранты требовали от властей права на земельные участки, что закономерно вызывало протесты со стороны маори. Кроме того, в рамках процесса «аккультурации» коренного населения для детей маори были открыты специальные школы с обучением на английском языке. Попытки маори Северного острова бороться с подобной ассимиляцией и потерей земли нашли отражение в войне с пакеха в 1859–1864 гг. После поражения маори на следующие 150 лет были ограничены в развитии языка и культуры, которые демонстрировались только для развлечения туристов. Такой подход обесценил самобытную культуру маори и низвел ее в статус диковинки и экзотического шоу [4, с. 262].

Открытие австралийцами в 1861 г. золота на территории Новой Зеландии послужило стимулом для новых волн иммиграции. Первые китайцы прибывают на золотоносные рудники в 1865 г., что подтверждается находками керамики, контейнеров для еды и приспособлений для курения опиума. С этого момента и до настоящего времени население Новой Зеландии характеризуется высокой степенью полиэтничности и поликультурности. На протяжении всей истории развития страны большое значение в развитии культуры имел процесс адаптации людей: первые поселенцы адаптировались к новым природным условиям, а последующие иммигранты – к уже сложившейся политической и социальной организации.

В то время как наименования «маори» и «пакеха» являются внешними, термин «киви» – исключительно внутренний: так сейчас себя именуют все жители страны независимо от происхождения. Культура киви состоит из множества элементов, наиболее за-

метный из которых – пакеха, восходящий к британской и американской традициям, культура маори – полинезийская в своей основе, но трансформировавшаяся в новых условиях, и другие составляющие, каждая из которых имеет свою историю [9, с. 376].

Мировоззрение маори

В современных процессах, связанных с формированием и развитием идентичности маори, сложно ориентироваться без осмысления ключевых этнических маркеров и особенностей мировоззрения маори. В настоящее время общество Новой Зеландии столкнулось с проблемами, вызванными этнокультурными стереотипами прошлого. Сохранение богатого культурного наследия маори напрямую зависит от выстраивания политики государства с опорой на соответствующие научные исследования.

Одним из центральных понятий мировоззрения маори является «земля», обозначаемая словом «фенуа» (whenua), второе значение которого – «плацента». После рождения ребенка его плаценту закапывают в священном месте, рядом с похороненными предками. Таким образом, все люди «рождаются из земли», поэтому у каждого племени есть территория, с которой тесно связаны все его члены [5, с. 3]. К категории понятий, определяющих идентичность маори, относится также «место, где можно стоять» (tūrangawaewae), которое обозначает связь человека с родной землей и предками.

С землей тесно связана генеалогическая система маори факапапа (whakapapa), которая не просто отслеживает все родственные связи человека, но и определяет его место в мире, регламентирует отношения с землей и другими людьми. На связях факапапа построены космогонические мифы, легенды о появлении огня, смерти, знаний и первых людей. Маори верят, что мир произошел от двух сущностей – Отца Неба и Матери Земли, которые породили 70 древних источников жизни. Последние, в свою очередь, создали природу и людей. Прародительница всех маори родилась из земли, поэтому одно из их самоназваний – «люди земли» (tangata whenua). Так, через факапапа, маори имеют родственную связь с первыми сущностями и природой, что является фундаментальной концепцией их культуры [3, с. 6]. Традиционно родослов-

ные передавались устно из поколения в поколение. С появлением письменности они стали храниться в специальных манускриптах.

Ключевой особенностью родословной является определение идентичности человека через его связи с другими людьми, где главную роль играет социальная включенность. Этот факт доказан множеством традиционных пословиц, песен и преданий, которые не только описывали взаимоотношения человека с предками и природой, но и были призваны дифференцировать всех маори в зависимости от их принадлежности к определенным племенам [11, с. 35].

Связи между людьми, природой и миром духов осуществляются и поддерживаются с помощью двух главных элементов: власти (*mana*) и жизненной силы (*mauri*). Согласно этим принципам, люди обязаны соблюдать природный баланс на своей территории для ее сохранения. В доколониальные времена маори практиковали ограничения на сбор диких растений и плодов во избежание их исчезновения. С приходом европейцев и началом активной эксплуатации природных ресурсов равновесие было нарушено. В дальнейшем взаимосвязи внутри факапапа привели к последовательному разрушению всех элементов системы: вслед за природой пострадал и социально-политический строй маори [3, с. 8].

Жизнь маори как народа полинезийского происхождения всегда была тесно связана с океаном. Наиболее почитаемыми морскими обитателями считаются киты: многие племена восточного побережья Северного острова признают их своими первопредками. Считается, что киты успокаивают бушующее море и проводят каноэ через опасные воды, что отражено в поговорке «Человек должен плыть за китами».

Тем не менее среди маори была распространена охота на китов, поскольку последние считались даром создателя рыбы Тангароа. Кроме мяса, использовались также кости, жир, мускус, сухожилия и китовый ус. Особую ценность представляли зубы, использовавшиеся для изготовления высокостатусных предметов быта и ритуала. В период расцвета китобойного промысла, маори заимствовали многие техники охоты у европейцев и основали несколько прибрежных поселений для обслуживания китобойных судов. К концу XIX в. охота на китов в открытом море среди маори восточного побережья Северного острова была сезонной, но использование выбросившихся на берег китов оставалось важным

источником их жизнеобеспечения вплоть до 1920-х годов [7, с. 106]. С середины XX в. Новая Зеландия активно выступает за запрет китобойного промысла. Эта позиция отразилась и на маори: в настоящее время им разрешено собирать и использовать только кости и зубы китов, выбросившихся на берег.

После прибытия маори на острова Новой Зеландии их рацион питания подвергся изменениям, что было связано, как уже отмечалось выше, с новыми, менее благоприятными по сравнению с другими полинезийскими архипелагами, природными условиями. К XVII в. основным источником питания стали корни папоротника (*Pteridium Esculentum*). Наиболее часто они использовались группами, постоянно перемещавшимися в поисках рыболовных, охотничьих и сельскохозяйственных угодий. Высушенные корни хранились дольше и весили гораздо меньше, чем клубни сладкого картофеля или таро. Корни папоротника использовались маори вплоть до середины XIX в. Для приготовления пищи из корней их нарезали, слегка поджаривали на огне, отбивали специальными деревянными молоточками, после чего пережевывали до получения мягкой массы. Так как на других полинезийских островах не произрастал папоротник данного вида, сложно сказать, каким образом маори его для себя открыли. По мнению Х. Лич, это могло произойти по аналогии с корнями других видов, которые использовались полинезийцами в качестве пищи на крайний случай [8, с. 177].

На территории Новой Зеландии произрастает более 72 видов папоротников, некоторые из которых, в том числе и упомянутый *Pteridium Esculentum*, являются эндемичными растениями. Листья папоротника стали одним из общепризнанных символов страны, который мог быть увековечен на государственном уровне. В 2015–2016 гг. среди новозеландцев проводился референдум по возможному изменению флага страны. Четыре из пяти новых вариантов содержали стилизованное изображение папоротника. Тем не менее в результате чуть более половины опрошенных (57%) высказались за сохранение нынешнего флага¹.

¹ 2015 and 2016 Referendums on the New Zealand Flag. Overview. Electoral Commission. – URL: <https://elections.nz/democracy-in-nz/historical-events/2015-and-2016-referendums-on-the-new-zealand-flag/?ref=btn> (дата обращения 14.02.2023)

Наряду с побегами папоротника (pikoriko), среди наиболее важных и почитаемых традиционных продуктов питания маори выделяется кумара (kūmara). Исследования показали, что кумара, как особый вид сладкого картофеля (отличный от ямса), изначально попала в Полинезию из Южной Америки, где также имела большое сельскохозяйственное значение. Существует вероятность, что вместе с кумарой полинезийцы восприняли и основанный на периодах ее выращивания аграрный календарь. У маори Северного острова наступление Нового года (Matariki) также было непосредственно связано с возделыванием кумары. Матарики – название скопления Плеяд на языке маори, таким образом Новый год отмечался с его появлением на небосводе. По видимости звезд в скоплении маори определяли урожайность кумары в будущем году. Интересно, что в районах, где кумара не прижилась по агроклиматическим причинам (например, Южный остров Новой Зеландии), Новый год приурочен к восходу звезды Ригель (Ruaka) – беты Ориона [12, с. 7].

С 2022 г. Матарики является государственным праздником Новой Зеландии – первым официально признанным праздником, связанным с культурой маори¹.

Сокращение потребления традиционных продуктов и переход на пищу, свойственную европейской культуре, привели к резкому ухудшению здоровья представителей маори: распространению сахарного диабета, ожирению и другим проблемам с обменом веществ в организме. По мнению М. Хуамбачано, возвращение к практике традиционных ритуалов, связанных с пищей (например, пиров), будет способствовать духовному сплочению племени, передаче молодому поколению традиций гостеприимства и восхваления даров земли [5, с. 5].

Идентичность маори и Договор Вайтанги

Говоря о процессах формирования идентичности маори, невозможно обойти стороной проблему Договора Вайтанги, до сих пор оказывающего огромное влияние на развитие взаимоотноше-

¹ По сообщению Radio New Zealand от 04.02.2021. – URL: <https://www.mnz.co.nz/news/national/435789/prime-minister-jacinda-ardern-reveals-date-of-first-matariki-public-holiday> (дата обращения 14.02.2023).

ний маори и властей Новой Зеландии. Договор Вайтанги, заключенный в далеком 1840 г., представляет собой документ, подписанный представителями Великобритании и несколькими десятками вождей маори. Изначально Договор был составлен в двух экземплярах – на английском языке и языке маори, перевод на который осуществили местные миссионеры. Однако к тому моменту последние работали среди маори менее 30 лет, что теоретически могло отразиться на некоторых нюансах перевода.

Согласно Договору Вайтанги, Новая Зеландия становилась колонией Великобритании, а племенам маори с их землями и собственностью гарантировались права, защита и привилегии населения Британской территории. С точки зрения маори, племенные территории по Договору оставались в их распоряжении, так как в их варианте документа был использован термин «*tino rangatiratanga*», что было расценено вождями как сохранение за ними «полного и беспрепятственного владения» их землями. Однако с момента подписания Договора британцы начали массовое отчуждение земель маори для передачи их в пользование пакеха и другим иммигрантам. Причинами такого положения вещей могло стать отношение властей к условиям Договора как к формальности, а также неточность перевода: «*tino rangatiratanga*» может также означать «полный суверенитет» или «королевство» [2].

Потеря земли явилась самым большим ударом для маори, поскольку она находилась (и находится) в центре их мировоззрения, всегда являлась связующим звеном всех поколений маори друг с другом и с окружающим миром. Таким образом, была утрачена сама идентичность маори как «людей земли». По мнению современных защитников прав маори, это стало одной из главных причин существующих сегодня социальных проблем их подопечных: алкоголизма, безработицы, низкой средней продолжительности жизни, психических заболеваний, высокого уровня преступности, насилия и бедности [11, с. 46].

На протяжении новейшей истории Новой Зеландии маори борются за правильное (с их позиций) толкование текста Договора Вайтанги и возвращение своих исконных земель. Парламент пошел на уступки только в 1975 г., когда была признана юридическая ценность Договора, а также учрежден суд по рассмотрению исков от кланов маори по поводу его нарушения. В конце XX в.

правительство не раз предлагало маори создать фонд для компенсаций за отчуждение земли, но эти инициативы не были одобрены, так как, по мнению маори, были поверхностными и не решали коренную проблему. Бесплодные попытки маори донести до властей Новой Зеландии истинное значение племенных территорий для сохранения своей культуры и идентичности снова поставили вопрос о возможности и необходимости единства всех маори, на этот раз политического. Первым органом, достаточно успешно защищавшим права маори с 1962 г., стал Совет маори Новой Зеландии. Однако полученный статус ставил его в зависимость от государства и не позволял ему действовать от имени одного или нескольких племен. Наибольшим достижением Совета можно считать документ под названием «Каупара, Те Ваханга Туатахи», где подробно разъяснялось, что земля является основой идентичности для маори, фундаментом для родственных и клановых связей, звеном, связывающим каждого маори с его предками и потомками, ресурсом, поддерживающим существование племени, и, наконец, доказательством существования маори как коренного народа Новой Зеландии [6, с. 92]. На основе данного документа в 1993 г. был принят закон о землях маори (Te Ture Whenua Māori Act), в котором за кланами признавались права на владения землей по Договору Вайтанги¹.

В 1990 г. совместным решением 37 племен был создан независимый Национальный конгресс маори как орган по обсуждению проблем маори в сферах политики, экономики, экологии и культуры, а также для продвижения единой позиции всех племен по этим вопросам на национальном и международном уровнях². В настоящее время конгресс еще находится в стадии становления, однако он с самого начала вел активную дискуссию с властями страны по поводу прав племен и кланов на управление ресурсами, находящимися в пределах земель маори. По мнению членов конгресса, только непосредственное участие представителей маори в разработке законов и определении векторов развития государства может способствовать сохранению их культуры. Без собственного

¹ Te Ture Whenua Māori Act 1993. – URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1993/0004/latest/DLM289882.html> (дата обращения: 17.03.2023)

² The National Library of New Zealand. – URL: <https://natlib.govt.nz/records/22393884> (дата обращения: 17.03.2023)

единого органа, имеющего политический вес, маори будут вынуждены соглашаться со всеми решениями правительства Новой Зеландии [6, с. 97]. Этот аргумент был отвергнут некоторыми из вождей, поскольку в их глазах надплеменное политическое образование напрямую угрожало верховной власти в отдельно взятом племени. Исторически, интересы своего племени всегда ставились выше общих интересов всех маори. Таким образом, сохранение и развитие культуры маори во многом зависит от одной из культурных особенностей этого народа: обособленного существования племен.

Современные идентитарные процессы

Во время последней переписи 2018 г. около 16% населения Новой Зеландии отметили свою принадлежность к маори и 18% указали на происхождение от маори¹. Стоит отметить, что новозеландские переписные листы отличаются от, например, российских, двумя параметрами, касающимися определения этнической идентичности человека:

1) все население европейского происхождения относится к одной этнической группе – новозеландцы европейского происхождения (New Zealand European);

2) человек может выбрать несколько ответов на вопрос о своей этнической идентичности из предложенного списка и / или указать группу, не вошедшую в список.

Таким образом, один и тот же респондент, в том числе и маори, может попасть в несколько этнических групп. Кроме того, для населения, относящего себя к маори, был введен отдельный пункт о названии племени и районе его расселения. По состоянию на 2018 г. наибольшее число потомков маори проживали на островах Чатем (65%) и в регионе Гисборн на крайнем востоке Северного острова (55%). Около трети населения они составили в Северном регионе Северного острова, на побережье заливов Пленти и Хокс. Наименьшая численность потомков маори зафиксирована в

¹ По данным официального агентства статистики Новой Зеландии Stats NZ Tatauranga Aotearoa. – URL: <https://www.stats.govt.nz/tools/2018-census-place-summaries/new-zealand#ethnicity-culture-and-identity> (дата обращения 31.01.2023)

регионах Южного острова – Тасман, Кентерберри и Отаго (по 11%)¹.

Для большинства представителей коренного населения Новой Зеландии «быть маори» означает иметь родословную (факапапа), которая определяет место человека в его племени и более узких группах. У маори существует три основных иерархических категории степени родства: племя (iwi), клан (hapū) и расширенная семья (whānau). Клань, как базовые единицы социума маори, имеют своих вождей и могут функционировать независимо от племени, в которое они входят.

В доколониальный период идентичность маори была основана на принадлежности человека к племени и клану. Каждый клан вел свою историю от предка, прибывшего с Гавайки (прародины маори) на конкретном каноэ. Как следствие, племя состояло из потомков воинов с одного каноэ, поселившихся в определенном регионе Новой Зеландии. Например, родословные членов племен, расселившихся по берегам озера Таупо, восходят к воинам с каноэ Те Арава. Впоследствии, благодаря амбивалентной системе родства, появились племена, имевшие предков на разных каноэ. Количество и размер кланов и племен постоянно менялись в результате раздела территорий, войн, потери власти, брачных союзов и других процессов².

Исторически, культура племен маори значительно различалась, что было обусловлено их изначальным прибытием с разных островов, расселением в различных условиях Новой Зеландии, почитанием разных первопредков и т.п. Самоназвание «маори» как обозначение коренных обитателей Новой Зеландии появилось относительно недавно и первоначально использовалось для разграничения людей (tangata māori) и потусторонних существ.

Изначально европейцы называли маори местными, аборигенами или индейцами, подобно другим местным народам в британских колониях. Существительное «маори» для обозначения коренного населения получило распространение с середины XIX в.

¹ По данным официального агентства статистики Новой Зеландии Stats NZ Tatauranga Aotearoa. – URL: <https://www.stats.govt.nz/tools/2018-census-place-summaries/new-zealand#ethnicity-culture-and-identity> (дата обращения 31.01.2023)

² Te Ara. The Encyclopedia of New Zealand. – URL: <https://teara.govt.nz/en/tribal-organisation/page-2> (Дата обращения 15.03.2023)

Новозеландский академик маорийского происхождения Э. Те Аху Поата-Смит отмечает, что идентичность маори как в прошлом, так и сейчас, обсуждается и пересматривается в зависимости от текущего политического, экономического и социального положения конкретных племен, кланов и городских сообществ маори, которые не поддерживают связи с группами через факапапа. Власти всегда подталкивали маори к определенным проявлениям идентичности, привязанной к более удобной в административном плане классификации, в настоящий момент они поддерживают наиболее влиятельные племена и кланы, оставляя в стороне других маори [11, с. 28].

Несмотря на то что сегодня факапапа считается важным элементом культуры маори, между наличием родословной и этнической идентичностей нет прямой связи. Если в 2018 г. 18% населения ответили, что ведут свое происхождение от маори, и из них 89% так или иначе идентифицировали себя как маори, то можно сделать вывод, что для 11% опрошенных наличие факапапа не стало решающим для формирования идентичности маори.

Идея объединения племен и кланов маори с целью борьбы за свои права появилась в 1970-е годы. Процесс формирования современной этнической идентичности включал поиск традиционных символов и идеалов и их последующую адаптацию к современной среде. По примеру афроамериканцев США маори противопоставили свою культуру ценностям, социальной организации и институтам европейцев, а также провозгласили собственное альтернативное мировоззрение [11, с. 43]. В основу противопоставления маори и пакеха были положены устойчивые имманентные качества, присущие каждой из культур. Например, чертами пакеха считаются конкурентность, эксплуататорство, ценность материального успеха. При этом для маори характерен коллективизм, важность воли большинства и бережное отношение к окружающей среде. Подобный подход усиливает отрицательное влияние этнических стереотипов, являющихся благоприятной почвой для межнациональных конфликтов.

Однако не все племена согласны с установлением единой культурной идентичности маори, поскольку исторически она не была им свойственна. Один из старейшин племени Ngāi Tūhoe описал это так: «По моему мнению, нет такой вещи, как Маоритан-

га¹, так как она предполагает сходство всех маори. На самом деле существует очень много аспектов, отличающих нас друг от друга. У каждого племени есть своя история, и племя не может делить ее с другими» [11, с. 49]. Таким образом, предполагается, что идентичность человека должна быть связана с культурой его племени.

С 1990-х годов племена являются некими институтами официальных представителей современного общества маори. Государство проводит политику ретрибализации: благодаря открытию «горячей линии» по поиску племени десятки тысяч маори нашли своих соплеменников. Согласно Договору Вайтанги, каждому племени гарантируются исключительные права на ресурсы внутри их исторической территории. К достоинствам племенной идентичности можно отнести ее широкоохватность: традиционная амбилинейность позволяет маори одновременно принадлежать к нескольким племенам (и по линии отца, и по линии матери), что в перспективе упрощает поиск родственных связей. Также эта идентичность может быть актуальной для маори, которых таковыми не признают окружающие, например людей европейского происхождения, имеющих маори среди предков. В то же время для маори, по каким-либо причинам не знающих своего происхождения и не поддерживающих связей со своим племенем, а также живущих за пределами племенной территории или в городах, развитие такой идентичности сильно затруднено.

Помимо происхождения существует множество других факторов, влияющих на самоопределение человека: хорошее знание языка маори, культурный базис, факт его рождения и взросления на земле племени. Тем не менее в современном обществе сохраняются устойчивые представления и автостереотипы о маори: обязательное наличие фенотипических признаков маори и наследственность этнической принадлежности. Культурные националисты из числа маори, основываясь на своем мнении, выделили несколько групп людей, определяющих себя как маори, но не являющихся таковыми по разным причинам:

1) «белые цапли» – маори с «нетрадиционными» фенотипическими признаками: светлой кожей, крашеными волосами, голубыми или зелеными глазами;

¹ Единая культура, охватывающая всех маори.

2) «пластиковые маори» – маори, не знающие родного языка, культурных основ и своей родословной, оторвавшиеся от корней ради материальной культуры пакеха;

3) «заново родившиеся маори» – маори смешанного происхождения, ранее не проявлявшие свою этническую идентичность и обозначившие ее только ради выгоды.

Таким образом, маори, не обладающие «традиционными» признаками, вынуждены искать другие маркеры, доказывающие их коренной статус.

На протяжении большей части своей истории Новая Зеландия использовала культуру и наследие маори как индикатор отличия от Британии и других переселенческих стран. Например, танец воинов маори (*haka*) стал узнаваемым символом страны, но в 2011 г. маори получили интеллектуальное право на любые проявления своей культуры, и в настоящее время их нельзя использовать без соответствующего согласования [10, с. 118].

Отдельной проблемой остается конфликт между традиционными практиками и западными нормами гендерного равенства, внесенными в законодательство о правах человека и воспринимаемыми как национальные ценности. В частности, в культуре маори существуют приветственная (*powhiri*) и прощальная (*rogororoaki*) церемонии, во время которых женщины сидят позади мужчин. Феминистки пакеха открыто выступили против такой практики, но столкнулись с массовыми обвинениями со стороны женщин маори в отрицании их права на публичное выражение своей культуры [10, с. 116–118]. Эта ситуация поднимает проблему соотношения дискриминации по половому и культурному признакам в законах о правах человека.

Возрождение языка является одним из приоритетных направлений сохранения и развития культуры маори. Исследования показали, что в конце XX в. только 59% взрослого населения маори говорило на родном языке, однако абсолютное большинство (83%) говорило плохо или вообще не использует его, считая, что на английском языке проще общаться. Свободно владеют языком маори только 8% опрошенных [11, с. 47]. По данным подобного опроса, проведенного в 2006 г., количество свободно владеющих

увеличилось до 14%, а неговорящих снизилось до 48%¹. В сознании людей нет прямой связи языка и этнической идентичности, однако интерес к его изучению возрастает, что связано в том числе и с политикой государства в сфере образования, о чем будет сказано ниже.

Бикультурализм маори-пакеха

Полиэтничность считается одной из характерных черт Новой Зеландии и основой для национальной идентичности. После признания поликультурности достоянием страны в XXI в. главным вектором национальной политики стала интеграция, а не ассимиляция мигрантов, признание и организация гармоничного межкультурного взаимодействия [10, с. 108]. Однако несмотря на сходство по этому критерию с другими странами переселенческого типа, в Новой Зеландии сложилась уникальная ситуация. К тому времени как на острова стали прибывать представители разных культур из Азии, Африки и Океании, на ее территории сосуществовали два устойчивых культурных кластера: маори и пакеха. Таким образом, новозеландский мультикультурализм складывался в контексте уже сложившегося бикультурализма.

В свете вышесказанного, отношения между пакеха и маори во многом определяют государственную политику в стране и общественное мнение относительно этнического многообразия.

Маори получили официальный статус коренного населения Новой Зеландии в 1986 г. Сегодня политика бикультурализма направлена на повышение открытости различных институтов для маори, привлечение внимания к проблемам маори, их формам репрезентации и культурным практикам. Это проявляется во внедрении истории и культуры маори в школьные программы, в отправлении социальных услуг для маори, более широкой представленности культуры маори в общественной жизни. Однако пока все эти проявления второстепенны и не могут составить конкуренцию культуре пакеха. Кроме того, бикультурализм предполагает наличие общих для всех маори перманентных традиций, в то время как в

¹ По данным отчета Министерства по делам маори «The health of the Māori language in 2006». – URL: <https://www.tpk.govt.nz/en/o-matou-mohiotanga/te-reo-maori/the-health-of-the-maori-language-in-2006> (дата обращения: 14.02.2023).

реальности происходит их постоянное развитие и взаимообмен между разными племенами [10, с. 112].

Значительным препятствием на пути развития культуры маори выступает статус их родного языка. Начиная со второй половины XX в. родители стремились дать детям образование на английском языке, что повысило бы их конкурентоспособность в будущем. Переезжая в города в поисках работы, молодежь отрывалась от племени, и, как следствие, от своих культурных корней. В результате язык и культура маори сохранялась только благодаря старейшинам кланов, прилагавшим максимальные усилия для их передачи последующим поколениям.

Большим шагом в возрождении языка маори стало создание в 1981 г. центров раннего развития с полным погружением в язык и культуру маори (Kōhanga Reo). Через несколько лет язык маори был признан официальным языком Новой Зеландии, и к 2005 г. насчитывалось уже 513 лицензированных центров Kōhanga Reo. Интересно, что в такие центры принимают не только этнических маори, но и пакеха, готовых полностью обучаться на языке маори.

Другое важное событие в развитии новозеландской системы образования – разработка в 1990-х годах образовательной программы для дошкольного возраста «Те Фарики» («Te Whariki») – первой из ей подобных, основанных на мировоззрении маори. По мнению Д. Хилл, программа «Те Фарики» направлена на взаимопроникновение культур маори и пакеха: в процессе игры и обучения дети разных культурных миров открывают для себя миры друг друга [4, с. 264–265].

Фундаментом программы служат пять принципов: исследование, коммуникация, благополучие, сотрудничество и сопричастность, которые в целом соотносятся с принципами школьной образовательной программы страны. Основой успешного перехода от «Те Фарики» к школьной программе считается обеспечение общего благополучия ребенка: поддержание его физического и эмоционального здоровья, защита от возможных опасностей, формирование устойчивой идентичности, возможность говорить на родном языке и иметь связь с родной культурой. Все перечисленные факторы считаются ключевыми для академических успехов новозе-

ландских школьников¹. Пример «Те Фарики» доказывает, что образование выступает одним из главных механизмов установления в Новой Зеландии реально существующего бикультурализма.

Таким образом, на современный процесс развития идентичности маори оказывает влияние комплекс факторов: взаимоотношения между племенами и их культурные различия; история взаимодействия с переселенцами европейского происхождения; последствия колониальной политики Великобритании (потеря земель, разрушение внутриплеменных и внутриклановых связей); утрата родного языка значительным количеством представителей маори; распространение идентичностей, конкурирующих с культурной. В XXI в. власти Новой Зеландии взяли курс на всестороннюю поддержку сохранения и развития культуры маори, в том числе и средствами системы образования.

Список литературы

1. Bohan E. *Climates of War: New Zealand in Conflict, 1859–69*. – Christchurch, N.Z. : Hazard Press, 2005. – 288 p.
2. English B. *The Treaty of Waitangi and New Zealand Citizenship*. – Wellington : New Zealand Centre for Public Law., 2002. – URL: <https://www.nzcp.com/the-treaty-of-waitangi-and-new-zealand-citizenship/>
3. Forster M. He Tātai Whenua: Environmental Genealogies // *Genealogy*. – 2019. – N 3(42). – URL: <https://www.mdpi.com/2313-5778/3/3/42>
4. Hill D., Sansom A. Chapter 17: Indigenous Knowledges and Pedagogy: A Bicultural Approach to Curriculum // *Counterpoints*. – 2010. – Vol. 355. – P. 259–270. – URL: <http://www.jstor.org/stable/42980587>
5. Huambachano M.A. Indigenous Food Sovereignty: Reclaiming Food as Sacred Medicine in Aotearoa New Zealand and Peru // *New Zealand Journal of Ecology*. – 2019. – Vol. 43, N 3. – P. 1–6. – URL: <https://www.jstor.org/stable/26841826>
6. Kawharu H. Common Property, Maori Identity and the Treaty of Waitangi // *The Governance of Common Property in the Pacific Region* / Ed. by Larmour P. – Canberra : ANU Press, 2013. – P. 89–102. – URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt2tt1cd.12>
7. Lythberg B., Ngata W. Te Aitanga a Hauiti and Paikea: Whale People in the Modern Whaling Era // *RCC Perspectives*. – 2019. – N 5. – P. 105–112. – URL: <https://www.jstor.org/stable/26850628>
8. McGlone M.S., Wilmshurst J.M., Leach H.M. An Ecological and Historical Review of Bracken (*Pteridium Esculentum*) in New Zealand, and its Cultural Significance //

¹ Report 2018: Te Whariki meets the NZ curriculum by M. Corlett. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=i0JaxVE0mfc&t=1s> (дата обращения: 27.02.2023)

- New Zealand Journal of Ecology. – 2005. – Vol. 29, N 2. – P. 165–184. – URL: <http://www.jstor.org/stable/24058173>
9. Smith I. Maori, Pakeha and Kiwi: Peoples, Cultures and Sequence in New Zealand Archaeology // Islands of Inquiry: Colonisation, Seafaring and the Archaeology of Maritime Landscapes / Ed. by Clark G. et al. – Canberra : ANU Press, 2008. – Vol. 29. – P. 367–380. – URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt24h8gp.25>
 10. Smits K. Multiculturalism, Biculturalism, and National Identity in Aotearoa / New Zealand / Multiculturalism in the British Commonwealth: Comparative Perspectives on Theory and Practice / Ed. by Ashcroft R.T., Bevir M. – Oakland : Univ. of California press, 2019. – P. 104–124. – URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctvr7fcvv.9>
 11. Te Ahu Poata-Smith E.S. Emergent Identities: the Changing Contours of Indigenous Identities in Aotearoa / New Zealand // The Politics of Identity: Emerging Indigeneity / Ed. by Harris M. et al. – Sydney : UTS ePRESS, 2013. – Vol. 4. – P. 26–59. – URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv1w36pb6.7>
 12. Williams J. Puaka and Matariki: the Māori New Year // The Journal of the Polynesian Society. – 2013. – Vol. 122, N 1. – P. 7–19. – URL: <http://www.jstor.org/stable/43285210>

ГРИНЬКО И.А.*. НОВОЕ МУЗЕЙНОЕ МЫШЛЕНИЕ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация. Статья посвящена анализу термина «музейная антропология» и определению основных направлений применения данной субдисциплины в современном развитии музеев и галерей. Сегодня музеи сталкиваются с новыми задачами, связанными с новым видением музейного функционала, и далеко не всем музеям удастся быстро адаптироваться к существующим условиям. Кризис этнографических музеев является лишь частным проявлением общего музейного кризиса. Возрастает необходимость в антропологическом инструментарии для понимания собственного посетителя: от его мотиваций до социальных интеракций в музейном пространстве. Основываясь на базовых связях между антропологией и музейным делом, а также новых вызовах, вставших перед музейной сферой, автор предлагает по-новому взглянуть на музейную антропологию и ее задачи, значительно расширяя как сам термин, так и сферу применения антропологического знания в музейном деле.

Ключевые слова: музейная антропология; социокультурная антропология; музейное проектирование; социокультурный менеджмент; этнографический музей.

GRINKO A. New museum thinking: anthropological view

Abstract. The article is devoted to the analysis of the term “museum anthropology” and definition of the main directions of application

* © Гринько Иван Александрович – доктор исторических наук, MA in cultural management, старший научный сотрудник НИИ урбанистики и глобального образования (МГПУ); IAGrinko@yandex.ru

of this sub-discipline. Today museums meet with new functions and challenges, and not all museums can quickly adapt to existing conditions. There is an increasing need for anthropological tools for understanding the museum visitor: from their motivations to social interactions in the museum space. Based on the basic links between anthropology and museum work, as well as new challenges facing the museum field, the author suggests a new look at museum anthropology and its goals, greatly expanding both the term itself and the scope of anthropological knowledge in the museum business. Such a unified approach would be also useful for museums, as most of the problems today appear to be somehow connected with a lack of understanding of the importance of anthropological factors in contemporary world and anthropology, as museums remains one of the key platforms for popularizing scientific knowledge.

Keywords: Museum anthropology; socio-cultural anthropology; museum design; socio-cultural management; ethnographic museum.

Для цитирования: Гринько И.А. Новое музейное мышление: антропологический подход. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 3. – С. 247–265. – DOI: 10.31249/hist/2023.03.13

Формирование исследовательской сферы «музейная антропология»

В музейведческих публикациях зарубежных и отечественных ученых на рубеже XX–XXI вв. и особенно в первые десятилетия XXI в. все чаще обсуждаются проблемы так называемого нового музейного мышления, часто в сравнении с классическими музейными практиками XIX–XX вв. и даже XVIII в., к которому восходят истоки формирования музейной деятельности как особой сферы культуры. Музеи на протяжении своей истории занимают особое место в информационном обеспечении науки, объединяя в себе и хранилище материальных артефактов-источников, и документальный архив, а сегодня – и информационный хаб современных электронных ресурсов. Эти обстоятельства делают изучение музеев и анализ их функционирования крайне важными для научного знания, определяют актуальность исследования проблемы

трансформации института музея как одного из ключевых элементов современной культуры с позиций культурной антропологии.

В основу анализа ситуации положены обширные материалы, в первую очередь из различных музеев Российской Федерации и Европы, рассматриваемые как антропологическое «поле» исследования и визуальный анализ экспозиций в 180 музеях 16 стран с 2010 по 2020 г. с применением брендовых методов классической антропологии – включенного наблюдения и различных видов опросов. Объемное полевое исследование методом включенного наблюдения по общей программе было проведено в пяти московских музеях в 2017–2018 гг.

Не стоит недооценивать и социально-экономический потенциал музеев. Только в России в 2016 г. насчитывалось 2742 музея государственной системы культуры (т.е. музеев федерального, регионального и муниципального ведения), в которых трудятся более 70 тыс. человек [3]. По экспертным оценкам общее количество российских музеев, включая частные и ведомственные, может достигать до 10 тыс., что обеспечивает десятки тысяч рабочих мест, причем не только непосредственно в музеях, но и в смежных отраслях: образовании, туризме, НКО, малом бизнесе. Они серьезно влияют на социально-экономическую деятельность, не говоря уже о том, что в 2019 г. только в государственных музеях зафиксировано 155 млн посещений.

В отечественной научной школе музейная этнография (этнология) не так часто привлекает внимание исследователей, хотя данная проблематика довольно активно разрабатывалась в позднесоветский период [11] и присутствует в образовательных программах ведущих российских вузов. Так, учебный курс «Музейная антропология», который читается для этнологов на историческом факультете МГУ, по большей части посвящен именно вопросам этнографических коллекций и их представления, а также роли музеев в нациестроительстве. В российской национальной этнологической школе осуществляется подготовка специалистов по этнографическому музееведению. Один из таких центров, созданный в Сибири большим исследовательским коллективом под руководством известного российского этнолога Н.А. Томилова, действует в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского.

Состоялись несколько базовых дискуссий на страницах профильных журналов, связывающих антропологию и музеи. В 2007 г. журнал «Антропологический форум» опубликовал дискуссию «Этнографические музеи сегодня» [20], в которой приняли участие специалисты ведущих этнографических музеев Российской Федерации, а также иностранные специалисты. Здесь ключевой темой стал кризис этнографических музеев, однако некоторые участники выходили за рамки дискуссии и пытались проанализировать в целом модель взаимоотношений «антропология-музей».

Музейная антропология стала темой специального номера журнала «Этнографическое обозрение» в 2010 г. В данной подборке был опубликован ряд важных статей, в основном посвященных инструментальному использованию музеев в конструировании национальных идентичностей [19; 8; 17].

Не менее важным для исследования стала дискуссия в специальном номере журнала «Laboratium» в 2013 г., посвященном методологическому взаимопроникновению культурной антропологии и музейных практик. Стоит отметить статью Н. Ссори́на-Чайкова об этнографическом концептуализме [13], работу О. Сосниной о важности антропологии при создании концептуальных выставочных проектов [12].

В зарубежной профессиональной литературе термин «музейная антропология» трактуется гораздо шире. Однако и проблематизация этого направления началась еще в 1950-х годах. Так, антрополог Джордж Миллс обозначил следующие точки соприкосновения антропологии и музейного дела: 1) антропология поможет открыть природу музейной аудитории и понять, как посещение музеев согласуется с американским стилем жизни; 2) исходя из этого, антропология поможет установить образовательные цели музеев; 3) оценка выставок и прочего музейного инструментария с точки зрения их эффективности; 4) раскрытие новых сюжетов в искусстве. Миллс, например, одним из первых обратил внимание на гендерные аспекты музейного посещения, в частности, гендерный дисбаланс среди посетителей он объяснял тем, что в США посещение музея считается женским видом досуга и не входит в систему мужских ценностей [25]. Ставился вопрос о необходимости комплексных социально-антропологических исследований и в 1970-е годы, и тогда в фокусе были те же аспекты:

важность учета культурного контекста, анализ структуры организации, внимание к межкультурной коммуникации [23].

В современном определении из Кембриджской энциклопедии антропологии в сферу интересов данной дисциплины входит социальная жизнь вещей, экспериментальная антропология, методология исследовательских выставочных проектов, работы с мультиэтническими сообществами музеев [24]. Совет по музейной антропологии, входящий в состав Американской антропологической ассоциации, видит свою миссию в том, чтобы способствовать развитию антропологии в контексте музеев и смежных институтов.

Учитывая вышесказанное, требуется не просто пересмотреть название дисциплины, а серьезно расширить поле ее исследований, сделав это поле в полной мере антропологическим, выявить аналитическую значимость антропологических подходов и методик для развития современного музея и реализации им новых ключевых социокультурных функций в стремительно меняющемся контексте современного глобализирующегося общества. Таким образом, термин «музейная антропология» в сегодняшнем контексте получает совершенно новое наполнение.

«Антропологический поворот» музея в современном социокультурном контексте

Изменения, происходящие последние три десятилетия в музеях, в том числе и этнографических, связаны с трансформацией этнокультурной картины мира в целом. Культурный туризм, важнейшим элементом которого являются музеи и объекты наследия, также становится все популярнее и является одним из катализаторов общего роста туристических посещений. В Европейском союзе, например, около 40% туристов выбирают локации для отдыха, исходя именно из культурного предложения.

Сами музеи, ранее бывшие символом стабильности, становятся все более мобильными. И здесь речь даже не о проектах, связанных на идее мобильности, как Музей миграций в Лондоне или Музей кочевой культуры в Москве. С одной стороны, проникновение маркетинговых стратегий в музейную сферу привело к росту числа музейных франшиз, в итоге филиалы Эрмитажа и других федеральных музеев открываются по всей Российской Феде-

рации, Музей Гуггенхайма активно осваивает Европу, а Лувр создал свой филиал не только в Лансе, но и в Абу-Даби (Объединенные Арабские Эмираты). С другой стороны, с каждым годом растет число выездных выставок, и ведущие музеи мира проводят свои проекты (например, музей Виктории и Альберта), уже на всех континентах, кроме Антарктиды. Все это вызывает традиционные трудности, возникающие при соприкосновении разных культур.

Одновременно увеличивается внимание к гражданской ответственности музейного сообщества. Это отражается как в ключевых темах профессиональных дискуссий, так и в создании специализированных музеев и музейных центров, посвященных этой тематике: Центр гражданских прав в Атланте, Канадский музей прав человека в Виннипеге, Центр «Солидарность» в Гданьске, Музей толерантности в Москве.

Демократизация повлекла за собой активизацию разнообразных меньшинств, претендующих на включение в исторические нарративы. Подобные факторы напрямую влияют на все увеличивающееся внимание к проблемам «трудного» или «диссонантного» наследия. Это «торжество памяти», по выражению Пьера Нора, во многом является искусственным, поскольку показывает в сегодняшних условиях эффективность воздействия именно «мягкой силы», одним из главных инструментов которой как раз и стало наследие. Для постсоветского пространства тема «войн памяти» и работы с данными видами наследия особенно актуальна.

Еще больше на сокращение дистанции между музеем и потенциальным посетителем повлияла глобальная цифровизация. Деятельность музеев и их коллекций с каждым годом становятся все более прозрачными и доступными всему миру. Это, безусловно, влияет на все аспекты деятельности музеев. Они вынуждены пересматривать концепции работы с виртуальными посетителями, по-другому выстраивать образовательные стратегии, по-новому строить сообщества в социальных сетях.

Еще один важный тренд последних десятилетий – стремительная урбанизация. В 2007 г. впервые количество городского населения превысило количество сельских жителей, и сегодня 4,1 млрд людей живет в городах и агломерациях. По прогнозам, к 2050 г. две трети населения земного шара будет проживать в урбанизированных пространствах. Это влечет за собой изменения во многих

аспектах социокультурной жизни. Города не только становятся самостоятельными экономическими и политическим акторами, но и продуцируют новые типы экономики, что влечет за собой формирование новых сообществ и культур.

Отказ Российской Федерации от ратификации Конвенции о нематериальном наследии (2003) и Конвенции Фаро (2011) сформировал в профессиональной среде ощущение, что проблемы, обозначенные в данных программных документах, не затрагивают Россию и наследие на ее территории. Это приводит не только к отказу от уже давно известных форматов, но и к снижению уровня современного понимания самой сути культурного наследия, а следовательно, и дальнейшему развитию кризиса базовых ценностных и понятийных уровней. Именно по этой причине в конце 2010-х годов акцент в управлении наследием стал делаться именно на ценностный подход [27].

Кроме того, активное включение наследия в социально-экономическую жизнь ставит перед музеями принципиально новые задачи: необходимость анализировать свои целевые аудитории, понимать их мотивации; применять антропологический подход в управлении самим музеем и выстраивании отношений с партнерами, поскольку это невозможно делать эффективно в старых организационных рамках и схемах.

Все обозначенные этнокультурные тренды касаются не только этнографических музеев, но и всей музейной системы в целом. И здесь возникает интереснейший феномен, когда, с одной стороны, постепенно исчезает сам институт антропологического / этнографического музея, а с другой – необходимость в антропологическом знании для конкретного музея вырастает в разы. Т.М. Станюкович на примере Кунсткамеры показывала роль музея в формировании «предмета и методики этнографического исследования» [14, с. 47], именно поэтому хотелось бы показать, как этнография и антропология могут «вернуть долги», и проанализировать значимость антропологических предметов и методик для развития современного музея и реализации им его ключевых социокультурных функций.

В современном музейном пространстве требуются новые формы презентации и для сохраняющихся традиций, и для происходящих изменений, понятные и интересные самым разным соци-

альным группам посетителей музеев. Социокультурные задачи и вызовы, стоящие перед музеями, становятся все более разнообразными для всех аспектов деятельности музеев, а музейные сообщества приобретают все более поликультурный характер. В итоге даже те музеи, которые были крайне далеки от антропологических проблем, например художественные, внезапно встают перед совершенно практической проблемой, не решаемой без антропологической теории [21].

Именно антропологические подходы и методы позволяют музеям адаптироваться к новым социокультурным запросам и требованиям, ключевым из которых является формирование мультикультурных сообществ разного уровня. Социокультурное окружение музеев напрямую влияет на изменение не только стилистики их работы, но и на пересмотр базовых функций. Это касается не только внешних элементов музейной работы, ориентированных на посетителей (адаптация экспозиции, создание оригинальных сценариев посещения), но и внутренних, адресованных самому музейному сообществу, включая создание новых направлений работы с этническими группами, а также изменения в менеджменте музеев, поскольку управлять их развитием без понимания внутренних и внешних причин крайне затруднительно.

Музеи в процессе современных общественных трансформаций получают новые функции и задачи, и в силу априорного консерватизма данного института, далеко не всем музеям удастся быстро адаптироваться к изменившимся условиям. Вместе с тем принципиальную важность приобретают не только объекты музейной инфраструктуры и объекты коллекций, но и такие аспекты, как уровень развития внутримuseumных институтов и интеграция музея в социокультурный контекст.

Само музейное сообщество все еще склонно видеть в музейной антропологии «изучение социума музейных работников» – 38,7%. Подобный подход уже нашел своих последователей и в России, причем исследуются различные аспекты его бытования: практики музейной работы, состав и кадровая структура сотрудников, профессиональная мифология, культурный контекст, система внутренних отношений. Следующим по популярности вариантом ответа среди музейщиков стал привычный вариант, связанный с этнографическими коллекциями – 20%, а вот третьим

неожиданно оказался вариант, связанный с этнической принадлежностью посетителей, – 13,3%.

Чуть меньший интерес вызывает антропология музейного посещения, хотя она уже довольно давно обсуждалась и музеологами, и социологами. Однако профессиональным сообществом подобный подход практически не был воспринят, как показывают материалы опросов, проведенных среди сотрудников через онлайн форму информантов, представляющих музеи Российской Федерации разного уровня (федеральные, региональные, муниципальные, частные),

Хотя среди музеологов в последнее время также наблюдается «антропологический поворот», однако он в большей степени носит не прикладной, а общетеоретический или аксиологический характер, к тому же, как правило, рассматривается исключительно в ракурсе нишевых интересов исследователей. При этом крайне любопытна антропологическая трактовка музеологии одним из классиков отечественного музейного дела А.Ф. Котсом. По его мнению, «это наука, посвященная исследованию приемов, методов показа экспозиции в музейных залах массовому посетителю музеев... обследованию самих музейных зрителей как “потребителей” музеев, изучению методов практической проверки степени действительного восприятия экспонатов у различных зрителей (в зависимости от образовательного, возрастного уровня)» [5, с. 15]. В последние годы появляются отдельные исследования, возрождающие данное направление именно в русле музейной антропологии [1].

Следует отметить очевидную родовую связь между антропологией и музеологией, которая проявляется на самых разных уровнях, начиная от учебников, где музей указан первой опцией при выборе потенциальной работы. Данный анализ многих явлений внутри и вовне современной музейной сферы требует определенной теоретической рамки, и ее может предоставить именно культурная антропология. Таким образом, в краткосрочной перспективе для музеев нет альтернативных путей развития. Несмотря на все различия, абсолютное большинство из них будет вынуждено начать мыслить антропологически по самым разным причинам: экономическим, политическим или идеологическим. Как показы-

вает практика, без этого навыка шансы музеев на развитие и даже самосохранение стремятся к нулю.

Кризис и трансформация этнографических музеев

Придерживаясь максимально широкой трактовки, базирующейся на классическом определении музея, этнографическим можно считать любой музей, который хранит и представляет этнографические коллекции. Соответственно, дифференциации между «антропологическим», «этнологическим» и «музеем культур» на базовом уровне не будет существенной. Как бы ни определять категорию «этнографический музей», нельзя отрицать, что музеи этого профиля находятся в глубоком кризисе. Участники публичной дискуссии в журнале «Антропологический форум» о судьбах и кризисе этномузеев в 2007 г. [20] в большинстве своем были согласны с тем, что этот кризис реален и глубок. Не менее интересно, что музеологи обратили на него внимание еще за 20 лет до этого.

Процессы глобализации постепенно размыывают профиль классического этнографического музея, что отражается и в терминологии. Например, на последней конференции Этнографического совета ИКОМ (ICME) в 2018 г. предлагалось расширить термин «этнографические музеи» за счет музеев «разнообразия» и музеев «коренных народов» (indigenous people). Данный вопрос поднимался в международном сообществе и раньше. Например, в русле постмодернистских идей предлагались варианты «постэтнологический» и «постэтнографический музей»

Традиционная же схема этнографического музея с его четким делением народов и культур критиковалась еще более 100 лет назад классиками этнографической науки [22], и сегодня подобный подход выглядит просто анахронично. Тем не менее отдельные представители профессионального сообщества все еще скептически оценивают взаимосвязь антропологии и музея, поскольку антропологическая наука практически не имеет связи с музеями, и антропологи очень редко обращаются к этой тематике в принципе.

Музеи вместе с тем являются одним из главных инструментов для популяризации науки, и их кризис не может не привести к кризису научной дисциплины в целом. Трудно отрицать, что этнология и антропология в России оказались на периферии научно-

популярной активности и общественного внимания. Для этнологов эта проблема усугубляется еще и тем неприятным фактом, что большинство населения России просто не знает, что есть такая наука – этнология. Это вынуждены признать и сами этнологи.

Тем не менее очевидно, что отечественные музеи привыкли работать именно в классической этнографической традиции, и антропологический подход, основанный на структурном и семантическом сопоставлении культур, пока им не близок – в итоге нет и теоретической основы для полноценного диалога. Несмотря на то, что в большинстве краеведческих музеев есть интересные этнографические коллекции, эта этнография используется как экзотическая аттракция, а не инструмент для решения или осмысления актуальных социокультурных проблем.

Для определения ключевых задач музейной антропологии важны не только новые теоретические концепции, но и уже наработанный богатый «практический материал» в экспозициях музеев многих стран мира. Особый интерес привлекают экспозиции с возможной адаптацией представленных в них разработок к деятельности отечественных музеев, наиболее распространенных и важных в России, и в первую очередь этномузеев.

Успешным опытом по модернизации классических этнографических музеев можно считать как реконструкции классических музеев, так и возникновение в последние годы новых этномузеев с качественно иными экспозиционными решениями. Например, Музей истории польских евреев (Варшава), в котором акцент в экспозиции сделан на культурном трансфере и его результатах. Отношения и взаимопроникновение двух культур (польской и еврейской) даны в исторической ретроспективе, демонстрируя взаимное влияние. Кроме того, здесь показана и российская национальная политика, и ее влияние на еврейскую культуру. Особо стоит подчеркнуть, что создатели музея постарались уйти от классических дихотомий противостояния и многие аспекты национальной политики Российской империи показаны многомерно, с учетом различных акторов и концепций нациестроительства.

Для России эта тема еще актуальнее, поскольку многие региональные краеведческие музеи демонстрируют отнюдь не историю, а пытаются отразить историческую антропологию повседневной жизни. Причина этого – отсутствие консенсуса по поводу

исторических нарративов и желание хоть немного отойти от общероссийских сюжетов. Таким образом, кризис этнографических музеев, хотя постепенно стирает сам их профиль, но вместе с тем дает широчайший спектр возможности для антропологии, поскольку теперь ее потенциал оказался востребован практически во всех видах музеев, а не только в узкой нише этнографических институций.

Музеи играют важную роль в формировании современных идентичностей, предлагая ряд выразительных примеров из современной истории, для которых музейная практика полностью подтверждает тезис известного антрополога Бенедикта Андерсона об инструментальной роли музея в формировании совершенно разных идентичностей. Так, в странах Балтии, весьма близких между собой по уровню жизни и культуре, музеи оккупации имеют между собой больше различий, чем сходств. Эти музеи ориентированы в первую очередь на самих граждан этих стран и направлены, прежде всего, на формирование национальной идентичности, а не на решение внешнеполитических задач. Можно сказать, что музеи оккупации идеально демонстрируют три основные стратегии в восприятии советского наследия: стратегию отвержения или музеефикации (Рига), сохранение наследия антисоветского сопротивления (Каунас) и музеефикацию наследия советской культуры в самом широком смысле слова – повседневности и быта (Таллин).

Подводя итог, важно отметить, что сегодня включения музеев в процессы формирования национальных или региональных идентичностей оказались децентрализованы. Если в XIX в. символом нации, как правило, становился один большой музей, выделяющийся как коллекциями, так и архитектурой, то теперь те же функции распределяются по нескольким небольшим или средним тематическим музеям. Это не только позволяет охватить различные целевые аудитории, но и экономически целесообразнее.

Еще одним важным моментом в работе современного музея становится более активное использование для формирования идентичностей «трудного наследия». Травматический опыт оказался столь же эффективным в данном процессе, как и традиционные героические нарративы.

Для Российской Федерации по-прежнему актуальна проблема территориального брендинга, причем эксперты отмечают

дефицит именно «технологического оснащения» подобных проектов. Опыт антропологии в данном случае мог бы быть полезен для дальнейшего развития технологий брендинга, поскольку в последнее десятилетие всю большую популярность приобретает концепция бренда территории как особой конкурентной идентичности. Уникальность роли музея в данном случае заключается не просто в попытке собрании образа города, но и в «коренизации», придании этому образу и окружающей его мифологии «подлинности» и «аутентичности». В идеальной модели современный музей должен работать сразу в трех измерениях. Он не только сохраняет историко-культурное наследие, мифологию и образы местности («прошрое»), но на их основе формирует локальное сообщество («настоящее») и затем создает бренд города, т.е. вектор развития («будущее»). Отдельные антропологические исследования подтверждают данную теорию о роли музеев в формировании идентичности на локальном уровне.

Помимо формирования городской идентичности, музеефикация городского пространства всегда сопряжена с еще одним крайне важным фактором – качеством городской среды.

Наделение пространства символической ценностью всегда положительно сказывается на отношении к этому пространству у его потребителей. Однако нельзя не учитывать и проблемы, возникающие в процессах брендинга. Одной из них, очень хорошо диагностируемой именно в музейном пространстве, является конфликт идентичностей разного уровня: национальной и локальной. Подобные ситуации особенно характерны для пограничных территорий или территорий, переживших резкую смену этнического состава (например, Калининград и Беларусь). При этом трудное наследие остается важным, а иногда и ключевым элементом локальной идентификации и отрицать его при формировании локального бренда не рекомендуется. Музеи, таким образом, помимо общественного запроса обладают еще и крайне разнообразным инструментарием для формирования локальных идентичностей, и именно поэтому успехи музея в данной работе становятся показателем его эффективности и социальной значимости.

Крайне актуальна тема миграции в современной музейной деятельности и множественные интерпретации наследия. Современные практики показывают, что при грамотном менеджменте

музей вполне способен стать адекватным средством для урегулирования социальных проблем, спровоцированных миграциями. Учитывая кредит общественного доверия к музею, он становится крайне важным инструментом *soft power*. В отличие от театра или образовательных учреждений, музей гораздо демократичнее и менее требователен к образовательному уровню посетителя. Здесь ключевым преимуществом музея становится его визуально-вещевая природа. Несмотря на то, что многие объекты в экспозиционном пространстве требуют дополнительной интерпретации, любой посетитель может найти в них что-то знакомое. Неслучайно именно музеи становятся одним из главных элементов туристической инфраструктуры, обеспечивая знакомство туристов, т.е., временных мигрантов, с иной культурой без дополнительного стресса.

Многие исследователи вообще рассматривают музей как контактную или пограничную зону. Погранично-лиминальный статус музейного пространства вполне отвечает задаче плавного перехода из одной культуры в другую. Есть и альтернативные гипотезы, рассматривающие музей как глобальный культурный проект, однако так или иначе, обе концепции рассматривают музей как инструмент для снятия проблем межкультурного общения. Музей как хранитель наследия в данном случае автоматически становится главным элементом в системе формирования локальной идентичности и интеграции новых жителей. Отдельные исследователи полагают, что музей, кроме того, задает нормативно-поведенческую рамку, что также является одним из важных факторов интеграции.

Российские музеи в отношении темы миграции в основном проявляют пассивность, хотя проблемы Российской Федерации в контексте мировой миграции и борьбы за качественные трудовые ресурсы очевидны. Уже в 2019 г. Россия находилась лишь на 56-м месте в мире по привлекательности для талантов, позади Панамы, Казахстана и Македонии. При этом в свете демографической ситуации миграция становится одним из важнейших факторов нормального развития экономики уже в среднесрочной перспективе.

Даже специалисты не всегда воспринимают музеи как важные субъекты этнической, и в том числе миграционной политики. Несмотря на значительное количество работ по культурной адаптации мигрантов, в России музей редко рассматривается как ре-

альный инструмент такой интеграции, хотя его потенциал в этом процессе очевиден [2]. Возможно, это связано с общей закрытостью музеев и слабой аналитической культурой в музейном менеджменте. Показательно, что по-прежнему мигрантов не включают в число перспективных аудиторий, хотя работе с инвалидами или семейной аудиторией уже посвящены многочисленные работы.

Эффективность работы музеев с темой миграции может быть обеспечена при условии использования всех обозначенных выше вариантов, и охвата как аудитории с мигрантским бэкграундом, так и «коренного» населения. Одновременно важно понимать, что в этой работе могут участвовать музеи практически любого профиля, поскольку большинство музейных коллекций при грамотной интерпретации подходят для проведения таких проектов. Однако при этом им необходимо понимать важность межкультурной интерпретации объектов культурного наследия и антропологическое понимание общности многих базовых элементов человеческих культур.

Можно адаптировать материалы стандартных музейных экспозиций к задачам этнокультурного образования. В качестве базовых образцов взяты экспозиции московских музеев, однако данный опыт может быть легко применен и в региональных музеях в силу общности и повторяемости сюжетов и тем.

В качестве основных трендов в модернизации и развитии этномузеев стоит выделить демонстрацию взаимодействия и взаимопроникновения культур и попытки показать наднациональные общности во всей их сложности; тенденцию к реинтерпретации этнографических коллекций, особенно в рамках деколонизационных процессов; интеграцию классических этнографических сюжетов с современной антропологией; активное использование современных инструментов, в первую очередь мультимедиа, для демонстрации нематериального наследия; развитие социокультурных активностей на базе музеев, которые позволяют не просто показывать культурные традиции, но и содействовать их сохранению в среде бытования.

Заключение

Хотя сегодня даже исследователи этнокультурной проблематики не всегда рассматривают музей как субъект современной национальной политики [6] или институт этничности [16], это совершенно не означает бесперспективности музея в современном мире. Скорее, наоборот, в контексте возвращения к тотальной визуальной культуре [10] именно музей становится уникальным институтом, позволяющим объединить визуальный образ, предметную реальность и нарратив. Однако для реализации этого потенциала необходим качественно новый управленческий инструментарий, основанный на антропологическом понимании всех трех вышеуказанных элементов.

Сегодня активно происходит включение нематериального наследия народов в креативные индустрии, становящиеся одним из столпов экономики постиндустриального мира. Именно креативные индустрии, в том числе и музеи, позволяют «выстроить мост между традиционной культурой и завтрашним миром», и несмотря на все опасности, которые подобная коммодификация и валоризация несет традиционным культурам под лозунгом «искусство, а не этнология», слияние сферы историко-культурного наследия с креативными индустриями продолжается нарастающими темпами, а значит, требует своего антропологического анализа, прогнозирования и программирования, что невозможно без соответствующего научного аппарата. О необходимости антропологического подхода к современной культуре и ее институтам в широком смысле говорилось уже неоднократно, однако в силу многих причин он еще не стал основой для социокультурного проектирования и функционирования культурных индустрий.

Кроме того, новый сегмент в антропологии может стать еще одной возможностью прекратить «бегство от реальности» в гуманитарных науках [18] и сосредоточиться на прикладных аспектах их функционирования, что для культурной антропологии обусловлено самой историей дисциплины [4]. Если в начале становления антропологии как науки музеи стали одним из центров ее институционализации, то сегодня антропология не только может помочь музеям сделать качественный рывок, но и вновь напомнить о себе как важном прикладном инструменте социокультурного развития.

Сотрудничество с музеем не менее важно и для антропологии как дисциплины. Помимо того, что музей остается одной из ключевых площадок для популяризации научного знания, куда важнее для антропологии через музеи включиться в процессы социокультурного проектирования, и снова вернуть себе статус ключевой прикладной дисциплины.

Если же смотреть еще шире, то от включения антропологии и других гуманитарных наук в процесс модернизации Российской Федерации зависит будущее страны: «Модернизация предполагает запуск комплексного социокультурного процесса, в котором управленческие и технологические решения подчинены гуманитарным целям, а гуманитарные цели соотносены с экономическими задачами... Отказ от модернизационного потенциала культуры, от работы с ценностной шкалой, с этикой, с национальной картиной мира, гарантированно ведет модернизаторов в тупик» [7]. Учитывая, какое значение приобретает культура и наследие в современной мировой экономике [15; 9], подобные заявления имеют под собой основания.

Использование антропологического подхода не сможет решить все методологические проблемы в музейном деле, однако подобный подход видится перспективным для анализа систем взаимоотношений «музей-общество» и «музей-человек», ставшими в последние десятилетия ключевыми для развития отрасли.

Список литературы

1. Бобрихин А.А. Антропология музейного посещения: публичное пространство // Экономика впечатлений: музейный, событийный, туристический менеджмент 2019 : материалы всерос. конф. Пермь, 14–15 марта 2019 г. / сост. Е.Н. Шестакова, О.В. Старцева [и др.]. – Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2019. – С. 9–13.
2. Гринько И.А. Шевцова А.А. Дети мигрантов и музеи: мифы и реальность // Этнодиалоги. – 2013. – № 3(44). – С. 94–101.
3. Ежегодное справочное издание о состоянии культуры Российской Федерации // Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. – URL: <https://culture.gov.ru/activities/reports/report2016/>
4. Клейн Л.С. История антропологических учений / под ред. Л.Б. Вишняцкого. – Санкт-Петербург : Изд. дом СПбГУ, 2014. – 744 с.

5. Котс А.Ф. О научно-исследовательской работе музеев // Труды Государственного Дарвиновского музея. – Москва, 2001. – Вып. 4 : Научно-исследовательская работа в естественно-научном музее. – С. 4–40.
6. Кульбачевская О.В. Субъекты этнической политики // Московская модель этнической политики / ред. Кульбачевская О.В., Степанов В.В. ; ИЭА РАН. – Москва, 2015. – С. 51–55.
7. Культурные факторы модернизации : доклад / Аузан А.А., Архангельский А.Н., Лунгин П.С., Найшуль В.А. ; Центр независимых социологических исследований (Санкт-Петербург). – Москва ; Санкт-Петербург, 2011. – 221 с. – (Фонд «Стратегия 2020»).
8. Ломоносов М.Ю. Возрожденная Дардания: история непровозглашенного государства в экспозиции Музея Косово // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 4. – С. 59–68.
9. Рипкема Д. Экономика исторического наследия : практическое пособие для руководителей / пер. с англ.: М.В. Боганьков. – Москва : Билдинг, 2006. – 156 с.
10. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Взгляды и образы: методология, анализ, практика // Визуальная антропология: настройка оптики / под общ. ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. – Москва : Вариант, 2009. – С. 7–15. – (Б-ка Журнала исследований социальной политики).
11. Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики : кол. монография / М.Ю. Мартынова, В.А. Тишков [и др.] ; отв. ред. М.Ю. Мартынова. – Москва : ИЭА РАН, 2022. – 556 с.
12. Соснина О. Проект «Кавказский Словарь»: от этнографии к концептуальной выставке // *Laboratorium* : журнал социальных исследований / Центр независимых социальных исследований. – Санкт-Петербург, 2013. – Т. 5, № 2 : Этнографический концептуализм. – С. 84–100.
13. Ссорин-Чайков Н. Этнографический концептуализм // *Laboratorium* : журнал социальных исследований / Центр независимых социальных исследований. – Санкт-Петербург, 2013. – Т. 5, № 2 : Этнографический концептуализм. – С. 19–35.
14. Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи. (По материалам этногр. музеев АН) / под ред. М.Г. Рабиновича. – Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1978. – 286 с.
15. Тросби Д. Экономика и культура / пер с англ И. Кушнаревой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 256 с. – (Исследования культуры).
16. Филиппов В.Р. Этничность и власть в столичном мегаполисе. – Москва : Ин-т Африки РАН, 2009. – 240 с.
17. Филиппова Е.И. Перегрузка памяти // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 4. – С. 78–91.
18. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. Д. Узланера ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 368 с.

19. Шнирельман В.А. Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 4. – С. 8–26.
20. Этнографические музеи сегодня // Антропологический форум. – 2007. – № 6. – С. 7–132. – URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/006/06_01_forum_k.pdf
21. The Anthropology of art: a reader / Ed. by H. Morphy, M. Perkins. – Malden, MA ; Oxford : Blackwell Pub, 2006. – X, 566 p.
22. Boas F. Some Principles of Museum Administration // Science, New Series. – 1907. – Vol. 25, N 650. – P. 921–933.
23. Eisenbeis M. Elements for a sociology of museums // Museum International. – 1972. – Vol. 24, N 2. – P. 110–117.
24. Herle A. Anthropology Museums and Museum Anthropology // The Open Encyclopedia of Anthropology. – 2016. – URL: <http://www.anthroencyclopedia.com/entry/anthropology-museums-and-museum-anthropology>.
25. Mills G.T. Social Anthropology, and the Art Museum // American Anthropologist. – 1955. – Vol. 57, N 5. – P. 1002–1010.
26. Ritchie H., Roser M. Urbanization // OurWorldInData. – URL: <https://ourworldindata.org/urbanization>
27. Values in Heritage Management: Emerging Approaches and Research Directions / Ed. by E. Avrami, R. Mason, S. Macdonald, D. Myers. – Los Angeles : Getty Conservation Institute, 2019. – X, 245 p.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47+57)«1941/1945»:[323.2+338]

DOI: 10.31249/hist/2023.03.14

МИНЦ М.М.* Рец. на кн.: GOLDMAN W.Z., FILTZER D. FORTRESS DARK AND STERN: THE SOVIET HOME FRONT DURING WORLD WAR II. – New York : Oxford univ. press, 2021. – 528 p.

Ключевые слова: СССР; Вторая мировая война; Великая Отечественная война; военная экономика; экономическая мобилизация; эвакуация; тыловые регионы; население» повседневная жизнь; практики выживания.

Keywords: Soviet Union; World War II; Great Patriotic War; military economy; economic mobilisation; evacuation; home front; population; everyday life; survival strategies.

Для цитирования: Минц М.М. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 3. – С. 266–273. Рец. на кн.: Goldman W.Z., Filtzer D. Fortress dark and stern: the Soviet home front during World War II. – New York : Oxford univ. press, 2021. – 528 p. – DOI: 10.31249/hist/2023.03.14

«Человеческое измерение» Второй мировой войны, включая и Восточный фронт, до сих пор активнее изучается на Западе, нежели в России, где по-прежнему преобладают публикации, посвященные истории боевых действий. Это же справедливо и в отношении такой темы, как история тыла, которая также отнюдь не

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональная страница: <http://inion.ru/ru/about/personalities/mints-mikhail-mikhailovich/>.

сводится к абстрактным цифрам производства вооружения и боеприпасов. Тем больший интерес представляет новая книга Венди З. Голдман (Университет Карнеги – Меллона, Питтсбург, Пенсильвания, США) и Дональда Филцера (Университет Восточного Лондона). В этой работе социально-экономические процессы в советском тылу в 1941–1945 гг. рассматриваются с двух точек зрения. С одной стороны, авторы подробно анализируют мероприятия советского государства по мобилизации экономики, эвакуации промышленных предприятий из европейской части СССР, снабжению населения продовольствием в условиях тотальной войны и т.д. Под государством при этом понимается вся совокупность партийных и собственно государственных (советских) учреждений, начиная с ГКО и таких органов, как Совет по эвакуации и Комитет по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР и заканчивая местными советами, которым приходилось реализовывать директивы из столицы на локальном уровне. Парадоксальным образом, отмечают авторы во введении, на «домашнем фронте» сталинское руководство оказалось едва ли не более эффективным, нежели на театре военных действий, особенно в первые полтора года войны с Германией, когда до 25 млн человек и свыше 2400 промышленных предприятий были успешно эвакуированы на восток, в то время как части Красной армии терпели поражение за поражением и все новые территории и города оставались в тылу врага. С другой стороны, в книге изучается повседневный опыт простых советских граждан, их реакция на решения властей, стратегии выживания и т.д. В методологическом отношении исследование, таким образом, относится к «новой политической истории». «Советское государство, – пишут авторы, ссылаясь на работу М. Харрисона, – произвело “военно-экономическое чудо” у себя в тылу¹. Как государству и народу удалось совершить это чудо? Какие политические меры позволили стране выиграть войну и какие условия возникли в результате этих мер? Какова была реакция народа и почему? Эти вопросы находятся в центре внимания данной книги» (с. 10).

¹ Цит. по: Harrison M. Industry and economy // The Soviet Union at War, 1941–1945 / ed. by D.R. Stone. – South Yorkshire : Pen & Sword Books, 2010. – P. 17.

Обосновывая свой исследовательский подход во введении, В.З. Голдман и Д. Филцер отмечают, что успешное решение главной задачи – построение прочной экономической базы для будущей победы над Германией на поле боя – было обусловлено сочетанием организационных усилий политического руководства и положительного отклика на них со стороны населения; отсутствие любого из этих двух факторов могло привести к катастрофическим последствиям для Советского Союза. Авторы подчеркивают также, что столь активное и деятельное участие граждан в работе по переводу экономики на военные рельсы невозможно объяснить простым принуждением: «Безусловно, на критических стройках и производствах военного времени использовался принудительный труд заключенных, а рабочие были привязаны к своим рабочим местам суровыми положениями строгих трудовых законов. Тем не менее данная книга показывает, что возможности государства осуществлять контроль посредством принуждения были ограничены и подавляющее большинство людей поддерживали военные усилия добровольно. Некоторые рабочие поначалу отказывались демонтировать и эвакуировать “свои” заводы, но гораздо больше рисковали жизнью, чтобы сделать эвакуацию возможной. Некоторые уклонялись от [трудовой] мобилизации, но большинство оставались на работе невзирая на неспособность или нежелание прокуроров, промышленных управленцев и председателей колхозов применять трудовое законодательство. Люди вовлекались в незаконные формы перераспределения и в воровство, что трансформировало строгую государственную иерархию нормированного снабжения, но простые люди протестовали против официальных привилегий, а не против системы как таковой» (с. 9).

Во введении к книге также отмечается, что повседневная жизнь советских граждан в период борьбы с нацистской агрессией до сих пор изучена довольно слабо, как на Западе, так и в России (речь в данном случае идет только о той части населения, которая оставалась к востоку от линии фронта; опыт жителей оккупированных территорий авторы не рассматривают). Западным ученым долгое время мешали реалии холодной войны, тогда как в СССР и позже в постсоветской России был взят курс на формирование героизированного образа Великой Отечественной, в рамках которого для простого человека с его нуждами, страданиями и индивиду-

альными усилиями почти не оставалось места. Работа Голдман и Филцера охватывает эту область лишь частично: она посвящена в основном крупным городам. История советского крестьянства в военные годы еще ждет своего исследователя.

Работа основана на обширной источниковой базе, авторы проанализировали в общей сложности 24 фонда в четырех архивах (ГАРФ, РГАЭ, РГАСПИ, Научный архив ИРИ РАН). Следует отметить, однако, что практически все архивные коллекции, перечисленные в библиографии, отложились в ходе деятельности центральных государственных учреждений СССР и РСФСР и центральных партийных органов (за исключением ИРИ РАН и фонда Еврейского антифашистского комитета в ГАРФе). Региональные архивы авторами не изучались, так что работа местных органов власти в книге показана в основном опосредованно, по документам вышестоящего руководства. Текст проиллюстрирован многочисленными фотографиями из фондов РГАКФД.

Исходя из выбранной темы исследования, структура книги выстроена по проблемно-хронологическому принципу и включает в себя введение, десять глав и заключение, а также таблицы в приложении. Тематически работа Голдман и Филцера охватывает довольно широкий круг вопросов, включая эвакуацию, обеспечение перемещенных лиц жильем, продовольственное снабжение, трудовую мобилизацию, здравоохранение, пропаганду и, наконец, первые попытки восстановления народного хозяйства и местной администрации на освобожденных территориях. Кроме примечаний, библиографического списка и предметного указателя – обычных элементов почти любой серьезной монографии – в книге содержатся также краткий глоссарий основных терминов, заметка о единицах измерения, список основных наркоматов военного времени и список городов, названия которых изменились после окончания Второй мировой войны; последний может уже оказаться полезным не только для иностранцев, но и для молодых российских читателей. Интересно, что авторы при написании текста перевели метрические единицы длины и площади в неметрические (мили, акры), но сохранили метрические единицы массы и объема, особенно при обсуждении таких вопросов, как продовольственное снабжение, поскольку принятые рационы для различных групп населения в основном делились на 100 г без остатка, следовательно

но, «логика системы, как и отклонения от нее, оказываются яснее, если оставить метрические единицы» (с. XV).

Подводя в заключении итоги своего исследования, авторы подчеркивают, что победа советских войск над германскими армиями на Восточном фронте была бы невозможна без слаженной работы многочисленных производственных цепочек в тылу. В свою очередь, эффективная работа тыла стала результатом совместных усилий государства и широких слоев населения: в тех случаях, когда властям не удавалось заручиться поддержкой граждан, они могли столкнуться с серьезным сопротивлением вплоть до массовых волнений. Анализируя в девятой главе эволюцию советской пропаганды в годы войны, Голдман и Филцер показывают, что власти активно изучали реакцию населения на пропаганду и учитывали эту информацию в собственных решениях. Таким образом, пропаганда эффективно воздействовала на массовые настроения, так как соответствовала ожиданиям аудитории, и сама менялась с учетом этих ожиданий и настроений.

Труд узников ГУЛАГа и спецпоселенцев широко применялся в различных отраслях промышленности, однако в целом возможности сталинской пенитенциарной системы были довольно сильно ослаблены многочисленными амнистиями заключенных, отправлявшихся на фронт, и невысокой долей трудоспособных среди оставшихся. Суровость трудового законодательства военного времени отчасти компенсировалась отсутствием у местной администрации необходимых ресурсов, а зачастую и желания применять эти законы по всей строгости, поэтому рабочие нередко рассматривали возможное наказание как меньшее из зол. Только в 1943–1944 гг. за самовольный уход с предприятий были осуждены около 700 тыс. человек, однако поймать удалось лишь 20% беглецов. Кроме того, известно, что наиболее частой причиной побега являлись нестерпимые условия жизни и труда, с которыми нередко сталкивались лица, мобилизованные на работу в промышленности. По возвращении домой большинство беглецов поступали на местные предприятия или возобновляли работу в своем колхозе – иными словами, продолжали в меру сил трудиться на нужды войны. Это подтверждает тезис авторов о том, что возможности государственного принуждения имели свои пределы. Успехи советской военной экономики были бы недостижимы, если бы сами совет-

ские граждане в массе своей не были готовы к тяжелейшим усилиям и лишениям во имя победы.

При этом эффективность армии и тыла в некотором смысле изменялась в противофазе: если в 1941–1942 гг. властям удалось в общем успешно решить сложнейшую задачу по эвакуации предприятий из европейской части страны и разворачиванию производства в удаленных от фронта регионах, то начиная с 1943 г., после победы под Сталинградом и окончательного перелома в ходе войны, производственные возможности тыла оказались на грани истощения. Сказались такие факторы, как нехватка рабочей силы, хроническое недоедание, по-прежнему крайне тяжелые условия жизни и труда и т.д., так что к началу 1945 г. советская экономика находилась в состоянии глубокого кризиса. Авторы оговариваются, что подобная ситуация была вызвана жесткими требованиями тотальной войны, вынуждавшей советское руководство концентрировать максимум ресурсов в военной промышленности в ущерб всем остальным отраслям. На четвертом году войны, однако, эта же несбалансированность экономики привела уже к тому, что «политические меры военного времени, некогда столь важные для обеспечения прочности тыла, начали рушиться под тяжестью собственных противоречий. Крестьяне, мобилизованные в промышленность, лишались возможности сеять и убирать урожай, что приводило к голоду среди рабочих, дезертирству с предприятий и в свою очередь порождало необходимость в новых трудовых мобилизациях среди крестьян. Система продовольственного снабжения не справлялась из-за дефицита, что приводило к воровству и в конце концов порождало еще больший дефицит. Систематическое истощение каждого сектора, не связанного напрямую с обороной (производство одежды, обуви, строительных материалов и коммунальных услуг), ослабляло рабочую силу и в конечном счете сказывалось на способности рабочих обеспечивать нужды войны» (с. 376).

Монография производит чрезвычайно благоприятное впечатление; авторы проанализировали огромный массив источников, что позволило им воспроизвести объемную, многогранную и весьма подробную картину положения в тыловых советских городах на протяжении четырех лет войны с Германией. Хотя они и не использовали фонды региональных архивов, им удалось выявить

достаточно обширный материал о ситуации на местах в документах центральных советских учреждений и органов, а также в документах ИРИ РАН и в источниках личного происхождения. Работа Голдман и Филцера обобщает результаты предшествующих исследований по истории советского тыла во Вторую мировую войну и несомненно станет важной отправной точкой для дальнейших изысканий в этой области.

В книге есть мелкие фактические неточности (к примеру, на с. 305 по сути смешиваются такие понятия, как народное ополчение и истребительные батальоны), однако в целом текст довольно добротный и выверенный. Обращает на себя внимание также чрезвычайно взвешенный и сбалансированный стиль изложения – как и в целом выбранный авторами подход к изучаемому материалу, позволивший сделать их исследование по-настоящему многофакторным и всесторонним. Ситуация в советском тылу воспроизводится в книге во всей ее сложности. Авторы многократно оговариваются, что тяжелое положение населения тыловых областей в значительной степени было обусловлено объективными условиями тотальной войны и потерей обширных территорий в европейской части Союза с их промышленным и сельскохозяйственным потенциалом, и подтверждают это разнообразными статистическими данными. В то же время они описывают на многочисленных примерах и обратную сторону советской экономической мобилизации – бессистемность и непродуманность многих конкретных мер, которые не столько способствовали преодолению экономического кризиса, сколько дополнительно усугубляли его, и в целом пренебрежительное отношение политического руководства к нуждам и страданиям собственных граждан, рассматриваемых прежде всего в качестве потенциальной рабочей силы для оборонных заводов. В книге показаны несомненные успехи властей в создании экономической базы для будущей победы (включая прежде всего беспрецедентную в мировой истории эвакуацию промышленного оборудования и персонала на восток с последующим возобновлением производства на новом месте), но исследуются и пределы возможностей сталинского государства в этой области. Текст написан с большим уважением к советскому народу, на долю которого выпало тяжелейшее противоборство с главными силами германской армии на крупнейшем сухопутном театре Второй ми-

ровой войны. При этом авторы рассматривают советско-германский конфликт как составную часть коалиционной войны Объединенных наций против стран «оси»; собственно военное взаимодействие между союзниками выходит за рамки их исследования, однако, например, продовольственная помощь, поступавшая в СССР по ленд-лизу, указана как один из факторов (наряду с освобождением советской территории от оккупантов), позволивших заметно улучшить ситуацию с продовольствием в стране в 1944–1945 гг. Подобный анализ, не отягощенный политической «нагрузкой», может считаться образцовым – особенно при изучении столь сложной и до сих пор крайне болезненной темы, как история Второй мировой войны.

УДК: 323.1; 394.912

DOI: 10.31249/hist/2023.03.15

УВАРОВА Т.Б.* Рец. на кн.: МИХАЛЕВ М.С. ВЕЛИКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ЛИМИТРОФ. ТРАНСГРАНИЧНЫЕ НАРОДЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ И РОССИИ. – Москва : Восточная литература, 2022. – 293 с.

Ключевые слова: пограничные исследования; российско-китайское трансграничье; коренные малочисленные народы.

Keywords: border studies; Russia-China transborder land; small indigenous peoples.

Для цитирования: Уварова Т.Б. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 3. – С. 274–278. Рец. на кн.: Михалев М.С. Великий восточный лимитроф. Трансграничные народы в государственной политике Китая и России. – Москва : Восточная литература, 2022. – 293 с. – DOI: 10.31249/hist/2023.03.15

Выбор региона для своего междисциплинарного исследования М.С. Михалев обосновывает тем, что именно здесь, в пространстве гипотетического Великого Лимитрофа, каким можно считать российско-китайское пограничье, на одной из самых протяженных межгосударственных границ в мире, во многом создается повестка дня для всей центральной части обширного Евразийского континента, и, следовательно, воздействие на протекающие здесь социокультурные процессы является важным инструментом влияния на политическую пограничную ситуацию в целом. По оценке известного специалиста в области геополитики В.А. Колосова, автор вносит весомый вклад в теорию пограничных исследо-

* Уварова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); ethn.uvarova.tb@inbox.ru

ваний (*border studies*). Прежде всего, это взгляд на территории, прилегающие с обеих сторон к границе (трансграничье), как на целостную систему, арену взаимопроникновения и взаимодействия культур, в пределах которой при определенных условиях формируется особая культурная среда. В работе конкретизированы, уточнены и показаны на основании разнообразных литературных источников и полевого материала автора многие ее элементы, с особым вниманием к этносоциальным, этнокультурным и этнополитическим компонентам, поскольку главный ракурс исследования, как определяет его сам автор — социально-антропологический.

Структура работы логично и последовательно разворачивает проблематику исследования. В первой главе всесторонне характеризуется современное российско-китайское пограничье: его формирование, историческая динамика развития, состав населения. Библиография издания включает более 300 работ, причем почти треть из них — на китайском и английском языках. Комплексная характеристика истории изучения региона отражает ее широкий дисциплинарный спектр. Автор показывает, что в то время как зарубежные исследователи проявляют возрастающий интерес к этнологическо-антропологической ситуации в приграничных районах России и Китая, в самой России эта тема до сих пор остается прерогативой географов, историков и представителей политических наук. Заметной лакуной собственно социально-антропологических исследований в регионе остается изучение коренных малочисленных народов, проживающих по обе стороны российско-китайской границы. Хотя современных обобщающих работ пока не подготовлено ни в российской, ни в зарубежной историографии, по отдельным народам такие исследования начинают появляться, например, о нерчинских конных эвенках и эвенках-хамниганах Внутренней Монголии (историко-филологические публикации рубежа XX–XXI вв. известного финского лингвиста Ю. Янхунена).

Полевые материалы собирались автором на протяжении десятилетнего периода (2008–2018) в восьми экспедиционных поездках в различные регионы приграничья: у алтайцев и тувинцев, проживающих в районе более короткого, западного участка современной российско-китайской границы, а также у бурят, эвенков (орочонов) и нанайцев (хэчжэ), населяющих обе стороны восточ-

ного, более протяженного ее отрезка. Полевые материалы органично включены в текст, что придает читательскому восприятию «эффект личного присутствия» в результате использования автором одного из главных методов антропологического исследования – включенного наблюдения.

В последующих четырех главах автор применяет междисциплинарную ресурсную модель и выделяет культурный, духовный, социально-экономический и политический потенциалы как жизненно важные ресурсы представителей коренных пограничных народов, проживающих по обе стороны государственной границы на протяжении длительного исторического периода. На этом основании М.С. Михалев рассматривает эти народы в качестве одного из акторов трансграничного взаимодействия.

Разделение ресурсов на категории – даже композиционно, по главам – в значительной степени условно и умозрительно, поскольку речь идет о совокупности жизненных реалий и повседневных навыков и практик коренного населения, которые постоянно трансформируются, испытывая модернизирующее воздействие «большого общества». Такой подход обнаруживает сходство с методологией, известной как «социология жизни», которая была разработана с позиций конструктивизма известным российским обществоведом Ж.Т. Тощенко. В основе его теоретической концепции лежит представление о жизненном мире, образуемой единством таких индикаторов, как реально функционирующее общественное сознание, действительное поведение людей, которые реализуются в условиях макро-, мезо- и микромира, т.е. анализируется сочетание взаимоотношений общества и человека как члена определенной социальной группы¹.

Как иллюстрация представлены, например, события, связанные с открытием в 1993 г. захоронения «принцессы Укока» (высокогорное плато на Алтае). В исследовании М.С. Михалева показано, как научное изучение памятника, последующая необходимость перемещения артефактов в музей, а затем и экспонирование находок, вызвали беспокойство коренного населения, связанное с нарушением порядка, необходимого для сохранения гармонии

¹ Тощенко Ж.Т. Социология жизни. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – С. 36.

природы и людей. Были даже высказаны требования вернуть находки на место их первоначального открытия, чтобы не потерять покровительства духов, почитаемых предками. Признание современными сибирскими шаманами особой сакральности памятника стало для алтайцев своего рода символическим «политическим капиталом», повысившим роль представителей коренного населения в общественной жизни региона, да и, как они считают, страны в целом. Трактовка событий с учетом традиционных верований в их современном бытовании наглядно иллюстрирует антропологический холизм (от whole (англ.) – весь, целый) ситуации.

Важным и соответствующим реалиям представляется наблюдение исследователя относительно того, что трансграничное взаимодействие представителей малочисленных народов зачастую оказывается свободным от тех культурных и социальных преград, что встают на пути государствообразующих народов – собственно ханьцев и русских, пытающихся понять и принять друг друга. Это обусловлено тем, что малочисленные народы пограничья, как правило, имеют общую историю, говорят на одном языке, разделяют базовые культурные ценности и оперируют одними смысловыми категориями. Подобная особенность может принести значительную выгоду гражданам обеих стран в случае налаживания между ними конструктивных контактов, считает автор.

В то же самое время, в ходе трансграничного обмена между представителями родственных народов государственные рубежи пересекают также современные информация, навыки, модели поведения и мировоззрения. Благодаря этому в трансграничье России и Китая происходят интенсивное культурное, общественное, мировоззренческое, а зачастую и политическое взаимодействия, способные оказать серьезное влияние на ход внутренних социальных и политических процессов в каждой из стран.

Рекомендации автора при характеристике административных мер для достижения управляемости приграничья, например, смещение акцента с жестких, по большей части, запретительных и контролирующих мер на проведение более мягкой политики «встраивания» его особого ресурса в общегосударственную структуру, представляются не вполне учитывающими все региональные обстоятельства. Конкретные изменения достижимы лишь при условии постоянного отслеживания и тонкого понимания природы

сложных социально-экономических и политических процессов, протекающих в районах, непосредственно прилегающих к границе.

Выводы автора обоснованны и убедительны благодаря широкому применению на практике антропологического метода, когда основное внимание уделяется изучению и пониманию культуры, социальной организации, характера и идентичности жителей трансграничных регионов, рассматриваемых в этом случае в качестве активных участников и в какой-то степени даже творцов межгосударственных отношений, хотя их роль автором несколько переоценивается. Справедливо и заключение, что данный вопрос перестает быть чисто теоретическим по мере того, как отношения России и Китая начинают все в большей степени формировать общую повестку дня, а проблема грамотного управления происходящими здесь процессами действительно выходит сегодня на передний план.

Показателем оригинальности и самостоятельности исследования служит также органичное и сбалансированное соотношение его теоретико-методологических, аналитико-историографических, актуальных эмпирических прикладных составляющих, сформулированных в виде рекомендаций. Работа представляет интерес как для широкого круга обществоведов-исследователей, так и для инновационных административных практик в современном пограничье.

ЖИЗНЬ НАУКИ

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КРАЕВЕДЕНИЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ» :
Курск, 1–2 марта 2023 г.

Ключевые слова: краеведение; локальная история; региональные исследования.

Keywords: Local history; local history; regional studies.

Для цитирования: Апанасенок А.В. Всероссийская научно-практическая конференция «Краеведение: прошлое, настоящее, будущее» : Курск, 1–2 марта 2023 г. (Сообщение) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 3. – С. 279–283.

1–2 марта 2023 г. в Курске при поддержке Союза краеведов России прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Краеведение: прошлое, настоящее, будущее». Мероприятие было формально приурочено к 100-летию Курского губернского общества краеведения – одной из самых продуктивных организаций такого рода в российской провинции 1920 – начала 1930-х годов. Впрочем, эта «региональная» символическая привязка явилась прежде всего данью уважения к месту проведения конференции, поскольку и по составу, и по содержанию выступлений она в полной мере оправдала свой всероссийский статус и, думается, оказалась симптоматическим для развития отечественного краеведения событием.

Организаторам удалось собрать внушительный пул докладчиков из Москвы, Санкт-Петербурга, Курска, Белгорода, Воронежа, Липецка, Иваново, Читы, Красноярска, Уфы, Грозного, Стерлитамака и других городов России (более 20), а также г. Алматы (Казахстан). Всего в конференции приняли участие 292 человека, из которых 41 участник презентовали свои доклады, а остальные

выступили в роли участников дискуссий и слушателей. Структурно мероприятие оказалось представлено пленарным заседанием, шестью секциями («Источники краеведческой работы», «История и философия краеведения», «Практическое краеведение», «Краеведение в практической работе специалистов», «Краеведение и педагогика», «Историческое направление краеведения»), а также заключительным круглым столом. Конференция проходила в гибридном формате: некоторые иногородние участники получили возможность выступить онлайн. Впрочем, преобладали все-таки очные выступления, что позволило сохранить важную в таких случаях атмосферу живого профессионального общения.

Тематическое поле конференции в значительной мере оказалось очерчено уже на пленарном заседании. Так, центральную проблему отечественного краеведения, связанную с необходимостью выстраивания гармоничного взаимодействия независимых исследователей – энтузиастов и авторитетных ученых, обозначил в своем приветствии председатель Союза краеведов России проф. В.И. Первушкин (г. Пенза). Главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (он же главный редактор журнала «Российская история») В.Н. Захаров в докладе «Проблема достоверности данных в историческом краеведении» проиллюстрировал актуальную для многих российских регионов ситуацию локального исторического мифотворчества. Последнее проявляется в «изобретении» не существовавших традиций, а также произвольной датировке появления тех или иных городов местными краеведами на основании недоказанных фактов. Захаров призвал к более тесному сотрудничеству «собирателей местных древностей», академического сообщества и органов власти ради создания многогранной и, в то же время, научно обоснованной истории российских регионов. А выступавший затем В.М. Жигалов (председатель исторического общества «Ратник», г. Белгород), опираясь на богатый опыт белгородских энтузиастов, продемонстрировал практические возможности верификации краеведческих теорий в полевых условиях.

Проблему развития краеведения в условиях цифровизации поднял в своем выступлении заведующий сектором исторической библиографии Российской национальной библиотеки, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории

РАН А.И. Раздорский (тема была раскрыта на примере анализа развития электронных ресурсов РНБ по исторической и справочной регионалистике). Дилемму оптимальной презентации и тиражирования краеведческих знаний осветили в своих докладах председатель воронежского историко-культурного общества, главный редактор последнего издания «Воронежской энциклопедии» А.Н. Акиншин и руководитель Центра энциклопедистики и комплексного изучения территорий г. Уфа А.В. Корочкина. В обоих случаях речь шла о феномене «региональной энциклопедии» и его роли в становлении тех или иных краеведческих дискурсов.

Обозначенные проблемы регулярно поднимались в ходе последующих секционных заседаний при анализе тех или иных региональных кейсов, в рамках которых оказалось представлено немало биографических материалов, историй локальных институций, а также примеров успешного внедрения краеведческого знания в практику. Практическое использование краеведческих находок для популяризации культурно-исторического наследия (музеями, библиотеками, образовательными учреждениями и даже воинскими частями) оказалось одной из самых популярных тем, количество соответствующих докладов даже вынудило организаторов образовывать две тематически близкие секции. Еще одна часто поднимавшаяся тема была связана с возможностями реализации воспитательного потенциала краеведения и вовлечением в изучение «малой родины» молодежи. Тут, очевидно, о себе дали знать происходящие в стране события, в том числе изменения в образовательной политике. Как известно, в 2023 г. в силу вступают новые образовательные стандарты, предполагающие серьезное увеличение количества часов, отводимых на изучение истории в вузах. Какое место в новых программах займет региональная история, как заинтересовать краеведческими изысканиями «обычного» студента, какую помощь в этом деле может оказать региональное краеведческое общество – эти вопросы оказались интересны множеству участников мероприятия, а потому поднимались не только в ходе секционных заседаний, но и стали основными для заключительного круглого стола. На последнем, кстати, курянами было принято важное для региона решение о возобновлении деятельности Курского краеведческого общества, фактически переставшего функционировать в 2010 г.

Интересно отметить, что, несмотря на наличие в Курске двух классических университетов, площадкой для проведения всероссийской конференции по краеведению стал Курский государственный медицинский университет, а основное бремя по организации мероприятия взяли на себя сотрудники кафедры философии КГМУ во главе с д-ром ист. наук, проф. Е.С. Кравцовой. В ходе проведения конференции была очевидна заинтересованность администрации вуза, представители которой (ректор университета проф. В.А. Лазаренко, проректор по научной работе и инновационному развитию проф. В.А. Липатов, проректор по воспитательной работе, социальному развитию и связям с общественностью доц. А.А. Кузнецова) активно участвовали в дискуссиях.

В заключение обзора хочется сказать о том, почему конференция «Краеведение: прошлое, настоящее, будущее» представляется симптоматическим событием. Как известно, развитие краеведения в нашей стране на протяжении последних 100 лет шло волнообразно. «Золотое время» регионалистики, пришедшееся на раннесоветский период, сменилось рестрикциями и заморозкой в середине 1930-х годов. Активный общественный и научный интерес к региональной истории и культуре возродился (во многом благодаря деятельности ВООПиК) в позднесоветский период, когда краеведение фактически стало пространством исторической рефлексии, позволявшим исследователям выходить за рамки традиционных для советской гуманитарной науки тем и даже пренебрегать идеологическими клише. Эффект от этого интереса стал особенно очевиден в первое постсоветское десятилетие, когда в России стало выходить огромное количество краеведческих изданий. Первые декады XXI в., ознаменовавшиеся стремлением отечественного научно-преподавательского сообщества интегрироваться в общемировое научное и образовательное пространство, оказались отмечены некоторым снижением интереса ученых-профессионалов к проблемам локальной истории и культуры. Вместе с тем общественная потребность в их вовлечении в краеведческую работу отнюдь не исчезла, а в последние годы даже выросла. Развитие внутреннего туризма, расширение музейной инфраструктуры, создание привлекательных городских пространств, патриотическое воспитание молодежи с помощью увлекательных экскурсионных программ в российских регионах – все это требует труда не

только энтузиастов, но и специалистов, готовых обеспечить проводимым мероприятиям серьезную научную основу. Проведение в среднем по величине российском городе масштабной конференции по краеведению с широким географическим охватом и представительным составом (а именно таким оказалось курское мероприятие) может быть признаком очередного подъема интереса к локальным исследованиям в университетской и академической среде.

*А.В. Апанасенок**

* Апанасенок Александр Вячеславович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия); apanasenok@yandex.ru

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 5

ИСТОРИЯ
2023 – № 3

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.П. Дормидонтова

Подписано к печати 01.09.2023

Формат 60×84/16

Печать офсетная

Усл. печ л. 17,75

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1

Цена свободная

Уч.-изд. л. 14,4

Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У